

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Е.Н. Федосеева

**ЛЕКСИКА СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА**

Научный редактор
доктор филологических наук **Г.В. Федюнёва**

Сыктывкар 2015

УДК 811.511.13'282.3'373

ББК 81-3 (2 Рос. Ком)

Ф33 Федосеева

Федосеева Е.Н.

ЛЕКСИКА СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА. Сыктывкар, 2015. 196 с. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН).

ISBN 978-5-906394-24-8

В монографии рассматривается словарный состав северного наречия коми-пермяцкого языка с точки зрения его происхождения, развития и современного состояния. Основное внимание уделяется сравнительному и ареальному аспекту исследования. Раскрытие синхронной лингвогеографической картины способствует определению основных компонентов современной севернокоми-пермяцкой региональной речи.

УДК 811.511.13'282.3'373

ББК 81-3 (2 Рос. Ком)

Рецензент

кандидат филологических наук **Р.Д. Попова**

Монография публикуется при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33 «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект № 12-П-6-1008 «Лингвогеографические исследования по коми языкам»).

ISBN 978-5-906394-24-8

© Федосеева Е.Н., 2015

© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Северное наречие коми-пермяцкого языка распространено на территории Кочёвского, Косинского и Гайнского районов Коми-Пермяцкого округа. Между северным и южным коми-пермяцкими наречиями расположен Юрлинский район с русским населением.

Большая часть территории занята болотами и лесами, поэтому населённые пункты преимущественно находятся на большом расстоянии друг от друга (см. карту «Распространение диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка»).

В составе северного наречия выделяют косинско-камский, кочёвский и мысовско-лупьинский (ранее мысовский и верх-лупьинский) диалекты и следующие говоры: кочевский, больше-кочинский, пелымский и юкеевский (кочёвский диалект), мысовский и верх-лупьинский (мысовско-лупьинский диалект), пуксибский, чураковский, левичанский, порошевский, пятигорский, косинский, бачмановский, чазевский, юкеевский, иванчинский, даниловский, харинский, васькинский (косинско-камский диалект).

История изучения диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка

Изучение диалектов любого языка имеет важнейшее значение для исследования его истории, языков родственных народов, выяснения изменений, произошедших в определенные периоды развития, выявления новых явлений, причин и условий их появления, степени распространения и так далее.

Работа по изучению диалектов начинается с фиксации языкового материала. Первые письменные памятники коми-пермяцкого языка, в которых был зафиксирован языковой материал, относятся к XVIII в. (Müller 1758, Fischer 1768, Лепехин 1780, Попов 1785, Pallas 1787). В них приводятся повсеместно распространенные слова, такие как *ныл* ‘дочь’, *кыл* ‘язык’, *пул* ‘брусника’, *вёл* ‘лошадь’, *кыскалны* ‘возить’ и др. В большин-

стве работ отсутствуют указания на населенный пункт, где был зафиксирован языковой материал, и на диалектную принадлежность. Однако в некоторых из них встречаются косвенные ориентиры. Так, например, о месте, где Мюллер собирал лексический материал, говорят его слова: «Пермяки... жители между Солью-Камской и Чердынем» (Müller 1758). По языковым особенностям, в частности, по употреблению *л* и *в*, можно сказать, что в данных работах представлены л-овые диалекты. Относительно «Краткого Пермского словаря с российским переводом, собранным и по алфавиту расположенным Антонием Поповым» Р.М. Баталова отмечает, что в нем «представлен припермский диалект, который некогда был распространен на юго-западе от Чердыни и Оней. Данный диалект имел значительное сходство с нердвинским диалектом» (Баталова 1975: 7). Известны также словари XIX века, в которых, возможно, приводится лексический материал северного коми-пермяцкого наречия. Это «Vocabulaire de la Langue Wotjake et Permienne» (Рукопись 1808–1811 г. содержит 150 коми-пермяцких слов на л-овом диалекте) и «Словарь русско-пермяцкий» (Рукопись с датой 1848 г. г. Усолье, содержит около 4000 слов на диалекте косинско-камского типа).

Среди работ, отражающих лексику северного наречия, в которых имеются указания на конкретный диалект, можно назвать следующие:

1. Первоначальный учебник русского языка для чердынских пермяков (Казань 1906); словник из 1100 слов, данных в виде отраслевого русско-пермяцкого словаря и снабженных ударением, представляет косинско-камский диалект.

2. Г. Нечаев. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа (Нечаев 1931: 10–27); приводится более 400 слов с переводом на русский язык, встречающихся на территории кочевского диалекта.

3. Т. Uotila. *Syrjänische Chrestomathie*. Helsinki, 1938. В приложении даны более тысячи слов с этимологиями. В списке слов имеется ряд северно-коми-пермяцких лексем с пометой PK (*permjakischer Dial. an der Kosa*).

4. Т. Uotila «*Syrjänische Texte. Band I. Komi-permjakisch*». Helsinki, 1985. Т.Е. Утила собирал языковой материал (образцы речи) среди военнопленных коми-пермяков и коми-зырян, попавших в финский плен в 1941–1942 гг. Данный материал был обработан, переведен на немецкий язык и подготовлен к публикации Паулой Кокконен. В первом томе, содержащем образцы коми-пермяцкой речи, имеется 60 текстов разного объема (рассказы, предания, сказки, частушки, пословицы и поговорки), записанных от носителей северного наречия. Материал паспортизирован, указаны информанты, их место рождения.

5. Нормативный «Коми-пермяцко-русский словарь» (1985) также содержит лексические единицы, относящиеся к северному наречию коми-пермяцкого языка. На принадлежность слов к наречию в целом указывает помета «сев.» – северное (например, *кось* II сев.1) бой, сражение, 2) драка (КПРС: 187), *нюзь* сев. тихий, медлительный, ~ *морт* тихоня (КПРС: 282). Слова, имеющие узколокальный характер употребления, снабжены пометами «б.-коч.» – больше-кочинский говор, «в.-луп.» – верх-лупинский говор, «гайн.» – гайнский говор, «коч.» – кочевский говор, «лев.» – левичанский говор, «н.-кос.» – нижекосинский говор, «пел.» – пелымский говор, «пукс.» – пуксисбский говор, «хар.» – харинский говор, «чаз.» – чазевский говор, «чур.» – чураковский говор, «юкс.» – юксеевский говор. Следует отметить, что пометы не всегда отражают реальный характер распространения маркированной лексической единицы. Так, слово с пометой «сев.» (северное) не обязательно встречается во всех (или в большинстве) диалектах северного наречия, а слово с пометой, указывающей на определенный говор, может употребляться и в других говорах.

6. «Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь» (Коми-пермяцко-русскöй, русско-коми-пермяцкöй словарь. Общеобразовательной школазын велöтчиссез понда. Кудымкар, 1993). Здесь также содержатся лексемы северного наречия, которые даны с пометой «диал. сев.» – диалект северный, например: *дойка* диал. сев. ‘прыщик; фурункул; короста; болячка’.

Начало изучению диалектов коми-пермяцкого языка было положено Н.А. Роговым, служащим иньвенской дачи Соликамского уезда. В своем «Опыте грамматики пермяцкого языка» (1860) Он впервые указал на наличие нескольких территориально-языковых разновидностей коми-пермяцкого языка в имениях Строгановых и предпринял попытку их разграничения. Основываясь на употреблении звуков *в* и *л*, он выделил *коренное* наречие (в северной и восточной частях иньвенской дачи и смежной с нею купросской) и *южное* (в юго-западной части иньвенской дачи и лежащей южнее кокшаровской) (Рогов 1860: предисловие).

На наличие нескольких территориальных разновидностей коми-пермяцкого языка указывал А.Ф. Теплоухов. Он отмечал: «Пермяки Чердынского и Соликамского уездов Пермской губернии имеют по два наречия. В Соликамском уезде северное (все пермские волости кроме Нердвинской, Верхне-Нердвинской и южной части Верхне-Юсьвинской и юго-западной Верхне-Иньвенской) и южное, а в Чердынском уезде западное (все волости уезда кроме Верхне-Язьвинской волости) и восточное (Верхне-Язьвинская волость)» (Теплоухов 1926: 124).

Таким образом, язык коми-пермяков фиксировался и исследовался с XVIII в., однако целенаправленное научное изучение коми-пермяцких диалектов началось позднее. В 1928 г. при Московском филиале Общества изучения Коми края была создана специальная комиссия по собиранию словарного материала и изучению коми языка под руководством В.И. Лыткина. Задачей комиссии были изучение и описание всех коми диалектов (коми-зырянских, коми-пермяцких и коми-язьвинского). С 1928 по 1930 г. были организованы и проведены экспедиции по исследованию основных коми диалектов. Г.А. Нечаевым был собран и опубликован материал по верхнекамскому наречию (Нечаев 1930) и кочевскому диалекту (Нечаев 1931).

Большой вклад в формирование и развитие коми-пермяцкой диалектологии внес В.И. Лыткин. Им была предложена первая научная классификация диалектов коми-пермяцкого языка. В «Диалектологической хрестоматии по пермским языкам» он пишет: «Территориальные разновидности коми-пермяцкой речевой системы в пределах Коми-Пермяцкого округа... можно объединить в два говора (или, вернее, в две диалектные группы): северный и южный» (Лыткин 1955: 24). Северную диалектную группу он называет еще косинско-камской, в составе которой выделяет лупинский говор и отмечает черты, отличающие его от других северных коми-пермяцких говоров. В южном наречии В.И. Лыткин выделяет следующие говоры: оньковский, нижнеиньвенский, нердвинский и кудымкарско-иньвенский, отмечая, что они «изучены тоже в недостаточной мере, но все же лучше, чем северные» (Лыткин 1955: 26).

Опираясь на исследования В.И. Лыткина, Д.И. Гусев в составе коми-пермяцкого языка выделил следующие диалекты: 1) *северный диалект* (или косинский), территория распространения – Гайнский, Косинский и Кочевский районы; 2) *иньвенский* (южный диалект), территория его распространения – Белоевский, Кудымкарский и Юсьвинский районы; 3) *нижне-иньвенский диалект*, его территория – бассейн рек Доег, Пой, Исыл, т.е. в населенных пунктах около д. Тимино, Доег, Аксенова Юсьвинского района; 4) *оньковский диалект*, территория – Малые и Большие Они и д. Максимовка Юсьвинского района; 5) *нердвинский диалект*, территория Ленинского и Пятинского сельсоветов Кудымкарского района; 6) *язьвинский диалект*; 7) *юздинский диалект* (Гусев 1953: 91–95). Таким образом, языки язьвинских и зюздинских пермяков он впервые включил в состав коми-пермяцкого языка.

Первые специальные исследования были посвящены изучению диалектов южного наречия коми-пермяцкого языка. В 1951 г. А.С. Кривошекова-Гантман защитила кандидатскую диссертацию на тему «Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка».

Ею же было опубликовано еще несколько работ, касающихся иньвенского диалекта (Кривощекова-Гантман 1952, 1958).

В кандидатской диссертации Е.В. Ботевой «Методика изучения морфологии коми-пермяцкого языка в условиях иньвенского диалекта» (1961) рассматривается кудымкарско-иньвенский диалект в сравнении с коми-пермяцким литературным языком.

Планомерное изучение коми-пермяцких диалектов продолжила Р.М. Баталова. В 1962 г. ею была защищена кандидатская диссертация «Оньковский диалект коми-пермяцкого языка», в которой рассматриваются особенности данного диалекта. В 1975 г. ею опубликована монография «Коми-пермяцкая диалектология», которая обобщает основные результаты исследования коми-пермяцких диалектов до середины 1970-х гг. На основании фонетических, морфологических, лексических особенностей коми-пермяцкие диалекты и говоры исследователь объединила в три наречия: северное, южное и верхнекамское. В южном наречии, вслед за В.И. Лыткиным, она выделяет кудымкарско-иньвенский, нижеиньвенский, оньковский и нердвинский диалекты, в составе северного наречия – кочевский, косинско-камский, мысовский и верх-лупьинский диалекты. Р.М. Баталова отмечает, что «это первый опыт фронтального исследования коми-пермяцких диалектов. Отсутствие исследований по северному наречию и слабая изученность коми-пермяцких диалектов вообще не могли не сказаться и в данной работе. К тому же за короткий срок не было возможности изучить более детально говоры всех или хотя бы большинства крупных населенных пунктов. Поэтому границы говоров и диалектов имеют условный характер» (Баталова 1975: 209). Кроме северного и южного наречий в состав коми-пермяцкого языка Р.М. Баталовой включены верхнекамское (Баталова 1975) и язывское (Баталова 2002а) наречия.

А.С. Кривощекова-Гантман и Л.П. Ратегова предложили свою классификацию диалектов. По их мнению, в коми-пермяцком языке два наречия: северное и южное. В составе северного наречия, в отличие от Р.М. Баталовой, они выделяют два диалекта: косинско-камский и лупьинский (Кривощекова-Гантман, Ратегова 1980: 4).

В пермистике в настоящее время принята классификация Р.М. Баталовой, согласно которой в коми-пермяцком языке выделяют северное, южное, верхнекамское и язывское наречия. В составе южного наречия кудымкарско-иньвенский, нижеиньвенский, нердвинский и оньковский диалекты, в составе северного – косинско-камский, кочевский, мысовский, верх-лупьинский.

В последнее время спорным является вопрос о разделении мысовского и верх-лупьинского диалектов. Мысль о нецелесообразности их разделе-

ния была высказана нами в сообщении на зональном симпозиуме «Пермистика–IX» (Федосеева 2002а) и получила развитие в диссертационном исследовании Л.Г. Пономаревой (2002). Проанализировав фонетические и морфологические особенности данных языковых разновидностей, в составе мысовско-лупьинского диалекта исследователь вычленила мысовский и лупьинский говоры.

На основе «Инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков» Р.М. Баталова приступила к унифицированному описанию диалектов коми-пермяцкого языка. Ею были подготовлены и опубликованы монографии по оньковскому (1990), нижнеиньвенскому (1995) и кудымкарско-иньвенскому (2002а) диалектам. Неизученным и неописанным до сих пор остается нердвинский диалект.

К описанию диалектов северного наречия в качестве отдельных территориально-языковых образований специалисты приступают в последние десятилетия двадцатого столетия. А.С. Лобановой в 1993 г. защищена кандидатская диссертация «Кочевский диалект коми-пермяцкого языка». В работе подробно рассматриваются основные фонетические явления, дается характеристика морфологических особенностей диалекта. Автор также останавливается на некоторых синтаксических особенностях сложного предложения.

Изучению фонетических и морфологических особенностей косинско-камского диалекта посвящена кандидатская диссертация Р.П. Дмитриевой «Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка. Фонетика и морфология» (1998). В работе подробно описаны фонетические, морфологические особенности исследуемого диалекта, а также выделены центральные, периферийные и переходные говоры, выявлены их различия.

В 2002 г. Л.Г. Пономаревой защищена диссертация «Мысовско-лупьинский диалект коми-пермяцкого языка». В данной работе фонетическая и морфологическая системы диалекта освещены в сравнении с другими диалектами коми-пермяцкого языка и коми-зырянским языком.

Таким образом, в настоящее время более или менее подробно изучены и освещены фонетические и морфологические черты всех коми-пермяцких диалектов, за исключением нердвинского, что дает возможность для дальнейшего их исследования, в том числе в лингвогеографическом и ареальном аспектах. Лингвогеографические и ареальные исследования направлены на выявление локализации языковых явлений (составление карт и атласов), первичную обработку карт, выяснение закономерностей пространственного расположения языковых явлений, вычленение и интерпретацию ареалов. Данные, полученные в результате картографирования языкового материала и правильной его интерпретации, позволят создать

ареальную классификацию диалектов, а также могут помочь в установлении происхождения, формирования диалектов и реконструкции древнего диалектного членения коми языков. Первые попытки в этой области в коми-пермяцкой диалектологии предприняты Р.М. Баталовой. В работе «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам» ею выявлены отдельные изоглоссы в области фонетики и морфологии на материале коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов, проанализированы некоторые процессы, установлены центры и зоны возникновения инноваций, прослежены пути их распространения (Баталова 1982).

В настоящее время синхронное изучение лексики, фронтальное или частичное описание словарного состава диалектов и языка в целом значительно отстает от описания их грамматического строя, степени разработанности самой проблематики, что характерно и для многих других языков (Уфимцева 1986: 242). В числе наиболее крупных исследований, посвященных лексике, – диссертационное исследование А.С. Кривошековой-Гантман «Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка» (1951), а также раздел в учебнике для высших учебных заведений «Коми-пермяцкий язык» (Кудымкар, 1962), в котором словарный состав коми-пермяцкого литературного языка рассматривается с точки зрения семантики, активности / пассивности, а также происхождения (КПЯ: 110–130). Кроме того, можно отметить несколько меньших по объему работ Р.М. Баталовой (Баталова 1965, 1967, 1968), Р.П. Дмитриевой (1997, 1998), А.С. Кривошековой-Гантман (Кривошекова-Гантман 1952, 1958, 1973, 1974), А.С. Лобановой (2008, 2013), О.П. Аксёновой (1999), Т.Н. Меркушевой (2000а, 2000б, 2001, 2002), Е.Н. Федосеевой (2004, 2005а, 2005б, 2005в, 2009, 2011), раскрывающих разные аспекты диалектной лексики. В 2002 г. автором данной монографии защищена диссертация на тему «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка», которая представляет собой первое специальное исследование лексики северного наречия коми-пермяцкого языка. В работе предпринята попытка полного охвата лексического состава северных диалектов, сравнение его с лексикой южного наречия. Т.Н. Меркушевой в 2003 г. защищена диссертация «Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка». В диссертационной работе для анализа взяты две тематические группы: лексика флоры и лексика фауны южного наречия коми-пермяцкого языка, которые представляют собой наиболее архаичные пласты в лексической системе любого языка и диалекта и входят в активный словарный запас диалектоносителей на протяжении многих веков.

Таким образом, на настоящий период коми-пермяцкая диалектология уже имеет определенные достижения. Вместе с тем следует отметить, что в целом она существенно отстает от коми-зырянской и удмуртской.

Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе

В финно-угристане, в том числе и в пермистике, в коми-пермяцком языке (на территории Коми-Пермяцкого округа) принято выделять два наречия и в их составе восемь диалектов. К северному наречию относят косинско-камский, кочевский, мысовский, верх-лупьинский, к южному наречию – кудымкарско-иньвенский, нижеиньвенский, нердвинский, оньковский. «Современные диалекты – результат длительного развития. На протяжении истории в связи с изменением территориальных объединений происходит дробление, объединение, перегруппировка диалектов» (ЛЭС: 133). Подобные процессы характерны и для современного коми-пермяцкого языка. Что касается косинско-камского и кочевского диалектов, то изменения в них происходят постепенно и малыми темпами. Существенные изменения произошли в верх-лупьинском и мысовском диалектах.

Косинско-камский диалект

Косинско-камский диалект распространен на территории бассейна реки Коса и правого берега верхней Камы. Примерная граница проходит по следующим населенным пунктам: на западе – деревни Подъячево, Чазёво, Пеклаыб, Гортлуд, Бачманово, на севере – деревни Пятигоры, Харино, Данилово, п. Гайны, на юге – деревни Зинково, Лямпино, Чураки, на востоке – административная граница между Коми-Пермяцким округом и Соликамским, Усольским районами Пермской области (Баталова 1975: 214, Дмитриева 1998: 4).

Территория распространения косинско-камского диалекта относится к двум административным районам Коми-Пермяцкого округа: Косинскому и Гайнскому. Населенные пункты этих районов расположены группами, на большом расстоянии друг от друга.

Косинско-камский диалект в области фонетики и морфологии характеризуется следующими особенностями*:

1) функционирование звука *ө* (варианта фонемы *ы*) в периферийных говорах: *тулөс* ‘весна’, *лунтөр* ‘целый день’;

2) сохранение прапермской закономерности вокализма непервого слога (употребление иллабиальной *ы* на месте *у* южных диалектов): *турын* ‘трава’, *гожым* ‘лето’;

* Данные приведены из работ Р.М. Баталовой (1975, с. 214–216) и Р.П. Дмитриевой (1998).

3) выпадение инлаутной гласной *ы* в позиции между согласными, одна из которых сонорная: *ашнас* 'назавтра' (вм. *ашынас*);

4) сохранение первичной гласной *о*, являющейся рефлексом пракоми *ô*: *кор* 'когда';

5) дальнейшее расширение позиций фонемы *л* и переход *в* > *л* в исконных и заимствованных словах: *лышка* < *вышка*;

6) палатализация анлаутных заднеязычных согласных *к* и *г* под влиянием гласных переднего ряда *и* и *э*: *т'эрку* 'дом' (вм. *кэрку*);

7) наличие вставочных фонем *к*, *м*, *й*: *с'инма* 'глазастый', *онмô* 'мой сон';

8) употребление вставочной *в°* в интервокальной позиции в соседстве с лабиальными гласными: *шув°ô* 'говорит';

9) выпадение согласной *з* суффиксальных слогов в интервокальной позиции: *тодис'с'эыс* 'знахари';

10) постановка ударения на первом слоге слова в глагольных формах с суффиксами: *-ал*, *-ас'*, *-ôт*, *-ит*, *-ыл*: *ко'с'алны* 'порвать', *ка'с'тылны* 'вспоминать, поминать';

11) тенденция ауслатной гласной *а* двусложных слов перетягивать на себя ударение: *бал'аў* 'овца';

12) функционирование вторичных внешнеместных и приблизительноместного падежей: *йурлас* 'на голове', *туйлын* 'на дороге';

13) показатели аккузатива существительных *-тô*, *-лô*: *чэрилô* 'рыбу', *т'из'тô* 'пуговицу';

14) показатели инструменталю *-ôн*, *-н*, инессива *-ын*, *-н*: *т'эркун* 'в доме';

15) употребление иллотива на месте послеложных конструкций южных диалектов: *джоджô* (вм. южн. *джодж вылô*) 'на пол';

16) выражение дативом значения причинности действия, вместо эггессива южных диалектов: *узôмыслô* 'по причине сна';

17) функционирование более древнего суффикса компаратива *-джык*: *курыджджык* 'более горький';

18) употребление специфических усилительных слов *нач* 'совсем', *с'эк* 'самый, очень', *дзирс* 'совершенно': *нач дуб* 'совсем без соли', *с'эк басôк* 'самый красивый', *дзирс пым* 'очень горячий';

19) показатель порядковости числительных *-ôдз*: *н'ол'ôдз* (южн. *н'ол'ôт*) 'четвертый';

20) функционирование усеченной формы личных местоимений 3 лица единственного и множественного числа *са* 'он, она' и *на* 'они': *са тôдô* 'он знает', *на мунисô н'и* 'они уже ушли';

21) употребление обобщенно-определятельных местоимений *döc* 'все, всё', *glad'* 'все', *döglad'* 'всё, все': *glad' öktömöc'* 'всё собрали';

22) образование глаголов 2 и 3 лица множественного числа посредством суффикса *-ömöc'* вместо *-ömas'* южных диалектов: *munömöc'* 'они, оказывается, ушли', *baistömöc'* 'говорили, оказывается';

23) наличие суффикса *-ыштышалл* для выражения экспрессивного оттенка уменьшения действия: *быдыштышаллö* 'растет в незначительных количествах';

24) употребление залоговых суффиксов *-м*, *-ас*: *вэжöкас'ны* 'ревновать', *лöс'аммыны* 'поправиться';

25) оформление инфинитивной формы глагола суффиксами *-тö*, *-сö*: *локнысö* 'приходить', *с'ылынтö* 'петь';

26) наличие суффикса деепричастия *-иг*: *пэтигас* 'выходя', *шуигат* 'говоря';

27) функционирование специфических наречий, отсутствующих в других диалектах языка: *омöн* 'прямо', *код'өн* 'хорошо'; употребление послелогов, не характерных для большинства коми-пермяцких диалектов: *кин'н'а* 'из-за', *пын'д'и* 'вместо', *улыа* 'из-за'.

На основе фонетических и морфологических особенностей в составе косинско-камского диалекта Р.П. Дмитриевой были выделены три зоны: центральная, периферийная и переходная. К центральной зоне отнесены говоры Косинского и Левичанского сельских поселений (с. Коса, д. Леви-чи, д. Порошево, с. Чураки, с. Пуксиб и близлежащие к ним населенные пункты). Периферийную зону образуют говоры бывшего Пятигорского сельского совета Косинского района (ныне относящегося к Косинскому сельскому поселению), Гайнского и Иванчинского сельских поселений Гайнского района (бывшие Васькинский, Даниловский, Иванчинский и Харинский сельские советы). К переходной зоне отнесены говоры населенных пунктов Чазевского сельского поселения Косинского района (Дмитриева 1998: 5).

Кочёвский диалект

Кочёвский диалект распространен на территории одноименного района Коми-Пермяцкого округа. Северной границей данного диалекта являются с. Юкеево, д. Пармайлово, южной – граница между Кочёвским и Юрлинским районами.

В области фонетики кочёвский диалект характеризуется следующими чертами*:

* Данные приводятся по работе А.С. Лобановой (1993).

1. Диалект является эловым (звук *в* в нем встречается только в начале слова). Наблюдается тенденция к сужению позиций звука *в* за счет более широкого употребления *л*: ср. *лон* вм. *вон* 'брат'.

2. Более широкое, чем в литературном коми-пермяцком языке, употребление фонемы *ö*, встречающейся в русских заимствованиях на месте *о*: *göd* 'год' (вм. лит. *год*).

3. Расширение позиций звуков: *э* за счет сужения позиций звука *ö* и под действием ассимиляции, ср.: *киээ* (< *ки-э-ö* < *ки-эз-ö*) 'мои руки'; и в составе суффикса отдалительного падежа: ср.: *учöтс'ин'* (< *учöт-с'эн'* с *учöт-с'ан'*) 'с детства'.

4. Наблюдается ассимиляция гласных звуков по ряду и подъему, например: *джоджыл* (< *джоджул*) 'подполье'.

5. В системе ударения наблюдаются процессы морфологизации.

6. Наличие вариантов звуков *й* и *з*: *й // й° // ø*: *з // з° // ø*, например: *йör* 'огород', *сой°* 'сестра', *ваи* (вм. *вайи*) 'я принес'.

7. Широкое распространение ассимиляции согласных, например: *шэтталны* (< *шэтталны*) 'выдергивать', *мöс'с'ур* (< *мöс с'ур*) 'рог коровы'.

А.С. Лобанова отмечает, что большинство отличий кочёвского диалекта обусловлено его фонетическими особенностями, а морфологическая система в основном совпадает с морфологией литературного языка и характеризуется следующими процессами (Лобанова 1993: 144):

1. Трансформация серийных послелогов с основой на *выл-* 'на поверхности чего-либо' и *дынын* 'возле, около чего-либо' в падежные формы соответственно с внешнеместным и приблизительно-местным значениями. В говорах диалекта имеются как «усеченные» (*тöдлö* (< *тöдылö* < *тöд былö*) 'на память'), так и уже окончательно оформившиеся падежные формы (*мырлын* (< *мырылын* < *мыр вылын*) 'на пне').

2. В говорах диалекта в винительном падеже наряду с нулевым окончанием и *-öс* употребляется форма бывшего общепермского объектного падежа *-лö*: *адзза мужиклö* (вм. *адзза мужикöс*) 'вижу мужчину'.

3. Исконные числительные вышли из употребления, вместо них функционируют русские заимствования.

4. Некоторые отличия наблюдаются в глагольной системе: в инфинитивных формах глагола *-ыны* > *-ын*: *вэтлын* (< *вэтлыны*) 'ходить'; в глаголах 3 лица настоящего времени множественного числа суффикс *-öны* > *-өн*: *гижён* (< *гижöны*) 'они едят'.

5. Употребление глагольного суффикса *-ас'* со значением длительности действия: *зэрмас'ö* (вм. *зэрö*) 'идут дожди'.

В составе кочёвского диалекта выделяют четыре говора: больше-кочинский, кочевский, пелымский и юксеевский (Лобанова 1993: 146).

Мысовский и верх-лупьинский диалекты

За последние десятилетия большим изменениям подверглись мысовский и верх-лупьинский диалекты.

На особенностях языка населения бассейна р. Лупьи впервые обратил внимание В.И. Лыткин. В «Диалектологической хрестоматии по пермским языкам» он пишет: «В северной диалектной группе можно выделить лупьинский говор, распространенный в бассейне р. Лупьи и занимающий один сельсовет (Мысовский). Лупьинский говор отличается от прочих северных коми-пермяцких говоров следующим: ударение в значительной мере свободное при некоторой тенденции ставить его на первый слог: суффиксом множественного числа существительных является *-йэз*: *мортйэз* – люди, *лыз'йэз* – лыжи и т.д.; деепричастным суффиксом является *-иг* (*мунигас* – когда он шел, *гõригас* – когда он пахал); в порядковых числительных употребляется только суффикс *-õз'*: *н'ол'õз'* – четвертый, *кват'õз'* – шестой; употребляется много слов, тождественных словам коми-зырянских говоров: *гач'* – штаны, *с'ус'* – умный, расторопный и т.д.» (ДХПЯ: 25–26). Следует отметить, что ученый не выделяет лупьинский говор как особый, а считает его одной из разновидностей северной коми-пермяцкой группы говоров (ДХПЯ: 26).

Мысовский и верх-лупьинский диалекты в качестве отдельных территориально-языковых образований впервые выделяет Р.М. Баталова в «Коми-пермяцкой диалектологии». Она отмечает, что «мысовский диалект занимает территорию одноименного сельсовета за исключением верх-лупьинского куста. Он расположен вдали от остальных населенных пунктов Гайнского района. Расстояние от с. Гайны до с. Мысы 40 км. Диалект распространен в деревнях: Мысы, Конопля, Сойга, Тошым» (Баталова 1975: 216). В качестве специфических черт мысовского диалекта автор выделяет следующие:

1) суффикс множественного числа *-йэз* (*-йэс*, *-йас*, *-эз*, *-ас*): *садйэс* ‘сады’, *кан'н'эз* ‘кошки’;

2) разрушение серийных послелогов на *выл-*: *горылын* (вм. *гор вылын*) ‘на печке’;

3) употребление формы исходного падежа на *-ис'* в значении отдалительного и сравнительного: *вынажык кõинис'* (вм. *кõинс'а*) ‘сильнее волка’;

4) отсутствие винительного падежа на *-лõ*;

5) существование кратких форм *-т* и *-с* лично-притяжательных суффиксов 2 и 3-го л. ед. ч. *-ыт* и *-ыс*: *Над'ат* (вм. *Над'аыт*) ‘твоя Надя-то’;

6) выражение значения превосходной степени прилагательных аналитическим способом: *йона мича* ‘очень (самый) красивый’;

- 7) наличие исконных числительных до десяти и сохранение *с'о* 'сто';
- 8) использование указательного местоимения *та*: *та гырис'а* 'такой крупный';
- 9) употребление кратких форм лично-притяжательных местоимений *мэм* 'мне' и *тэт* 'тебе';
- 10) наличие специфического счетно-личного местоимения *отнасым* 'я один';
- 11) принятие инфинитивной формой глаголов суффиксов определенности *-т* и *-с*: *пырныт* 'зайти-то';
- 12) более широкое употребление глагольного суффикса *-ал* со значением длительности, повторяемости действия: *гор лонталлыны* 'печь топить';
- 13) употребление окончаний *-ин* и *инö* в форме 2 л. ед. и мн. числа первого прошедшего времени и *-анö* в настоящем и будущем времени ед. числа: *вöлиндö* 'вы были', *кэранö* 'вы делаете';
- 14) суффикс *-игö* в деепричастиях: *уджалигö* 'работая';
- 15) наличие специфических частиц *н'ин*, *нö*, *на*, *тадз*;
- 16) выражение общего отрицания частицей *абу* 'нет, не имеется' (Баталова 1975: 216–218).

Относительно верх-лупьинского диалекта Р.М. Баталова пишет, что он «распространен в селениях Верх-Лупья, Пурга, Коса-Сотчем, Ягдын, Шордын. Все они входят в состав Мысовского сельсовета. Большая часть населения этих деревень ныне переселена в с. Гайны. В названных пунктах осталось всего несколько семейств. От Верх-Лупья до ближайшего коми-зырянского селения Дзель около 20 км. На юге диалект граничит с мысовским. Верх-лупьинский диалект является самым северным и относится к числу окраинных» (Баталова 1975: 218).

Исследователь выделяет следующие особенности диалекта:

- 1) более частое (в сравнении с косинско-камским и мысовским диалектами) употребление звука *в* как вставочного: *йуван йувисö* (вм. *йуан йуисö*) 'квасу выпили';
- 2) наличие варианта *л – l* (л средневропейского): *lунын* 'днем';
- 3) довольно широкое употребление звука *э* на месте *о* в непервом слове: *мамэ* (вм. *мамö*) 'моя мать', *доймэ* (вм. *доймö*) 'болит';
- 4) стяжение гласных или выпадение их: *пуктын* (вм. *пуктыны*) 'положить';
- 5) неусвоенность звука *р'*: *зыранка* (вм. *зыр'анка*) 'зырянка';
- 6) наличие у дательного падежа окончания *-ло* и *-лы*: *налы с'этны* 'им отдать';
- 7) использование *-ис'* в исходном падеже: *Лупис'* 'из Лупья';

8) употребление лично-притяжательного суффикса 1 л. ед. ч. -э и редкое использование варианта -ой: *Иванэ* 'мой Иван', *ондой* 'мой сон';

9) краткие формы -т и -с лично-притяжательных суффиксов 2 и 3 л. ед. ч. -ыт и -ыс: *то чачат* (вм. *то чачаыт*) 'вот твоя игрушка';

10) образование сравнительной степени у прилагательных с помощью слов: *виа н'ин*, *вылти*, *йона*, *д'ивё*, *мэдс'а*;

11) образование относительных прилагательных с помощью суффикса -эвэй: *кёртэвэй* 'железный';

12) наличие основ *ны-* и *на-* у личного местоимения 3 л. мн. ч. *ниа* 'они', *са: да налён энайа* 'да у них это', *мэд са вис'талас* 'пусть он скажет';

13) более частое (по сравнению с южными диалектами) употребление глагольного суффикса -ас': *гужас'ны* 'расписаться';

14) существование деепричастного суффикса -игён: *олигён* 'живя';

15) специфический послелог *ног* (ср. южн. *моз*): *с'акёй ног* 'по разному';

16) употребление послелога *пин'д'и* 'из-за';

17) разрушение серийных послелогов на *выл-*: *горылын* (вм. *гор вылын*) 'на печке';

18) наличие частиц *н'ин*, *нё*, частицы *мэд* 'пусть' (Баталова 1975: 218–220).

Как видно из вышеизложенного, многие из указанных Р.М. Баталовой специфических мысовских и верх-лупьинских черт являются общими для этих двух диалектов и отличают их от косинско-камского и кочёвского.

В работе А.С. Кривошековой-Гантман и Л.П. Ратеговой «Коми-пермяцкие говоры» (Пермь, 1980) в северном наречии выделяются только косинско-камский и лупьинский диалекты. Выделение лупьинского диалекта (без разделения его на мысовский и лупьинский) отражает, видимо, точку зрения авторов учебника, согласно которой существуют не отдельные диалекты, а говоры д. Мысы и д. Верх-Лупья (Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980: 7, 66–68).

В настоящее время из девяти населенных пунктов, упоминаемых Р.М. Баталовой (Мысы, Конопля, Сойга, Тошыб, Верх-Лупья, Пурга, Коса-Сотчём, Ягдын, Шордын), существуют только д. Сойга, д. Конопля, д. Мысы (или Норыс) и возникший в 1961 г. поселок Жемчужный. Данные населенные пункты относятся к Кебратскому поселению Гайнского района. В силу различных причин жители остальных селений (преимущественно тех, где был распространён верх-лупьинский диалект) переселились в п. Гайны, п. Кебраты, п. Шордын, п. Верх-Будым с преобладающим русскоязычным населением, а также в другие деревни, заселенные носителями мысовского диалекта. Таким образом, территория верх-лупьинского

диалекта оказалась оставленной его носителями, и население, ранее относившееся к двум разным территориально-языковым образованиям, стало проживать совместно. На современном этапе, пока живы более старшие представители верх-лупьинского диалекта (среднее поколение перешло на территорию, населённую носителями мысовского диалекта в детстве или подростковом возрасте и уже почти утратило языковые особенности), происходит смешение данных образований, то есть имеет место «влияние, испытываемое одним диалектом со стороны другого, бытующего на той же самой объединённой непрерывными связями языковой территории» (Пауль 1960: 450). Обычно смешение происходит более заметно в том случае, если территории диалектов не соприкасались и не находились в постоянном контакте, а сами диалекты имели четкие отличительные черты. Мысовский и верх-лупьинский диалекты были в постоянных тесных контактах и не имели больших различий, поэтому их слияние протекает вполне естественно, тем более что местное население значительно превосходит относительно недавно поселившееся здесь верх-лупьинское. Согласно мнению Г. Пауля, если один из народов превосходит другой своей численностью, то его язык начинает употребляться все шире, оттесняя другой на задний план, в конце концов, двуязычие снова сменяется господством одного языка (Пауль 1960: 460). Данное утверждение характерно для указанных двух северных коми-пермяцких диалектов и подтверждается нашими наблюдениями над речью носителей верх-лупьинского диалекта среднего возраста, которые уже утратили фонетические и морфологические особенности. Что касается словарного состава, то в речи носителей верх-лупьинского диалекта как среднего возраста, так старшего и пожилого, нам не удалось выявить существенных расхождений. Возможно, имевшиеся незначительные лексические различия уже утратились в процессе взаимоконтактов в период совместной жизни мысовцев и верх-лупьинцев.

При определении термина «диалект» мы исходим из следующей дефиниции: «Территориальный диалект – разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной общностью. Диалекты обладают различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике» (ЛЭС: 132). Учитывая то обстоятельство, что определенное количество носителей верх-лупьинского диалекта сохраняется, несмотря на проживание на территории другого диалекта и утрату в связи с этим некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей своего языка, для обозначения новой территориально-диалектной реальности, возникшей в северной части коми-пермяцкого языка, нами был предложен рабочий термин «мысовско-лупьинский диалект» (Федосеева 2000: 431; 2002). Предложенный термин был принят

Л.Г. Пономаревой в диссертационном исследовании (Пономарева 2000: 8). Автор отмечает: «Поскольку язык мысовских и лупьинских пермяков при некоторой нивелировке все же сохраняет отдельные особенности [...], мы считаем целесообразным выделить внутри мысовско-лупьинского диалекта мысовский и лупьинский говоры» (Пономарева 2000: 8). В результате исследования Л.Г. Пономаревой вычленены а) общие севернопермяцкие черты мысовско-лупьинского диалекта; б) языковые черты, являющиеся общими для мысовско-лупьинского диалекта и верхневьегодского диалекта коми-зырянского языка; в) специфические языковые черты. Также выделены особенности языка лупьинских пермяков, которыми он отличается от языка носителей мысовского говора:

1) спорадическое употребление в первом слове звука э на месте ö мысовского и других коми-пермяцких говоров: луп. *гижэм* ~ *гижём* (др. кп. *гижём*) ‘(он) написал (оказывается)’;

2) нерегулярное функционирование *l* на месте велярного *л* мысовского и остальных коми-пермяцких говоров: луп. *лэптис’ны* ~ *lэптис’ны* (др. кп. *лэптис’ны*) ‘подняться’;

3) более частое использование суффикса *-ой (-эй)* при выражении принадлежности предмета/предметов 1-му лицу индивидуального обладателя: луп. *зондой* (мыс. *зонё*) ‘(мой) сын’ (Пономарева 2000: 176).

ГЛАВА 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

В лексике северного наречия коми-пермяцкого языка по степени распространения можно выделить: а) общенародные (общеупотребительные) слова; б) диалектные лексические единицы. Первая группа слов не ограничена рамками определённой территории распространения, то есть употребляется повсеместно. Вторая группа слов функционирует на определённой территории и не выходит за пределы географически ограниченного региона. Эти слова не входят в состав общенародного языка.

Общенародные лексические единицы должны удовлетворять двум основным условиям: «1) они должны быть тождественными друг другу, то есть не выходить за рамки понятия «одного и того же слова»; 2) они должны употребляться в каждой из основных разновидностей национального языка» (Блинова 1975: 38). В определении понятия «одного и того же слова» мы исходим из положений теории тождества слова, предложенных О.И. Блиновой, и, согласно этой теории, в словарном составе северного наречия выделяем общенародные слова и диалектные варианты общенародных слов. «Общенародные слова составляют такие лексические единицы, которые полностью совпадают (по фонемному составу, ударению, значению и т.д.)» (Блинова 1975: 39). На материале коми-пермяцкого языка можно привести такие примеры общенародных слов: *кык* 'два', *мэ* 'я', *тэ* 'ты', *бур* 'хороший' и т.д.

Диалектные варианты общенародных слов составляют лексические единицы, отличающиеся отдельными элементами формальной или смысловой стороны в пределах, допустимых границами тождества слова, то есть отличаются ударением (*ко* 'тёртны – *котö* 'ртны 'бежать'), качеством и количеством отдельных фонем звуковой оболочки (*вöл* – *вöв* 'лошадь', *куим* – *куйим* 'три') и т.п.

Таким образом, под термином *общенародные слова* понимаем лексические единицы, которые полностью совпадают в диалектах коми-пермяц-

кого языка (то есть собственно общенародные слова), и слова, отличающиеся отдельными элементами формальной стороны (то есть диалектные варианты общенародных слов).

Под термином *диалектные слова* подразумеваем лексические единицы, имеющие ограниченную территорию распространения (собственно лексические и семантические диалектные единицы). Например: сев. *пöрийас'ны* – южн. *бöбöччыны* ‘обманывать’, сев. *вэтлöтны* ‘ходить’, ‘курсировать (о транспорте)’ – южн. *вэтлöтны* ‘ходить’.

К лексическим единицам общенародного (общеупотребительного) характера относятся следующие группы слов северного наречия: 1) названия, связанные с человеком: *морт* ‘человек’, *ай* ‘отец’ и т.д.; 2) названия явлений природы: *рыт* ‘вечер’, *зэр* ‘дождь’, *ва* ‘вода’ и т.д.; 3) зоонимические названия: *пон* ‘собака’, *кöин* ‘волк’, *гаг* ‘червь’, *чэри* ‘рыба’ и т.д.; 4) названия флоры: *кыдз* ‘берёза’, *вöр* ‘лес’, *л'öмпу* ‘черемуха’ и т.д.; 5) названия основных действий и качеств: *горзыны* ‘плакать’, *баитны* ‘говорить’, *мунны* ‘идти’, *чочкöм* ‘белый’, *умöл'* ‘плохой’, *дыш* ‘ленивый’ и др. Слова, относящиеся к данным группам, составляют ядро словарного состава коми-пермяцкого языка в целом и северного наречия в частности, и являются общими для всех территориальных разновидностей коми-пермяцкого языка.

В отличие от лексических единиц общенародного характера, диалектные слова охватывают не все сферы жизни человека. В составе диалектной лексики отсутствуют слова, относящиеся к следующим тематическим группам: административно-территориальное деление, политическая жизнь общества, образование, здравоохранение, промышленность, транспорт и т.п. Приведем несколько примеров: *с'эл'сöвэт* ‘сельсовет’, *кн'ига* ‘книга’, *вэлöтис'* ‘учитель’, *газ'эт* ‘газета’, *автобус* ‘автобус’, *т'эл'эвизор* ‘телевизор’, *л'экарство* ‘лекарство’, *космонавт* ‘космонавт’ и т.д. Слова данного типа появились в языке северных коми-пермяков в недавнем прошлом. Они не имеют лексических и семантических особенностей, не входят в состав диалектной лексики, не имеют семантических различий в разных территориально-языковых образованиях, хотя наряду с другими словами входят в состав лексики северного наречия. Слова, относящиеся к перечисленным выше группам, преимущественно являются заимствованными из русского языка. Таким образом, когда говорят о диалектных явлениях в области лексики, то имеют в виду издавна известную в говорах лексику, традиционный состав словаря, живущий в языке носителей длительное время и не сразу выходящий из употребления.

Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка с точки зрения происхождения

Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка неоднородна по своему происхождению. Она складывалась в течение многих веков, и её развитие происходило под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. По происхождению в словарном составе северного наречия можно выделить исконный и заимствованный пласты.

Исконная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка

Исконная лексика является основой словарного состава и характеризуется длительной временной устойчивостью. «Исконно коми-пермяцкие слова – это слова, возникшие в самом коми-пермяцком языке или унаследованные им из общепермского или финно-угорского языка-основы» (КПЯ: 115). В зависимости от исторического развития языка в исконной лексике северного наречия различается несколько пластов: уральский, финно-угорский, финно-пермский, прапермский, пракоми, общекоми-пермяцкий и севернокоми-пермяцкий. Выделяемые пласты лексики (за исключением общекоми-пермяцкого и севернокоми-пермяцкого) довольно подробно рассмотрены в следующих работах: «Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков» (1974), Лыткин В.И. «Историческая лексикология коми языка» (1979), «Современный коми язык. Лексикология» (1985).

Уральский пласт. Традиционно считается, что племена уральского языкового единства до IV тыс. до н.э. жили в северной части Западной Сибири между нижней Обью и Уральскими горами. Во второй половине IV тыс. до н.э. это единство распалось на финно-угорскую и самодийскую группы (Основы 1974: 409). В связи с этим к уральской эпохе относят слова, которые с помощью этимологического анализа можно восстановить на материале, сохранившемся хотя бы в нескольких современных уральских языках. Ученые насчитывают в уральском праязыке около 500 слов (Основы 1974: 397; Лыткин 1979: 30). Реконструированный словарь всесторонне отражает жизнь и деятельность предков уральских народов и относится к различным предметно-понятийным сферам.

В северном наречии коми-пермяцкого языка употребляются следующие слова, восходящие к уральскому (и доуральскому) периоду*: 1) место-

* В своей работе мы опирались на этимологии, приведенные в «Основах финно-угорского языкознания» (1974) и Károly Rédei «Uralisches etymologisches Wörterbuch».

имения: *мэ* 'я', *ми*, *мийд* 'мы', *кин*, *коди* 'кто', *кыс* 'откуда', *мый* 'что', *та-*: в словах *тайд* 'этот', *татдн* 'здесь', *тачд* 'сюда';

2) названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма: *с'ин* 'глаз', *лы* 'кость', *кудз* 'моча', *ныр* 'нос', *-тыл* в слове *бордтыл* 'перо', *мус* 'печень' (чаще 'печень животных'), *кон-* в слове *конулт* 'подмышка', *с'длм* 'сердце', *кыл* '1) язык, 2) слово';

3) названия, связанные с родством: *ныл* 'дочь', *нылка* 'девочка, девушка', *кэл-* (*т'эл-*) в слове *кэйд* (*т'эйд*) 'золовка', *н'им* 'имя', *мон* 'сноха, невестка';

4) слова, связанные с природой: *ва* '1) вода, 2) река', *гыбалны* 'плескаться (о рыбе)', *му* 'земля', *тыл-* в слове *тылкдрт* 'огниво' (букв. огонь + железо), *ты* 'озеро', *йу* 'река';

5) названия флоры: *пу* 'дерево', *кдз* 'ель', *бад* 'ива', *сыс-* в слове *сыспу* 'кедр', *кач* 'кора', *н'ыл-* в слове *н'ылпу* 'пихта', *л'дм* 'черемуха, ягоды черемухи', *пул-* в слове *пулдадд* 'брусника', *мыр-* в слове *мырдадд* 'брусника';

6) названия, связанные с животным миром: *варыш* 'коршун', *поз* 'гнездо', *кол-* в слове *колга* 'глист';

7) названия для обозначения явлений жизни, действий, восприятий (глаголы): *полны* 'бояться', *н'ыл-* в слове *н'ылалны* 'глотать', *олны* 'жить', *кун'ны* 'закрыть (глаза)', *тддны* 'знать', *мунны* 'идти, ехать', *сдскыны* 'жевать, разжевать', *палак* 'пласт, туча', *н'ул-* в слове *н'улны* 'лизать', *мис'к-* в слове *мис'калны* 'мыть', *ус'-* в словах *ус'ны* 'упасть', *ус'кдтны* 'уронить', *уйны* 'плыть, плавать', *кыл-* в слове *кылалны* 'плыть, уплыть', *шырны* 'стричь: резать', *йукны* 'разделить', *кылны* 'слышать', *кулны* 'умирать';

8) слова, служащие для ориентации в пространстве: *выл* 'верх, верхняя часть', *ул-* в словах *ултын* 'под чем-либо', *улын*, *ултын* 'внизу', *ддл* 'один из пары', *-ддл* в слове *мддладдл* 'другая сторона, другой берег';

9) названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний (прилагательные): *куз'* 'длинный', *пэмыт* 'темно, темный';

10) слова, связанные с жилищем, занятиями, питанием, одеждой, средствами передвижения: *пуны* 'варить', *кусны* 'погаснуть', *йэм* 'игла', *сис'* 'гнилой', *сынны* 'грести', *панны* 'снова основу (ткани)', *вон'* 'пояс; тонкая веревка', *сос* 'рукав', *н'дл-* в слове *н'длйос* 'стрела', *кулдм* 'сеть'.

Таким образом, лексические единицы, восходящие к уральскому языку, называют наиболее важные, жизненно-необходимые предметы, явления, действия. Следует отметить, что значение большого количества восходящих к уральскому периоду слов дошло до наших дней без семантических изменений: ср. *мэ* 'я' < **mġ* 'я', *с'ин* 'глаз' < **silma* 'глаз', *лы* 'кость' < **luwe* 'кость', *с'длм* 'сердце' < **sidā(-m)* (*sūdā(-m)*) 'сердце', *поз*

‘гнездо’ < **pesä* ‘гнездо’, куз’ ‘длинный’ < **kończ* ~ *kočz* ‘длинный’, олны ‘жить’ < **elä* ‘жить’ и т.д.

В ряде функционирующих в северном наречии слов, восходящих к уральскому праязыку, произошла трансформация семантики. Например, *пон* употребляющееся в северном наречии со значением ‘конец’, первоначально имело иную семантику: < **räñe* ‘голова’; слово *варыш* ‘коршун’ в уральском праязыке функционировало со значением **warz* ‘ворона’ и т.д. Некоторые лексические единицы приобрели дополнительные значения: *мунны* ‘идти, ехать’ < **mene* ‘идти’, *кыл* ‘язык, слово’ < **kele* (*kēle*) ‘язык, речь’, *ва* ‘вода, река’ < **wete* ‘вода’ и т.п. В отдельных словах можно наблюдать сужение лексического значения. Например, лексема *пол* в уральскую эпоху употреблялась со следующей семантикой: **pälä* ‘половина; сторона; бок’ (UEW: 362). В настоящее время в северном наречии коми-пермяцкого языка слово *пӧл* имеет значения: 1. ‘один из пары’: *Кытӧн нӧ пӧлыт тэ-нат?* Где твой супруг (супруга) (букв. половина)?; *с’ин пӧлӧн видзӧтны* одним глазом посмотреть, 2. ‘сторона чего-либо (чаще о берегах реки)’: *мӧдлапӧл* ‘та сторона, тот берег’, *талапӧл* ‘эта сторона, этот берег’. В значении ‘бок’ употребляется русское заимствование *бок*: *бок вылас* ‘на боку’, *йаишик бок* ‘бок ящика’.

Выделяется группа слов, восходящих к уральскому праязыку, которые в современных диалектах северного наречия коми-пермяцкого языка сохранились как часть сложного слова. Например: *пул*- **polä* ‘ягода’ > *пуллягӧд* ‘брусника’ (букв. ягода + ягода); *кол*- **kälz* ‘глист’ > *колгаг* ‘глист’ (букв. глист + червь); *-тыл* **tulka* ‘перо’ > *бордтыл* ‘перо’ (букв. крыло + перо) и др.

Часть древних слов, происхождение которых относят к уральскому и доуральскому периодам, в северном наречии была утрачена. В настоящее время вместо них употребляются лексемы более позднего образования или заимствования. Например, вместо слова *н’ӧр* ‘ветка’ употребляется лексема *шат* ‘ветка’, вместо слова *оз* ‘земляника’ – *муягӧд* ‘земляника’ (букв. земляная ягода), *гӧрдйагӧд* ‘тж’ (букв. красная ягода) и *з’эмл’анка* ‘тж’, которое является русским заимствованием. Следует отметить, что слова *оз* ‘земляника’, *н’ӧр* ‘ветка’ сохранились и до сих пор употребляются в южном наречии коми-пермяцкого языка.

Финно-угорский пласт. Финно-угорский период охватывает примерно два тысячелетия – с начала IV тыс. до нашей эры и до конца III тыс. до нашей эры. В это время финно-угорские племена населяли южную и западную части уральской прародины – западнее Уральских гор в бассейнах рек Печоры и Камы. В.И. Лыткин в финно-угорском праязыке насчитывал около 1000–1200 слов (Лыткин 1979: 32). Согласно подсчетам Петера Хайду, «число корней в праязыке можно оценить в 2500», а «объём

финно-угорского праязыкового словаря – с учетом дериватов – достигал, по меньшей мере, 20000-25000 лексических единиц и даже, возможно, значительно превосходил это минимальное количество» (Хайду 1985: 259–260).

В северном наречии коми-пермяцкого языка употребляются следующие слова финно-угорского происхождения:

1) числительные: *öтик* ‘один’, *кык* ‘два’, *куим* ‘три’, *н'ол'* ‘четыре’, *вит* ‘пять’, *кват'* ‘шесть’, *кыз'* ‘двадцать’, *с'о* ‘сто’;

2) местоимение: *сийа* ‘он, она, оно’;

3) названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма: *тырп* ‘губа’, *ан* ‘десна’, *сöп* ‘желчный пузырь’, *кынём* ‘живот’, *с'ул* ‘кишка’, *вир* ‘кровь’, *гырдзоза* ‘локоть’, *вэм* ‘мозг’, *с'ур* ‘рог’, *ки* ‘рука’, *мыгөр* ‘тело, туловище’, *пэл'* ‘ухо’, *с'ыли* ‘шея’;

4) названия, связанные с родством: *ич-* в слове *ичмон'* ‘невестка сразу после свадьбы’, *пи* ‘сын’;

5) названия, обозначающие природные явления: *тулыс* ‘весна’, *öзйыны* ‘загореться’, *тöл* ‘зима’, *йы* ‘лёд’, *ой* ‘ночь’, *лöп* ‘мусор, плывущий по воде’, *лым* ‘снег’, *сылны* ‘таять’;

6) названия растительного мира: *дын* ‘комель’, *пöныл'* ‘молодое хвойное дерево’, *-мол'* в словах *туримол'* ‘клюква’, *н'урмол'* ‘клюква’;

7) названия животного мира: *той* ‘вошь’, *бад'öг* ‘куропатка’, *тури* ‘журавль’, *вöl* ‘лошадь’, *йус'* ‘лебедь’, *руч* ‘лиса’, *кодзыл-* в слове *кодзыл-кар* ‘муравей’, *лодз* ‘овод’, *шыр* ‘мышь’, *мош-*, *муш-* в словах *мал'амош*, *мал'амуш*, *бал'амош* ‘пчела’, *пон* ‘собака’, *с'öm* ‘чешуя’, *сын* ‘язь’;

8) названия минералов: *-ки* ‘камень’ в слове *изки* ‘жернов’;

9) названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы): *вölны* ‘быть’, *лоны* ‘стать’, *пидзыртны* ‘выжать’, *с'ималны*: *кынём с'ималö* ‘есть хочется’ (букв. живот голодает), *удны* ‘подать пить’, *с'ойны* ‘есть, кушать’, *пöдны* ‘задохнуться; задышаться’, *пöдлалны* ‘закрыть, закрывать’, *пурны* ‘искусать (о собаке)’, *чэгны* ‘сломать’, *колны* ‘быть нужным’, *вайны* ‘принести’, *-кöl* в слове *ойкölön* ‘на одну ночь, с ночёвкой’, *йуны* ‘пить’, *корны* ‘просить’, *шэргöтны* ‘раскинуть; раздвинуть’, *содны* ‘прибавляться’, *с'öлалны* ‘плевать’, *он* ‘сон, состояние сна’, *сулалны* ‘стоять’, *вийны* ‘убить’;

10) слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: *гырк* ‘внутренность: полость’, *бөр* ‘зад, задняя часть’, *ви* ‘предел чего-либо’, *öлöдз* ‘передняя нижняя часть одежды, приподняв которую кладут в нее что-либо, насыпают: колени’: *öлöдзö пуксьöтны* ‘на колени посадить’;

11) названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний: *тишӧк* 'густой', *вил* 'новый', *гож*- в слове *гожым* // *гожум* 'лето', *вӧсн'ит* 'тонкий';

12) слова, связанные с жилищем, занятиями, питанием, одеждой: *луйны* 'стрелять', *-ӧс* в слове *ыбӧс* 'дверь', *гыр* 'выдолбленный сосуд – ступа', *ви* 'масло', *ма* 'мёд', *пиз* 'мука', *ол*'- в слове *ол'нас* 'постель', *вундалны* 'резать', *-пис* в слове *кэпис* // *т'эпис* 'рукавица', *кыйны* 'ловить', *вурны* 'шить', *-ку* в словах *кэрку* 'изба, дом', *вичку* 'церковь';

13) слова, связанные с верованиями: *лоля* 'живой', *лол*- в слове *лолалны* 'дышать', *лол* 'дух, душа', *кул* 'бес'.

Большинство древних слов, восходящих к финно-угорскому праязыку, сохранились в северном наречии без семантических изменений: *кынӧм* 'живот', *вир* 'кровь', *ки* 'рука', *ой* 'ночь', *тури* 'журавль', *с'ойны* 'есть, кушать' и многие другие. В некоторых лексемах произошла трансформация значения. Например: *сӧп* 'желчный пузырь', *пидзыртны* 'выжать', *вӧл* 'лошадь', *тишӧк* 'густой' и т.д. В ряде слов наблюдается сужение семантики. Так, лексема *лӧдз*, употребляющаяся в северном наречии со значением 'овод', в финно-угорском праязыке имела более широкую семантику: ср. **lǵińz* 'овод, слепень; муха' (UEW: 256); слово *ӧлӧдз* 'передняя нижняя часть одежды, приподняв которую кладут в нее что-либо, насыпают; колени': *ӧлӧдзӧ пукс'ӧтны* 'на колени посадить' имела более обширное значение: ср. **ede* 'передняя часть, перед' (UEW: 71). Часть слов потеряла статус самостоятельной лексической единицы и употребляется в качестве компонента в составе сложных слов: **iċă* (*üċa*) 'мало, маленький' в лексеме *ичмон* 'невестка сразу после свадьбы', **mol'z* (*molδ'z*) 'ягода какого-то кустарника' в слове *туримол* 'клюква', **kiwe* 'камень' в *изки* 'жёрнов', **ukse* 'дверь' в слове *ыбӧс* 'дверь', **kota* 'хижина, дом' в *кэрку* 'дом, изба', *вичку* 'церковь' и т.д. Лексическая единица *с'ималны*, восходящая к финно-угорскому **s'omz* 'голод, жажда' (UEW: 485) в настоящее время имеет несвободное (связанное) значение: ср. *кынӧм с'ималӧ* 'есть хочется' (букв. живот голодает).

Большинство древних слов рассмотренной группы употребляются повсеместно в северном наречии. Лексемы *кыз* 'двадцать', *с'о* 'сто', *пи* 'сын' имеют локальный характер функционирования.

Финно-пермский пласт. В III тыс. до н.э. началось формирование угорской ветви, завершившееся в середине II тыс. до н.э. Финно-угорский праязык распался на два новых праязыка: угорский и финно-пермский (Хайду 1985: 172). Таким образом, финно-пермский период охватывает конец III – середину II тыс. до н.э. Следует, однако, отметить, что взгляды лингвистов в отношении того, является ли исторической реальностью

финно-пермский праязык, расходятся. Б. Коллиндер, к примеру, предпочитает оперировать отдельными группами языков и диалектов, высказывая сомнения в существовании финно-пермского единства: «У нас нет достоверных сведений о какой-либо исторической группировке, которая бы включала все неугорские языки и была бы отделена от угорской группы» [по (Хелимский 1982: 10)].

В связи с тем, что финно-пермская общность просуществовала относительно недолго, в лексике коми языка осталось не так много слов, относящихся к данному периоду (Лыткин 1979: 34). В диалектах северного наречия сохранились следующие группы лексических единиц финно-пермского происхождения:

1) названия частей тела: *тош* ‘борода’, *-с’и* в словах *йурс’и* ‘волосы’, *бурс’и* ‘грива’, *пэл’-* в слове *пэл’пон* ‘плечо’;

2) названия, связанные с родством: *ай* ‘отец’, *морт* ‘человек’;

3) названия, обозначающие явления природы: *тёл* ‘ветер’, *кос’* ‘перекат’, *пыддос* ‘дно’, *туй* ‘путь, дорога’, *сотны* ‘жечь, палить’, *тёлис’* ‘луна, месяц’, *сим* ‘ржавчина’;

4) названия, обозначающие растительный мир: *ул* ‘сук, ветка’, *зёр* ‘овес’, *жос*, *жов-* в слове *жовпу* ‘калина’, *н’ин* ‘лыко’, *вож* ‘ответвление’, *руддос* ‘рожь’, *пожым* ‘сосна’, *турын* // *турун* ‘травя, сено’, *лыс* ‘хвоя’, *сэтёр* ‘смородина’, *чуж* ‘пророщенная рожь; солод’;

5) названия представителей животного мира: *ур* ‘белка’, *ош*, *ошка* ‘бык’, *с’из’* ‘дятел’, *порс’* ‘свинья’;

6) названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий: *пёрны* ‘валиться’, *аддзыны* ‘видеть’, *лос’отны* ‘готовить, приготовить, наладить’, *судзыны* ‘доставать’, *кыз-* в словах *кызотны* ‘кашлять’, *кызпыд* ‘кашель’, *кёсийны* ‘обещать; желать’, *йускыны* ‘распрячь, распрягать’, *с’орн’и* ‘разговор’, *каз’алны* ‘заметить, обнаружить’, *с’уйны* ‘совать, засовывать, затыкать’, *йуалны* ‘спросить’, *мыл-* в слове *мылкыд* ‘характер’, *йэштыны* ‘успевать, иметь время’;

7) слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: *вэл-* в слове *вэлдёр* ‘верх’, *лун* в слове *лунвыл* ‘юг’;

8) названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и возраста: *пёрис’* ‘старый’, *кёдзыт* ‘холодный’, *бур* ‘хороший’;

9) слова, обозначающие жилище, занятия, питание, одежду, средства передвижения: *кыш-* в слове *кышалны* ‘надевать, вешать’, *-сис’* в слове *массис’* ‘свеча’, *тул* ‘шпонка, клин’, *пыж* ‘лодка’, *лойны* ‘месить’, *кок-* в словах *кокны* ‘мотыжить, окучивать’, *кокан* ‘окучник’, *сун’ис* ‘нитка’, *шёрт* ‘пряжа’, *пёрт* ‘котелок’, *пож* ‘сито’, *кэралны* ‘рубить’, *нартён* ‘соединив

две лыжи и сделав из них подобие саней', *пэша*, *йогпэш* 'свонец', *кыйны* 'ткать', *ныж* 'тупой', *потш* 'жердь', сол 'соль', зу 'чесалка';

10) числительные: *с'из'им* 'семь'.

Проанализировав лексические единицы северного наречия, восходящие к финно-пермскому праязыку, можно сделать следующие выводы.

Часть слов в северном наречии имеет значения, тождественные финно-пермским праформам: *ай* 'отец' (ср. **äje* 'отец') (UEW: 609); *ур* 'белка' (ср. **ora* 'белка') (UEW: 343); *сотны* 'жечь, палить' (ср. **söttg* 'жечь, палить') (КЭСК: 262); *сэтөр* 'смородина' (ср. **saptz-rz* (*soptz-rz*) 'смородина') (UEW: 751); *пожым* 'сосна' (ср. **pečä ~ penčä* 'сосна') (UEW: 727); *пöрис'* 'старый' (ср. **porz* 'старый') (UEW: 737) и т.д. В ряде слов, восходящих к финно-пермскому праязыку, наблюдается изменение семантики. Например, *тош* 'борода' (ср. **teškä* (*tekšä*) 'что-то выступающее: острие, борода, колос, трава, растение') (UEW: 795), *чуж* 'пророщенная рожь; солод' (ср. **čošē* 'ячмень') (UEW: 622); зу 'чесалка' (ср. **sukz* 'щетина') (UEW: 767); *пöрт* 'котелок' (ср. **portta* 'сосуд из бересты') (UEW: 736), *каз'алны* 'замечать, обнаружить' (ср. **kačē-* 'видеть, глядеть, замечать') (UEW: 640) и т.д. Некоторые лексемы употребляются только как второй компонент сложного слова, например: **pola* 'какая-то задняя часть тела (спина, плечо, затылок, зад, хвост)' (UEW: 734) в слове *пэл'пон* 'плечо', **šei* или **šög-* 'калина' (КЭСК: 102) в *жовпу* 'калина', **kuse* 'кашель, кашлять' (UEW: 223) в *кыз-ныд* 'кашель', **šišťz* (*šikšťz*) 'воск' (UEW: 785) в *масис'* 'свеча'.

Подавляющее большинство перечисленных слов употребляется во всех говорах северного наречия, однако некоторые из них имеют локальное распространение: *кос'* 'перекат', *нартöн* 'соединив две охотничьи лыжи и сделав из них приспособление наподобие саней'.

Часть лексических единиц финно-пермского происхождения оказалась утраченной в результате их замены лексическими единицами более позднего происхождения или заимствованиями. Следует отметить, что слова *пэрыт* 'быстрый, проворный', *лыс'тыны* // *выс'тыны* 'дойть' финно-пермского происхождения сохранены в южных диалектах коми-пермяцкого языка и утрачены в большинстве говоров северного наречия, где вместо слова *пэрыт* 'быстрый, проворный' употребляются лексемы *чож* 'тж', *бойок* 'тж' (< русск.), а вместо *лыс'тыны* 'дойть' – *чил'кöтны* 'тж'.

Прапермский пласт. Обособление прапермской общности произошло примерно в середине II тысячелетия до нашей эры (Основы 1974: 39; Лыткин 1979: 34; Хайду 1985: 173). Предки современных коми и удмуртов образовывали в это время единый этнический массив, следствием чего является то, что около 70% словарного состава коми и удмуртского языков совпадает (Хайду 1985: 49). Распад этой этнолингвистической общнос-

ти датируют концом I тыс. н.э. – VIII–IX или IX–X вв. (Лыткин 1957: 24, 1967: 136), VIII в. (Хайду 1985: 49). На основе специального исследования С.К. Белых относит начало распада общепермской общности к XI–XII вв., а конец – к XIV–XV вв. (Белых 1998: 121; 2009: 120–121). Е.А. Цыпанов в статье «К вопросу о ходе дивергенции общепермского праязыка» подробно рассматривает различные точки зрения по времени распада общепермского праязыка и приходит к выводу, что на сегодняшний день наиболее правдоподобной является теория Ю. Вихмана и В.И. Лыткина (Цыпанов 2012: 20–27).

В лексике северного наречия сохранились следующие слова прапермского происхождения:

1) названия, связанные с земледелием: *йог* ‘сор, мусор’, *ид* ‘ячмень’, *майög* ‘кол’, *кол’та* ‘сноп’, *тус’* ‘одно зернышко, одна ягода’, *кушман* ‘редька’, *торта* ‘палка с плоской дужкой на конце (приспособление для скупивания зерна на току)’, *с’ортни* ‘репа’, *чарла* ‘серп’;

2) названия представителей фауны: *кöч* ‘заяц’, *курög* ‘курица’, *мöс* ‘корова’, *пода* ‘скот’;

3) названия, связанные с пищей прапермян: *нöк* ‘сметана’, *н’ан’* ‘хлеб, тесто’, *пэл’н’ан’* // *пэл’л’ан* ‘пельмени’, *сур* ‘пиво’, *чöскыт* ‘вкусный, сладкий’, *аз’гум* ‘борщевик’, *гоб* ‘гриб (губчатый), подосиновик’, *н’амыр* ‘костяника’, *таг* ‘хмель’;

4) названия, связанные с одеждой и её изготовлением: *пас’* ‘шуба’, *кис’* ‘бедро’, *рэктан* ‘мотовило’, *с’ури* ‘цевка’, *суса* ‘челнок’;

5) обозначения орудий труда: *гэз* // *д’эз* ‘веревка’, *ороп* ‘рукоятка чего-либо’, *зор* ‘жердь’, *пурт* ‘нож’, *пуртöс* ‘ножны, стручок’, *пыкöт* ‘подпора’, *пыридз* ‘лом, пешня’;

6) слова, связанные с обработкой металла: *дорны* ‘ковать’;

7) названия средств передвижения: *дод’* ‘сани, дровни’;

8) названия, связанные с постройками: *гор* ‘печь’, *горт* ‘дом’, *карта* ‘хлев’, *кэр* ‘бревно’, *ку-* в словах *кэрку* ‘дом’, *вичку* ‘церковь’, *мудöт* ‘завалинка’;

9) обозначения абстрактных понятий: *сад’* ‘сознание, чувство’, *вöт* ‘сновидение’;

10) числительные: *дас* ‘десять’, *джын* ‘половина’, *комын* ‘тридцать’, *с’урс* ‘тысяча’, *кыкйамыс* ‘восемь’, *öкмыс* ‘девять’.

Большая часть слов северного наречия, восходящих к прапермскому языку, сохранила первичные значения, например: *йог* ‘сор, мусор’ (ср. **jög* ‘сор, мусор’) (КЭСК: 100), *ид* ‘ячмень’ (ср. **jüdj-* ‘ячмень’) (КЭСК: 109), *кушман* ‘редька’ (ср. **kušman* ‘редька’) (КЭСК: 148), *н’амыр* ‘костяника’ (ср. **namzr* ‘костяника’) (КЭСК: 185), *таг* ‘хмель’ (ср. **iäg* ‘хмель (расте-

ние) (КЭСК: 277), *сад* 'сознание, чувство' (ср. **sad*, **saž* 'сознание, чувство') (КЭСК: 248), *вот* 'сновидение' (ср. **vot* 'сновидение') (КЭСК: 69), *кэр* 'бревно' (ср. **ker* 'бревно') (КЭСК: 121), числительные: *дас* 'десять' (< **das*) (КЭСК: 87), *с'урс* 'тысяча' (< **s'urs* (КЭСК: 275) и др. Трансформация семантики наблюдается в словах: *мёс* 'корова' (ср. **mesk* - 'самка, телка') (КЭСК: 176), *н'ан* 'хлеб, тесто' (ср. **n'an* 'хлеб') (КЭСК: 202), *зор* 'жердь' (ср. **zor* 'жердинка, рычаг') (КЭСК: 106); *чёскыт* 'вкусный, сладкий' (ср. **č'eskit* 'вкусный') (КЭСК: 312) и т.д.

Почти все лексемы, восходящие к прапермскому языку, общеупотребительны в северном наречии коми-пермяцкого языка. Исключение составляют *аз'гум* 'борщевик', *комын* 'тридцать', *с'урс* 'тысяча', функционирующие только в мысовско-лупьинских говорах. Вместо первых двух в остальных говорах северного наречия употребляются русские заимствования *борщевик* 'тж' и *тыс'эча* 'тысяча', вместо слова *комын* 'тридцать' употребляется лексема *куимдас* 'тридцать'.

Часть слов прапермского языка, сохранившихся в северном наречии, является заимствованиями древнебулгарского и индоиранского происхождения.

Пракоми пласт. Формирование группы пракоми слов происходило после отделения основной части древних удмуртов от предков коми. Следовательно, пракоми, или общекоми, лексика включает в себя слова, общие для всех коми территориально-языковых разновидностей: коми-зырянского, коми-пермяцкого и коми-язьвинского. В основном это производные слова, происшедшие из общих корней прапермского языка-основы, и новые заимствования, которых нет в удмуртском языке.

В северном наречии коми-пермяцкого языка с этого периода сохранились, например, такие слова: *кин'н'а* 'кроме' (ср. кз. *киння*, *тиння* 'кроме как, не более чем' (ССКЗД: 155), *вэжан'* 'крёстная мать' (ср. кз. *вежань* 'крёстная мать' (ССКЗД: 41), *вэжай* 'крёстный отец' (ср. кз. *вежай* 'крёстный отец' (ССКЗД: 41), *вэжапи* 'крестник' (ср. кз. *вежапи* 'крестник' (ССКЗД: 41), *нузгыны* // *назгыны* 'гнусавить' (ср. кз. *назгыны*, *нускыны* 'гнусавить' (ССКЗД: 234, 247), *с'ёлмёс* 'сердцевина' (ср. кз. *сьёмёс* 'сердцевина' (ССКЗД: 357), *с'имёт* 'береста' (ср. кз. *сюмёд* 'береста' (ССКЗД: 360), кя. *симёт* 'береста' (КЯД: 181), *дозмёр* 'глухарь' (ср. кз. *дозмёр* 'глухарь' (ССКЗД: 109), кя. *дозмөр* 'глухарь' (КЯД: 110), *горадзул* 'купальница' (ср. *горадзуль* 'желтоцвет' (ССКЗД: 83), *йёнёд* // *йёнёдд* 'низменный, сырой, болотистый луг' (ср. кз. *йёнёд* 'болотистое место, заросшее кустарниками, несъедобной травой и мелкими деревьями' (ССКЗД: 142), 'болотистое место на склонах гор, тянущееся вдоль реки' (КЭСК: 113), *с'орд* 'место за чем-либо' (ср. кя. *с'орд*: *гор с'орд* 'задняя часть внутренности

печи', *с'орд пѡлат'* 'дощатая площадка за печкой на уровне последней для спанья, задние полаты' (КЯД: 182), 'задняя часть какой-нибудь площади (полатей, поля)' (Лыткин 1964: 95), кз. *сѣрд* 'еловый лес в низменной местности' (ССКЗД: 334), 'лес позади полей' (КЭСК: 253), *ан'кытиш* 'горох' (ср. кз. *анькытиш* 'горох' (ССКЗД: 11), *рас* 'роща' (ср. кз. *рас, раски* 'роща' (ССКЗД: 317) и т.д.

Преобладающее большинство лексических единиц, восходящих к пракоми языку, сохранило исконную семантику. Расхождение значений наблюдается в словах *с'орд* 'место за чем-либо', *йѡнѡд* // *йѡндѡд* 'низменный, сырой, болотистый луг' и др.

Общекоми-пермяцкий пласт. Под термином общекоми-пермяцкая лексика мы понимаем лексические и семантические единицы, бытующие в речи северных и южных коми-пермяков и не встречающиеся в коми-зырянском языке. К данной группе относятся языковые единицы, возникшие в период обособленной жизни коми-пермяков. Приведем несколько примеров: *чикис'* 'коса' (ср. кя. *чикиль*, кз. *кѡса* 'тж'), *чочком* 'белый' (ср. кз. *еджыд*), *ылѡса* 'умный, толковый' (ср. кз. *тѡлка, вежѡра, авъя, сюсь* 'тж'), *арттѡм* 'бестолковый' (ср. кз. *абу сюсь, тѡлктѡм* 'тж'), *вѣжйагѡд* 'морощка' (ср. кз. *мырпом* 'тж'), *гагс'алны* 'стать червивым' (ср. кз. *гагйѡссыны* 'тж'), *колгаг* 'глист' (ср. кз. *ков* 'глист') (Ракин 1993: 45), *гэрйалны* 'громко сильно плакать' (ср. кз. *омлявны, ёна бѡрдны* 'тж'), *кол'ипэрк* 'кедровка' (ср. кз. *перк* 'тж'), *муйагѡд* 'земляника' (ср. кз. *оз* 'тж'), *с'утус'* 'зѣрнышко' (ср. кз. *тусь* 'тж'), *н'индул'* 'валуй' (ср. кз. *бульдук, бычки, бычѡ тшак, кульбук, кулюбук, мусюр, мулюк* 'тж') (Ракин 1989: 50), *ѡс'эктурун* 'иван-чай' (ср. кз. *воййыв, вѡй турун, вѡййыв, рѡспан* 'иван-чай') (ССКЗД: 56), *н'оштѡм* 'некрасивый' (ср. кз. *мисьтѡм* 'тж'), *басѡк* 'красивый' (ср. кз. *мича* 'тж'), *ашын* 'завтра' (ср. кз. *аски* 'тж'), *пым* 'горячий' (ср. кз. *пѡсь*) и т.д.

Общекоми-пермяцкие лексические единицы в основном являются производными, образованными от общих корней пракоми языка. Новые слова образованы 1) при помощи суффиксации: *арт* 'порядок' > *арттѡм* 'беспорядочный, бестолковый', *гаг* 'червь' > *гагс'алны* 'червиветь'; 2) способом словосложения: *вѣжйагѡд* 'морощка' < *вѣж* 'жѣлтый' + *йагѡд* 'ягода', *кол'ипэрк* 'кедровка' < *кол'и* 'шишка' + *пэрк* 'кедровка, птица' и т.д. Некоторые лексические единицы в общекоми-пермяцкий период изменили свою семантику: *шогалны, шогавны* 'болеть', кя. *шогалнѡ* 'сильно болеть' (ср. кз. *шогавны* 'печалиться, горевать, скорбеть, грустить, тужить: болеть, мучаться (во время родов)' (ССКЗД: 432), *туган* 'весенний побег хвойных деревьев' (ср. кз. *туган* 'вершина, верхушка: крона' (ССКЗД: 379: КРК: 659).

Севернокоми-пермяцкий пласт. В северном наречии коми-пермяцкого языка употребляются лексические единицы, не имеющие в настоящее

время зафиксированных параллелей в южном наречии и близкородственных языках: *кипэзёл* 'непокойный (о ребёнке)', *нёлмём*: *нёлмём ва* 'чуть тёплая вода', *вугыр гаг* 'дождевой червь', *выл'лыны* 'жадно есть' и др. Одни из них возникли на основе исконных слов (напр., *вугыр гаг*), другие были заимствованы из русских говоров (напр., *шэрба*). Некоторые лексические единицы вызывают затруднения при этимологическом анализе, так как кроме севернокоми-пермяцких инноваций данные лексические единицы могут быть как исконными, утраченными близкородственными языками, так и заимствованиями.

Выводы

1. В составе исконной лексики северного наречия имеются слова, входящие к уральскому, финно-угорскому, финно-пермскому, прапермскому, пракоми языкам. Также можно выделить общекоми-пермяцкий и севернокоми-пермяцкий пласты.

2. Лексика исконного происхождения отражает наиболее важные сферы человеческой жизни и относится к следующим тематическим группам: местоимения; названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организмов; термины родства; зоонимическая лексика; ботаническая лексика; названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий; названия различных качеств, свойств, черт; слова, обозначающие жилище, занятия, питание, одежду, средства передвижения; числительные.

3. Тождество значений в праязыке и северном наречии коми-пермяцкого языка наблюдается у однозначных слов, семантика которых связана с важнейшими областями жизни человека. Наиболее сохранившимися в северном наречии являются названия органов и частей тела. Соматические слова в любом языке считаются наиболее устойчивой в фонетическом и семантическом отношениях частью лексики. В основном они восходят к уральскому и финно-угорскому праязыкам.

Лексические единицы, называющие состояния и свойства, присущие живому организму, в северном наречии также имеют древние истоки. Они выражают следующие понятия: жить (*олны*), есть (*с'ойны*), умирать (*кулны*), знать (*тёдны*), бояться (*полны*), падать (*ус'ны*), слышать (*кылны*) и др. Следует отметить, что большинство данных лексем являются словами уральского и финно-угорского происхождения.

Названия, относящиеся к сфере природы, также имеют устойчивую семантику. Они обозначают рельеф, различные элементы природы: *тёл* 'зима', *йы* 'лёд', *ой* 'ночь', *ва* 'вода', *му* 'земля', *лым* 'снег', *йу* 'река' и т.п.; представляют собой ботанические названия: *кёз* 'ель', *кач* 'кора', *л'ём* 'черёмуха', *дын* 'комель', *ул* 'сук, ветка', *пожым* 'сосна', *сэтёр* 'смороди-

на' и т.д.; зоонимические названия: *той* 'вошь', *тури* 'журавль', *руч* 'лиса', *шыр* 'мышь', *пон* 'собака', *с'ом* 'чешуя', *с'из* 'дятел' и др.

4. Большая часть лексики претерпела изменения как в фонетическом отношении, так и со стороны семантики и функционирует в северном наречии с иными, отличными от исходных, значениями. В процессе наблюдения над семантикой лексики в северном наречии выясняется, что некоторые слова соотносятся с исходными эквивалентами на основе смежности значений (например, *cön* 'желчный пузырь' восходит к финно-угорскому **säppä* 'желчь' (UEW: 435), на основе семантического сходства (например, *nöpt* 'котелок' < **portta* 'сосуд из бересты' (UEW: 736). В ряде случаев, когда исходная семантика какой-либо лексемы шире, чем значение этого слова в северном наречии, наблюдается сужение (например, *удны* 'дать пить' < **amta* 'давать' (UEW: 8). Расширение, наоборот, прослеживается тогда, когда в северном наречии слово употребляется с более широкой семантикой, чем в праязыке, где оно появилось (например: лексема *н'ан'* в исследуемом наречии имеет значение не только 'хлеб', как в праязыке (ср. **n'an'* 'хлеб' (КЭСК: 202), но и 'тесто').

5. Ряд исконных слов в северном наречии не имеет статуса самостоятельной лексической единицы и функционирует в составе сложных слов. Например: *кодзылкар* 'муравей' (ср. общеп. **kõž'il* 'муравей' < доперм. **kõn* 'ч'з 'муравей' < ф.-у. **kun'č'e* 'муравей' (КЭСК: 126), *ойкөл*, *ойкөлөн* 'на одну ночь, с ночёвкой' (ср. ф.-у. **kalz* 'переночевать' (UEW: 120), *мылкыд* 'характер' (ср. ф.-п. **mele (méle)* 'чувство, смысл; нрав, характер; разум' (UEW: 701) и др.

Заемствованная лексика в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка

Значительное место в словарном составе северного наречия занимают слова, заимствованные из других языков. «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённый из одного языка в другой в результате контактов языков, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» (ЛЭС: 158). Главной причиной заимствования иноязычного слова считается «необходимость дать наименование ранее неизвестному явлению действительности, с которым носители языка столкнулись вследствие общения с другим народом» (Ефремов 1959: 6).

Заемствованная лексика коми-пермяцкого языка до сих пор не являлась объектом специального исследования. В учебнике для вузов «Коми-

пермяцкий язык» (1962) кратко рассмотрены заимствованные слова нерусского происхождения и русские слова дооктябрьского периода (КПЯ: 124–126). Кроме этого имеется «Краткий справочник по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка» Р.М. Баталовой (1962), в котором рассматривается фонетическое и морфологическое оформление русских заимствований в диалектах коми-пермяцкого языка. Однако автор уточняет: «За неимением в нашем распоряжении данных по северному наречию, мы не оперируем его примерами» (Баталова 1962: 5). На материале лексики коми-зырянского языка отдельные вопросы заимствования рассматривались в ряде работ Й. Калимы (1910), С.А. Шамахова (1962), В.П. Выборова (1962), Е.А. Игушева (1972, 1973, 1984), В.И. Лыткина (1949, 1971, 1975, 1979), А.Н. Ракина (1979, 1985, 1998), Л.М. Безносиковой (1984), Е.А. Айбабиной (1984, 1988, 1990, 1998) и др.

В северном наречии коми-пермяцкого языка имеется множество заимствованных лексем, воспринятых в результате контактов предков коми-пермяков с другими народами в разные периоды исторического развития. Наиболее древними заимствованиями в финно-угорских языках считаются индоевропейские (Лыткин 1979: 53; Бараксанов 1985: 55; Айбабина 1998: 131). В.И. Лыткин отмечает, что названия индоевропейского происхождения проникли в язык предков коми в прафинно-угорский период (Лыткин 1979: 53). В исследуемом наречии коми-пермяцкого языка в настоящее время употребляются следующие слова индоевропейского происхождения: *йы-* в слове *йыкы* ‘ость’ < и.-е. **jevo-* (КЭСК: 111), *-мош* / *-муш*: *мал’амош*, *мал’амуш*, *бал’амош* ‘пчела’ < доиранск. **mekš* (КЭСК: 169), *ма* ‘мёд’ < и.-е. **medhu* (КЭСК: 167), *порс’* ‘свинья’ < доиндо-иранск. **porš’os* (КЭСК: 226), *лы-* в слове *лыд’дыны* ‘считать’ (UEW: 253) и др.

В более позднее время у финно-угров тесные контакты были с праиндоиранцами. Из праиндоиранского языка в прафинно-угорский было заимствовано довольно много лексических единиц (Лыткин 1979: 54). В словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка в настоящее время также встречаются лексемы из числа праиндоиранских заимствований: *с’о* ‘сто’ (КЭСК: 252), *вуг* ‘ручка чего-либо’ (КЭСК: 69), *с’у* ‘зерно’ (КЭСК: 273), *вож* // *ож* ‘оглобля’ (Лыткин 1979: 54; UEW: 605), *с’урс* ‘тысяча’ (КЭСК: 275), *с’ур* ‘рог’ (КЭСК: 274), *орд-* в слове *ордлы* ‘ребро’ (UEW: 625), *пыдбс* ‘дно’ (UEW: 741), *турун* // *турын* ‘трава’ (КЭСК: 287) и т.д.

После отделения прибалтийских финнов от волжских и пермских племен последние продолжали связи с иранскими племенами. О контактах с ними свидетельствует большое количество иранских заимствований, часть которых в северном наречии коми-пермяцкого языка употребляется

и в настоящее время: *бурс'и* 'грива (лошади)' (КЭСК: 42), *вурун* // *вурын* 'овечья шерсть' (КЭСК: 70), *-дар* в слове *пэл'л'андар* 'шумовка' (КЭСК: 87), *дас* 'десять' (КЭСК: 87), *зон* 'сын' (КЭСК: 106), *зор* 'овес' (Лыткин 1979: 55), *көрт* 'железо' (КЭСК: 142), *курёг* 'курица' (КЭСК: 147), *майёг* 'кол' (КЭСК: 168), *н'амёт* 'портянка' (КЭСК: 201), *өгыр* 'горячие угли' (КЭСК: 209), *өтөр* 'место вне дома, на улице' (КЭСК: 419), *ош* 'бык' (КЭСК: 213), *под* 'ножка гриба', *под-* в слове *подён* 'пешком' (КЭСК: 223), *пода* 'скот' (КЭСК: 223), *пурт* 'нож' (КЭСК: 233), *пуж* 'иней' (Лыткин 1979: 57), *рём* 'цвет, окраска' (КЭСК: 244), *сур* 'пиво' (КЭСК: 266), *шуд* 'счастье' (КЭСК: 323), *рёмидз-* в слове *рёмидзтыны* // *рёмыс'тны* 'жевать жвачку (о корове)' (Лыткин 1979: 56) и др.

Следующий пласт иноязычной лексики составляют болгарские (или древнечувашские) заимствования. В начале нашей эры на юге России появились тюркские народы. Прапермские народы оказались их соседями и заимствовали у них определённое количество слов (Лыткин 1979: 59). В словарном составе исследуемого наречия сохранились следующие заимствования этого периода: *бус* 'пыль' (КЭСК: 43), *кол'та* 'сноп' (КЭСК: 131), *көч* 'заяц' (КЭСК: 143), *кушман* 'редька' (КЭСК: 148), *с'ортн'и* 'репа' (КЭСК: 253), *торта* 'приспособление для скупивания зерна' (КЭСК: 282), *тус'* 'одно зёрнышко, одна ягода' (КЭСК: 288), *чарла* 'серп' (КЭСК: 302), *кис'* 'бердо' (КЭСК: 124), *с'ури* 'цевка' (КЭСК: 274), *суса* 'челнок' (КЭСК: 267), *з'эп* 'карман' (КЭСК: 105), *чуман* 'берестяная коробка' (КЭСК: 313), *гоб* 'гриб' (КЭСК: 76), *бан* в слове *чужёмбан* 'лицо' (КЭСК: 37), *куд* 'лукошко' (КЭСК: 144) и др.

В IX–X вв. основная часть коми населения была отделена от удмуртов. Предки коми-зырян встретились на севере с вепсами, карелами, ненцами, хантами, манси (Лыткин 1979: 60). Несмотря на то, что, по мнению ученых, контакты предков коми-пермяков с этими народами не могли быть тесными и, вероятней всего, носили эпизодический характер, в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка имеется несколько вепских заимствований: *кал'л'а* 'жидкий квас' (КЭСК: 115), *карта* 'дом, хозяйство' (КЭСК: 118), *лудык* 'клоп' (КЭСК: 163), *раб* 'барда' (КЭСК: 239). Также нами выявлено мансийское заимствование: *чумпэл'* 'черпачок из бересты' (КЭСК: 314).

Количество угорских заимствований в коми-пермяцком языке, возможно, больше, и дальнейшие разыскания в этой области позволят их выявить.

Преобладающее количество древних заимствований нерусского происхождения проникло, вероятно, вместе с заимствованием соответствующих предметов и вхождением новых понятий. В основном это живот-

новодческая и сельскохозяйственная лексика, числительные, терминология ткачества, названия некоторых предметов быта, а также обозначения абстрактных понятий: цвет (*рõм*), сторона (*орд-*), счастье (*шуд*) и т.д.

В процессе развития языка одни заимствования остались без изменений, например, *ма* ‘мёд’ (< и.-е. ‘мёд’) (КЭСК: 167), *зõр* ‘овёс’ (< ир. ‘овёс’) (Лыткин 1979: 55), другие претерпели семантические изменения, например, *пода* ‘скот’ (общеп. ‘скот’ < иранск., ср. памирско-иранск., тадж. ‘стадо’) (КЭСК: 223), *зон* ‘сын’ (общеп. ‘сын, парень, человек’ < ир., ср. осет. ‘дети’, авест. ‘рождать’, др.-инд. ‘человек, создание’) (КЭСК: 106).

Наибольший пласт в составе заимствованной лексики северного наречия коми-пермяцкого языка образуют русские заимствования – «элементы русского языка, перенесённые в коми язык в результате языковых контактов» (Карманова 1998: 132).

Известно, что первые контакты коми с русским населением установились в XI–XII вв. С тех пор русское влияние постепенно усиливалось. С исторической точки зрения можно выделить несколько ступеней усиления этого воздействия. Первая ступень связана с проникновением первых русских людей – новгородцев – в северо-восточные земли в XI в. Новгородцы «искали здесь дорогую пушнину – предмет вывозной торговли «Великого Новгорода» (Свирская 1948: 124). Они прокладывали дороги по рекам и волокам. Основная дорога новгородцев проходила через Пермь Вычегодскую по линии: Северная Двина, Вычегда, волок, Ухта, Ижма, Печора и дальше через Урал до Оби. И с Вычегды, и с Печоры можно было попасть на Каму, пройдя через коми-пермяцкие земли (Свирская 1948: 124).

Вторая ступень русского влияния связана с вхождением коми земель в состав Русского государства в конце XIV – XV в. В этот период на землях Верхнего Прикамья появляется «оседлое русское население» (Оборин 1990: 72). Переселение русского населения в Прикамье связывают с тем, что после присоединения коми-пермяцкой земли через нее прошла новая, более южная и более короткая дорога в Зауралье (Свирская 1948: 128).

Приток русского населения на восток «особенно усилился во второй половине XVI века – после завоевания Казанского царства, когда выровнялась восточная граница, форпостом которой было Прикамье. Это переселение стояло в прямой связи с общим экономическим кризисом, переживавшимся тогда государством» (Свирская 1948: 128).

Третий период усиления русского влияния начинается в XVII в., когда была освоена новая, более короткая дорога в Сибирь, так называемая бабиновская. Зимой эта дорога пролегла именно по территории северного наречия – через Юкеево, Косу и Уролку.

В XVIII в. Урал становится центром русской горной промышленности, в связи с чем можно выделить четвертый этап влияния русского населения на коми. Появление заводов на Урале затронуло судьбу государственных крестьян, в том числе и коми-пермяков, живущих на севере Чердынского уезда. Царское правительство приписывало чердынских крестьян к заводам, где они жили бок о бок с русскими (Свирская 1948: 133–134).

Пятый период русского влияния начинается с революции 1917 г. Это период наибольшего воздействия русского языка, культуры на коми-пермяков.

Естественно, что русские слова начали проникать в язык коми-пермяков, начиная с первых контактов. Число заимствуемых слов постепенно увеличивалось, однако провести периодизацию их очень сложно, так как первые памятники письменности относятся лишь к XVIII в. и их количество крайне незначительно. Поэтому в своей работе мы не ставим целью проведение хронологизации русских заимствований в северном наречии коми-пермяцкого языка.

Взаимоотношения коми-пермяков и русских затрагивали многие стороны жизнедеятельности. Они были взаимополезными, так как «природная среда проживания, обладавшая многими сходными чертами, вызывала однотипную хозяйственно-культурную деятельность» (Чагин 2000: 15). В составе заимствованной лексики можно выделить тематические группы, характеризующие практически все сферы жизни человека.

1. Слова, связанные с природно-климатическими явлениями

В северном наречии коми-пермяцкого языка встречается несколько заимствований из русского языка, относящихся к данной группе: *пад'эра* 'сильный ветер со снегом' < *падера* нвг., пск., арх., прм., сиб. 'буря с вихрем, дождем, со снегом, зимнее ненастье, дряпня, мокредь, метель, вьюга, при сильном ветре' (Даль 3: 7). Более поздними заимствованиями, возможно, проникшими из русского литературного языка, являются *звезда* // *з'везда* 'звезда' < русск. *звезда* 'небесное тело, видимое простым глазом в форме светящейся точки на небе' (СРЯ: 185), *радуга* 'радуга' < русск. *радуга* 'разноцветная дугообразная полоса на небесном своде, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях' (СРЯ: 521) и т.п.

Заимствованных слов, связанных с природно-климатическими явлениями, в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка немного. Вероятно, это связано с тем, что наиболее важные природные явления получили названия в ранние периоды жизни наших предков.

2. Лексика, отражающая рельеф местности

К данной тематической группе заимствований относятся следующие лексемы, бытующие в северном наречии: *пабэрэжка* 'место (покос)

по берегу реки' < *набережка* 'узкая полоса берега, поросшая травой' арх. (СРНГ 25: 107); *рамэн'* 'сырое место' < *рамень, раменье* кстр. ряз. 'мешанное чернолесье, ель, пихта, липа, берёза, осина, более по суглинкам с моховиной'; кстр. прм. вят. влд. 'густой, дремучий, тёмный лес', 'большие казённые леса, где есть распахка', 'глушь лесная непроезжая' (Даль 4: 56), *раменье* 'опушка дремучего хвойного леса' (Подвысоцкий 1885: 146); *полой* (в названии места *Полополой*) 'место, заливаемое водой' < *полой* 'заливное, поёмное место, берег, луга: пойма, поем, займище, разлив // круговой рукав реки, проток...' (Даль 3: 263); *ласта* 'плоский, низменный луг' < *ласта* прм., вят. 'плоскость, низменность, равнина, луг' (Даль 2: 239); 'береговой луг, сенокос' арх. (Подвысоцкий 1885: 11), *гора* 'гора, возвышенность' < русск. *гора* 'значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью' (СРЯ: 113), *кочка* 'кочка' < русск. *кочка* 'бугорок на сыром лугу, болоте' (СРЯ: 244), *канава* 'канава' < русск. *канава* 'неглубокий и неширокий ров' (СРЯ: 215) и др.

Коренное население, жившее за счет охоты, рыболовства, хорошо знало свою территорию, поэтому лексемы, называющие более значимые водоемы, почвы, объекты рельефа местности, являются исконными.

3. Названия растений

С развитием земледелия и садоводства в словарный состав северного наречия вошли названия культурных растений: *укроп* 'укроп', *морков* 'морковь', *с'окла* // *с'юккла* 'свекла', *огурэц* // *огурэц* 'огурец', *капуста* 'капуста', *картов* // *картовка* // *картошка* 'картофель', *с'ирэн'* 'сирень', *турн'эн* 'турнепс', *ирга* 'ирга' и т.п. Они вошли в язык коми-пермяков вместе с реалиями, ими обозначаемыми, так как для них не было обозначений в исконном словарном составе. Кроме того, русские наименования (*арбуз*, *дын'а*, *виноград*, *банан*, *вишн'а*, *сл'ива* и т.п.) употребляются для обозначения тропических и южных растений, которые, благодаря регулярному снабжению местного населения плодами этих растений, стали известными также на северных территориях. Для дикорастущих растений употребляются древние исконные наименования. Однако следует отметить, что русские слова часто употребляются вместо исконных названий: *бэрийоза* (вм. *кыдз* 'берёза'), *мал'ина* (вм. *омидз* 'малина'), *йолка* (вм. *кōз* 'ель'), *кал'ина* (вм. *жо* 'калина') и т.п.

4. Названия населенных пунктов, хозяйственных построек

К данной тематической группе относятся такие слова, как *д'эрэвн'а* 'деревня' < русск. *деревня* 'крестьянское селение' (СРЯ: 131), *с'эло* 'село' < русск. *село* 'большое крестьянское селение' (СРЯ: 579), *город* 'город' < русск. *город* 'крупный населённый пункт, административный, торговый, промышленный и культурный центр' (СРЯ: 115), *кобрэг* // *погрэг* 'постройка для хранения различных припасов' < русск. *погреб* 'помещение ниже

уровня земли для хранения припасов' (СРЯ: 429), *звоз* 'помост для въезда на сеновал' < *звозы* сев. 'настилка со двора в верхний сарай или сеник для въезда туда возом' (Даль 1: 193) и др. Этнографы отмечают русское влияние в устройстве жилища. Вместе с реалиями в язык коми-пермяков вошли и их названия: *потолок* // *потолог* // *потолок* 'потолок' < русск. *потолок* 'верхнее внутреннее покрытие помещения' (СРЯ: 464); *мат'ича* 'матица' < русск. *матица* 'потолочная балка' (СРЯ: 276); *полат'* 'полати' < русск. *полати* 'в избе: нары для спанья, устраиваемые под потолком между печью и стеной' (СРЯ: 447), *запан'н'а* 'западня' < русск. *западня* 'залавок, подъемная крышка над лазом в подполье' (Даль 1: 611), *кос'ак* 'косяк' < русск. *косяк* 'брус дверной или оконной рамы' (СРЯ: 243), *голбэч* 'голбец' < *голбец* сев. вост. и сиб. 'род примоста, загородки, чулана или казенки в крестьянской избе, между печью и полатами: припечье, со ступеньками для всхода на печь и на полати, с дверцами, полочками внутри и с лазом в подполье' (Даль 1: 366); *пэрэдн'ик* 'предбанник' < *передник* 'передняя комната' Горьк. (СРНГ 26: 87); *лабич* 'лавка' < русск. *лавица* 'лавка, глухая, неподвижная скамья, доска для сидения вдоль стены' (Даль 2: 231) и т.п.

5. Названия предметов домашнего обихода, утвари

В северном наречии коми-пермяцкого языка широко употребляются русские заимствования, обозначающие предметы домашнего обихода, утвари. Наиболее ранними из них считаются следующие: *час'* 'уполовник' < др.-рус. *чаи'а* 'миска, чашка' (КЭСК: 302), *гырн'ич* 'глиняный горшок' < др.-рус. *гырньць* 'горшок' (КЭСК: 86), *бэкѳр* 'тарелка' < др.-рус. *бекар* 'сталец, чашка' (КЭСК: 38). В более позднее время в язык коми-пермяков вошли такие слова, как *тарэлка* 'тарелка', *миска* 'кастрюля', *кружка* 'кружка', *таз* 'таз', *вэдра* 'ведро', *стул* 'стул' и т.п. Отдельные заимствования встречаются только в некоторых говорах: *ѳжѳѳ* 'палка для помешивания в печи' (мыс.-луп. хар. пятиг. б-коч. иванч. пел. дан.) < *ѳжег* 'палка, употребляемая вместо кочерги' (СРНГ 23: 74); *баклашик* // *баклашка* 'плоская пластмассовая фляжка' (пукс. хар. иванч. лев. чур. пел.) < *баклашок* 'деревянная плоская фляга' (СРНГ 2: 61); *бакэрок* 'фляжка' (бач.) < *бакирок* курган. 'ведро' (СРНГ 2: 59).

6. Названия одежды, обуви, головных уборов, украшений

О длительности контактов коми-пермяков и русских свидетельствует и одежда. Исследователи отмечают много общего в ее составе, покрое, терминологии, хотя коми-пермякам известны были названия и на родном языке (Чагин 2002: 16). Названия традиционной одежды, частей ее, обуви, украшений, перенятых у русских, следует считать, вероятно, ранними заимствованиями: *дубас* 'холщевый сарафан' < *дубас*. влгд. прм. сиб. 'безрукавый рабочий сарафан, толстого холста, дублёный, выкрашенный дубом;

простой крашенный сарафан' (Даль 1: 498); *гун'а* 'поддёвка' < *гуня* твр. прм. 'поддевка, парусинник, ветхий полушубок или армяк, крытый простым холстом' (Даль 1: 408); *гайтан* 'шнурок для нательного креста' < *гайтан* 'шнурок, на котором носят нательный крест' (Даль 1: 341); *потшалёк* 'цветастый большой платок' < *подшальник* 'небольшой женский платок, полущаль' (Даль 3: 216); *нагол'* 'шерстяные гольфы без носка' < *наголёнок* 'чулки, у которых носки отрезаны' (Даль 3: 6); *лабута* 'разношенная обувь' < *лабуты* прм. 'безобразная, грубая обувь, лапти, поршни, лапоть подшитый шкуркой' (Даль 2: 231); *запон* 'передник' < *запон* 'передник; фартук женский или рабочий мужской; иногда кожаный, кузнечный' (Даль 2: 615). Несколько позже в связи с появлением соответствующих предметов одежды и обуви были заимствованы следующие слова: *колоши* 'галoши', *сапоги* 'сапоги', *бот'инки* 'ботинки', *тул'и* 'туфли', *лат'т'о* 'платье', *сарапан* 'сарафан', *пойас* 'пояс', *плаш* 'плащ', *пинжак* 'пиджак', *калат* 'халат', *шапка* 'шапка', *йупка* 'юбка', *рэмэн* 'ремень' и т.п. Кроме перечисленных названий можно привести ряд других наименований, появившихся в речи коми-пермяков относительно недавно: *сандали*' 'сандалии', *шл'опанцы* 'шлёпанцы', *панамка* 'панамы', *трэко* 'трико' и т.п.

7. Лексика, связанная с земледелием

Земледелие на территории северного наречия коми-пермяцкого языка было развито очень слабо, так как природные условия, почвы неблагоприятны для подобных занятий. Из более ранних заимствований в словарном составе северного наречия употребляются следующие: *наз'ом* 'навоз', *постат'* 'борозда', *подпол'ича* 'межа', *мэжа* 'межа', *гумна* 'гумно', *борозда* 'борозда' и т.д., а также названия сельскохозяйственных орудий: *рал'н'ик* 'рапник', *вила* 'вилы', *плуг* 'плуг' и др. Некоторое количество слов, связанных с земледелием, вошло из русского языка после 1917 г. в связи с образованием колхозов и совхозов, развитием земледелия: *удобрен'н'о* 'удобрение', *жатка* 'жатка' и др.

8. Лексика, связанная с животноводством

Вместе с развитием животноводства в языке северных коми-пермяков появились следующие слова: *скот* 'скот' (ср. исконное *пода* 'скот'), *пос'т'эл'а* 'подстилка для скота' < *постеля* 'подстилка для скота' (СРНГ 30: 225), *кобыла* 'кобыла', *жэрэбэч* 'жеребец', *жвакуйтны* 'жевать жвачку' < *жвакать* 'бран. жевать, чавкать' (Даль 1: 528), *пороз* 'бык-производитель' < *пороз* 'самец домашнего животного', *порозень* 'бык-производитель' (СРНГ 30: 72, 73); *нокот'* 'какая-то болезнь лошадей' < *нокоть* 'общее название нескольких болезней скота' (СРНГ 21: 267). Из более поздних заимствований встречаются такие, как: *пэрма* // *пирма* // *фэрма* 'ферма', *тэл'ати'ик* 'телятник', *с'илос* 'силос', *фураж* 'фураж' и т.п.

9. Названия продуктов питания, напитков

В результате контактов с русским населением у коми-пермяков разнообразилось меню. Вместе с новыми понятиями в язык вошли и их названия. В составе данной группы слов, заимствованных из русского языка, следующие: *сакар* 'сахар', *канпэт* // *канпэт* 'конфета', *студ'эн* 'студень', *прэн'ик* 'пряник', *квас* 'квас', *вина* 'любой спиртной напиток (вино, водка)', *калбаса* 'колбаса', *морожэной* 'мороженое' и т.п. В отдельных случаях заимствование используется для конкретизации продукта. Так, слово *пиво* употребляется в значении 'покупное пиво', а исконная лексема *сур* – с семантикой 'домашнее пиво, т.е. приготовленное в домашних условиях'. Иногда заимствованные слова дублируют исконные названия (например, *шыд* 'суп' и *суп* 'тж'), которые становятся менее употребительными и постепенно переходят в пассивный словарный запас.

10. Термины родства и родственных отношений

Под влиянием русских усложнились прежние представления о родственных связях. В языке коми-пермяков одно слово обозначало мужчину и мужа, женщину и жену, парня и сына, девушку и дочь (Свирская 1948: 129). В северном наречии до настоящего времени сохранилась их частичная недифференцированность. Так, *мужик* имеет значение 'муж' и 'мужчина' (ср. южн. к-п. *мужик* 'мужчина', *жён'ик* 'муж'), а слова *ин'* 'жена' и *ин'ка* 'женщина', *ныл* 'дочь' и *нылка* 'девочка, девушка', *зон* 'сын' и *зонка* 'парень' различаются за счет присоединения к корню суффикса *-ка*.

В северном наречии коми-пермяцкого языка употребляются следующие заимствования: *рöдн'а* 'родня, родственники' < русск. *родня* 'тж', *т'эс'т'* 'тесть' < русск. *тесть* 'тж', *сват* 'сват' < русск. *сват* 'тж', *жён'ик* 'жених' < русск. *жених* 'тж', *сват'м'а* 'сватья' < русск. *сватья* 'тж', *н'эвэста* 'невеста' < русск. *невеста* 'тж', *баб* 'бабушка' < русск. *баба* 'тж', *з'ат'* 'зять' < русск. *зять* 'тж', *д'эд* 'дедушка' < русск. *дед* 'тж', *двойуродной* 'двоюродный' < русск. *двоюродный* 'тж', *нучок* 'внук' < русск. *внучек* 'тж', *нук* // *внук* 'внук' < русск. *внук* 'тж', *нучка* // *внучка* 'внучка' < русск. *внучка* 'тж', *нучатка* 'внучка' < русск. *внучатка* 'тж', *чэл'ад'* 'дети' < русск. *челядь* 'слуги, прислуга, работники, дворовые люди', *бат'* 'отец' < русск. *батьа* 'тж', *т'ат'у* 'отец' < русск. *тятя* 'тж', *мам* 'мама' < русск. *мама* 'тж' и др.

11. Обрядовая лексика, колдовство, верования

К данной группе относятся следующие заимствования: *празн'ик* // *празн'ик* 'праздник' < русск. *праздник* 'тж', *рöшво* 'рождество' < русск. *рождество* 'тж', *йэрэки'ик* 'колдун' < русск. *еретник* 'бран. колдун, нечестивец, вредный знахарь, портящий людей, насылающий порчу' (Даль 1: 521), *повитришишо* 'болезнь, которая по верованиям населения, была напущена по ветру' < *поветрие* 'наносные поварные болезни; состояние воздуха,

приносящего их' (Даль 3: 151), *вэнчайччӧм* 'венчание' < русск. *венчание* 'тж', *свад'ба* 'свадьба' < русск. *свадьба* 'тж' и т.д.

12. Названия действий, состояний

В языке северных коми-пермяков встречаются следующие слова, заимствованные из русского языка: *шван'иччыны* 'чваниться' < *чваниться* 'спесивиться, зазнаваться, гордиться' (Даль 4: 603), *страждайтны* 'страдать' < *страждать* 'биться, бороться, бедовать, мучиться, маяться; терпеть боль; скорбеть, тосковать, терпеть убытки' (Даль 4: 343), *таитны* 'утаивать' < *таить, таивать* 'скрывать от других, содержать в скрытности' (Даль 4: 396), *ватлайтны* 'говорить вздор, болтать' < *ватлать* 'говорить нескладно, мямлить', 'говорить пустяки, болтать' (СРНГ 4: 71), *бэдн'иччыны* 'представляться бедным, приbedняться' < *бедниться* 'притворяться бедным, приbedняться' (СРНГ 2: 204), *дрӧчитны* 'нянчить, нежить' < *дрочить* 'нежить, холить, лелеять, баловать' (СРНГ 8: 204), *вэшиуйтны* 'предвещать, предчувствовать' < *вещевать* 'предчувствовать, предвещать' (Даль 1: 336) и т.п.

13. Лесозаготовки, переработка древесины

Север округа по своему хозяйственному направлению является лесопромышленным районом. Здесь преобладали доходы не от сельского хозяйства, а от побочных промыслов: от лесозаготовок, лесосплава, гужевых перевозок и т.п. К данной лексико-семантической группе относятся такие заимствования, как: *сплав* 'сплав', *мол'* 'моль, молевой сплав', *вэснӧд'эл'нӧй* 'заготовленный весной' < *веснодельный* 'заготовленный весной' (СРНГ 4: 175), *ӧсл'ад'* 'строевой лес' < *ослядь* 'бревно, лес, годный на бревна' (Даль 2: 699), *плӧт* 'плот', *л'эд'анка* 'ледянка, дорога, которую покрывали льдом для облегчения вывоза по ней леса' < *ледянка* 'катушка, доска, лукошко, корытце, облитое водой и замороженное для катанья с гор' или < *ледяной* 'из льда состоящий' (Даль 2: 244), *л'эжн'овка* 'лежневка, дорога из сваленных поперёк неё деревьев' < *лежнёвка* < *лежневой* < *лежень* 'лежащее бревно, брус' (Даль 2: 245), *д'эл'анка* 'делянка' и др.

14. Названия качеств, черт характера

В северном наречии коми-пермяцкого языка употребляются следующие заимствования, относящихся к данной группе: *бод'ор* 'бодрый, энергичный' < *бодреный* 'бодрый, крепкий, дюжий, здоровый на вид' (СРНГ 3: 56), *вэтл'аной* 'живой, подвижный, расторопный' < *ветляной* 'живой, подвижный, расторопный; удалой' (СРНГ 3: 196), *басӧк* 'красивый' < *баской* 'красивый, видный' (Даль 1: 52), *д'икӧй* 'дикий', *тупӧй* 'тупой', *смэӧй* 'смелый', *бэстолковӧй* 'бестолковый', *щасл'ивӧй* // *часл'ивӧй* 'счастливый', *образованнӧй* 'образованный' и т.д. В северном наречии отдельные заимствования употребляются наряду с исконными, например, *смэӧй* –

повто́м ‘смелый’, образо́ванной – вэ́лччѳма ‘образованный’ и др. Некоторые из заимствований данной группы, войдя в язык северных коми-пермяков, вытеснили исконные слова. Так, например, заимствованная лексема *басѳк* ‘красивый’ вытеснила исконное слово *мича* (общеп. **mič*’ (КЭСК: 172), *шуда* (общеп. **šud*- (КЭСК: 323) ‘счастливым’, вероятно, было вытеснено заимствованием *щас'ливѳй* // *час'ливѳй* ‘тж’.

15. Рыболовство и охота

Заимствования, относящиеся к данной тематической группе, относительно немногочисленны: *вэт'эл* ‘рыболовная снасть’ < *ветиль* ‘вентерь, рыболовная мережа с крыльями’ (Даль 1: 207), *н'эвод* ‘невод’, *н'эдодка* ‘рыболовная снасть’ < *недотка* ‘рединка, редель, рѳжа, самое грубое и редкое рядно, которое идет на частые бредни, для ловли мальги, моли, малявки’, ‘бредень из этой ткани’ (Даль 2: 516), *сак* ‘сак’, *пишишал* ‘пищаль’, *капкан* ‘капкан’ и др. Наличие заимствований данной группы объясняется тем, что население, издревле жившее за счет охоты и рыболовства, переняло у русских более эффективные предметы лова.

Лексика, относящаяся к таким тематическим группам, как континенты; почта, телефон, телеграф; страны и государства; юриспруденция; внешняя и внутренняя политика; оборона; наука и техника; здравоохранение и т.д., почти полностью заимствована из русского языка.

Таким образом, более ранние заимствования из русского языка показывают, что наибольшее влияние русский народ оказал на хозяйственное и жилищное строительство, быт, одежду и обувь, питание, на формирование родственных отношений, занятия (лесозаготовку, охоту, рыболовство, земледелие и животноводство) северных коми-пермяков. У русских наши предки заимствовали некоторые названия растений, слова, связанные с природно-климатическими явлениями, рельефом местности, обрядовой лексикой, верованиями, названия качеств, черт характера. Более поздние (и современные) заимствования охватывают науку, технику, экономику, политику, образование, здравоохранение и т.д., то есть практически все сферы жизни человека.

В составе русской заимствованной лексики в северном наречии коми-пермяцкого языка можно выделить две группы по источнику заимствования. Первую группу образуют лексические единицы, вошедшие из локальных диалектов русского языка. «Контактирование рассматриваемых (коми и русского. – Е.Ф.) языков до революции происходило на уровне нелитературных форм их существования, поскольку единого коми литературного языка не существовало, а овладение литературной формой русского языка не представлялось возможным для широких масс как его носителей, так и «инородцев», так как не было широкой сети народного школьного об-

разования» (Айбабина 1984: 27). Проникновение русских заимствований первоначально происходило через устно-разговорную речь.

Источником большинства слов, проникших из диалектов, были севернорусские говоры. Приведем несколько примеров: *ватлайтны* 1. 'шить большими стежками, неаккуратно', 2. 'болтать, пустословить' < *ватлатъ* Вят. Сверд. Барнаул. Новос. 'говорить нескладно, несвязно; мямлить', 2. Вят. Перм. Волог. Свердл. Якут. Урал. Тобол. Амур. 'говорить пустяки, пустословить, болтать'; *ватлатъ* Волог. 'медленно и бестолково делать что-либо; копаться' (СРНГ 4: 71); *гöлыш* 'яйцо, снесенное без скорлупы' < *голыш* Влад. Костр. Твер. Самар. Олон. Арх. Пермск. Урал. Енис. 'яйцо, снесенное без скорлупы' (СРНГ 6: 346); *бодриччыны* 'нарядно одеваться' < *бодриться* Орлов. Курск, Калуга. Ряз. Пск. Перм. Сверд. 'наряжаться, нарядно одеваться, щеголять' (СРНГ 3: 57); *дрöчитны* 'нежить, нянчить' < *дрочить* Иркут. Якут. Олон. Арх. Сиб. Волог. Яросл. Костром. Пермс. Тамб. Нижегород. 'нежить, холить, лелеять, баловать' (СРНГ 8: 204); *вэснöд'эл'нöй* 'заготавливаемый весной' < *веснодельный* Волог. Арх. Вят. Пермск. Челяб. и т.д. 'заготавливаемый весной, весенний (о дровах, лесе)' (СРНГ 4: 175); *н'эмин'а* 'надо, необходимо' < *неминя* Арх. Перм. 'надобность, нужда в чем-либо' (СРНГ 21: 43); *паграс* 'туча, облако' < ? сев. *пагроза* 'небольшая гроза, грозка' (Даль 1990 III: 6), *пагра* Арх. 'вата' (СРНГ 25: 115) и т.п.

Наличие в составе заимствований большого количества севернорусских диалектных слов объясняется тем, что коми долгое время жили в соседстве с севернорусским населением и первые контакты были именно с ними. Таким образом, основное влияние на северных коми-пермяков было севернорусским.

Некоторая часть русских слов была заимствована, вероятно, из южно-русских говоров. Например: *öприч* 'кроме' < *опричь* Тул. Калуж. Курск. Орл. Ворон. и т.д. 'кроме' (СРНГ 23: 297); *бакэрок* 'фляжка' < *бакирок* Курган. 'ведро' (СРНГ 2: 59).

Из вышеизложенного видно, что на уровне говоров была заимствована в основном хозяйственно-бытовая лексика.

Вторую группу образуют заимствования, вошедшие в коми-пермяцкий язык из русского литературного языка. Слова этой группы были заимствованы в более позднее время, уже на уровне литературных языков. К данной группе относятся следующие лексические единицы: *школа* 'школа', *гора* 'гора', *кочка* 'кочка', *трактор* 'трактор' и др. Через русский язык проникает в язык северных коми-пермяков множество интернационализмов: *пoчтaл'л'он*, *кoмп'иyтop*, *кoнcт'итуция*, *пapикмaхэp* и др.

Употребление заимствованных лексем, зафиксированных в северном наречии коми-пермяцкого языка, в сопоставлении с функционированием их в языке-источнике позволяет выделять две группы заимствований:

1. Наименования предметов, явлений, признаков, не претерпевших существенных семантических изменений. Приведем несколько примеров: *гайтан* ‘шнурок для нательного креста’ < русск. *гайтан* ‘шнурок, на котором носят нательный крест’ (Даль 1: 408), *вэтл’аной* ‘живой, подвижный, расторопный’ < русск. *ветляной* ‘живой, подвижный, расторопный’ (СРНГ 4: 196) и др.

Следует отметить, что более поздние русские заимствования, особенно современные, входят в словарный состав северного наречия без семантических изменений: *гõра* ‘гора’, *д’эрэктор* ‘директор’, *тыква* ‘тыква’, *врэмэ* ‘время’ и т.д.

2. Заимствования, изменившие свою семантику. Например, *бакэрок* ‘фляжка’ < русск. *бакирок* ‘ведро’ (СРНГ 2: 59), *пэрэдн’ик* ‘предбанник’ < *пэрэдн’ик* ‘передняя комната’ (СРНГ 26: 87) и т.д.

Сопоставляя заимствованные единицы северного наречия с соответствующими лексемами в языке-источнике, мы наблюдаем сужение значения. Например, *жвакуйтны* ‘жевать жвачку (о животных)’ < *жвакать* ‘жевать, чавкать’ (Даль 1: 528).

Наряду с сужением значения наблюдаем расширение смысловой структуры слов в сравнении с источником заимствования: *овад* ‘большое количество оводов, мух, слепней’ < *овад* ‘овод, злая муха, нападающая на скот’ (Даль 2: 640), *мачитны* ‘макать во что-либо’ < *мачить* ‘макать в масло’ (СРНГ 18: 56) и т.д.

Некоторые лексические единицы в разных говорах северного наречия имеют разную семантику. Например, слово *ватлайтны* в чураковском, пуксибском, левичанском и чазёвском говорах употребляется со значением ‘шить большими шагами, намётывать’, а в пятигорском и пелымском говорах – ‘пустословить, болтать’. Подобная дифференциация семантики связана, видимо, с разными источниками заимствования. Ср. *ватлать* ‘медленно и бестолково делать что-либо, копать’ Волог. (СРНГ 4: 71) и *ватлать* ‘говорить пустяки, пустословить, болтать’ Вят. Перм. Волог. Сверд. Якут. Урал. Тобол. Амур. (СРНГ 4: 71).

Выводы

1. Заимствования нерусского происхождения относятся в основном к хозяйственно-бытовой сфере. Они свидетельствуют о том, что во время контактов с соседними народами наши предки перенимали у них занятия (земледелие, животноводство, ткачество), заимствовали числительные, некоторые предметы быта (нож (*пурт*), лукошко (*куд*) и др.), продукты

питания (пиво (*сур*)). Были заимствованы несколько абстрактных понятий (цвет (*рём*), место вне жилого помещения (*өтөр*), счастье (*шуд*), а также некоторые названия из сферы природы: дно (*пыдöс*), трава (*турун*), иней (*пуж*), железо (*кёрт*).

2. Русские заимствования охватывают разные стороны жизни северных коми-пермяков: хозяйственно-бытовую, общественную, военную, торгово-экономическую, культурную и т.п. Ряд более ранних заимствованных лексем хозяйственно-бытовой сферы вошли в северные коми-пермяцкие диалекты из русских говоров, более поздние лексические единицы заимствованы уже на уровне литературных языков.

3. Сравнительный анализ функционирования заимствованных лексем в языке-источнике и северном наречии коми-пермяцкого языка показал, что часть их, попав в иную языковую среду, претерпела семантические изменения. Вторая часть употребляется в северном наречии с той же семантикой, что и в языке-источнике.

Современные процессы в лексике северного наречия коми-пермяцкого языка

Диалектная лексика северного наречия отчетливо представлена в двух группах специфичных слов. Первую группу образуют диалектные единицы, общеупотребительные на данной территории и активно функционирующие в речи населения независимо от возраста – так называемый *активный словарный запас*. Приведем несколько примеров: *пöрйас'ны* ‘обманывать’, *матика* ‘свекровь’, *бал'ан'ан'а* // *бал'ан'ан'* ‘жимолость’, *дойка* ‘прыщик, короста’, *чил'кётны* ‘доить’, *мэд* ‘пусть, пускай’, *н'ап* ‘шиповник: ягоды шиповника’, *кос'ас'ны* ‘драться’ и др.

Вторую группу образуют диалектные единицы, *переживающие процесс архаизации*. Эти слова постепенно уходят из диалектов и сохраняются в речи только определенной группы населения, как правило, старшего поколения, то есть слова, уже перешедшие или переходящие в разряд пассивных.

Причины и формы архаизации различны. Во-первых, это уход из быта предмета, названного диалектным словом, и соответственно самого слова. Это так называемые *историзмы*. В разряд устаревших перешли не только отдельные словарные единицы, но и целые лексические пласты, отражавшие старый уклад жизни. Из активного словарного запаса в разряд диалектных историзмов перешли: 1) названия одежды и обуви, их частей: *пагöл'* ‘чулки или носки, связанные без следка’, *лаз* ‘предмет одежды охотника’,

моршэн 'женский головной убор', *чакчури* 'женская обувь типа ботинок', *кõм* 'специальная обувь для надевания лыж'; 2) наименования предметов быта: *суланджэк* 'приспособление типа табуретки для обучения ребенка ходьбе', *сунлабич* 'полка в кухне' и т.д.; 3) наименования орудий труда: *мутовка* 'примитивная мельница' и т.д. История подобных слов отражает процессы социальной перестройки деревни.

Во-вторых, в разряд устаревших постепенно переходят собственно диалектные слова, которые принято называть архаизмами. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующее определение: «*Архаизмы* – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами» (ЛЭС: 540).

При анализе лексики северного наречия коми-пермяцкого языка мы выявили основные причины перехода собственно диалектных слов в разряд архаизмов.

1. За основу коми-пермяцкого литературного языка был взят один из диалектов южного наречия – кудымкарско-иньвенский. Е.В. Ботева отмечала, что «Иньвенец мог найти в литературе свою лексику, свои нормы употребления *в* и *л*, а косинец, гаинец и кочёвец в ней своего не находил ничего» (Ботева 1961: 13). Влияние литературного языка особенно заметно в речи молодого и среднего поколений, представители которых воспринимают литературную речь через школьное образование, художественную литературу, прессу, радио и телевидение.

В исследуемом наречии иногда встречается сосуществование литературных и местных наименований предметов, явлений, качеств, действий. Приведем несколько примеров: диал. *н'ап* – лит. *жэл'нõг* 'шиповник', диал. *пõрийас'ны* – лит. *бõбõчыны* 'обманывать', диал. *кос'ас'ны* – лит. *тышкас'ны* 'драться'. Однако одни из них имеют неограниченную сферу употребления (*н'ап* – *жэл'нõг*), а другие (*пõрийас'ны* – *бõбõчыны*, *кос'ас'ны* – *тышкас'ны*) используются только в определенной обстановке, например, в школе на уроках коми-пермяцкого языка или при разговоре с южными коми-пермяками. Носители диалектов северного наречия хорошо знают и воспринимают в чужой речи литературные соответствия и при необходимости разъяснить диалектное слово нередко вводят их в свою речь.

2. Переход в разряд архаичной лексики происходит также под влиянием русского языка. Например, слово *вõктыны* 'брезговать' встречается только в речи старшего поколения, среднее и молодое поколения употребляют заимствование *брэзгуйтны* 'брезговать'; кот' 'ток, место, где токут птицы' на данный момент также заменяется заимствованный лексемой *ток* 'тж', исконная лексема молодым носителям северного на-

речия уже неизвестна. Процесс утраты исконных наименований и замена их русскими заимствованиями происходят довольно интенсивно. Так, при сборе материала для «Коми-пермяцко-русского словаря» Р.М. Баталовой и А.С. Кривошёковой-Гантман было зафиксировано и включено в словарь большое количество исконных слов северного наречия, на сегодняшний день уже отсутствующих в речи современных носителей северного наречия. Приведем несколько примеров: *бабашõрика* сев. 'пугало (на огороде)' (КПРС: 23), *пэлыс', пэлыс' пу* диал. 'рябина' (КПРС: 329), *рок* диал. сев. 'каша' (КПРС: 408), *тийõг* сев. 'жир, сало' (КПРС: 497), *шуд* сев. 'счастье', *шуда* сев. 'счастливый' (КПРС: 569) и др. Справедливости ради следует отметить, что *шуда* употребляется в одном из говоров северного наречия как прозвище, а слово *тийõг* со значением 'толстый, жирный'.

Коми-пермяки живут в соседстве с русским населением, поэтому в их речи, особенно в речи среднего и молодого поколений, исконные слова заменяются русскими, часто без всяких на то оснований. Так, в речи одного из наших информаторов мы услышали фразу: *Болотоас кл'укваысла вэтлит жё н'и?* На болото за клюквой сходили уже?, которая сразу же была дублирована исконным вариантом: *Туримол'ысла н'ур вылас вэтлит жё н'и?* (тж.). Данные примеры свидетельствуют о том, что носители северного наречия знают исконные слова, но живя в русском окружении и являясь билингвами, часто непроизвольно и даже незаметно для себя пользуются русскими соответствиями.

3. Архаизация исконных слов, в большей степени узкодиалектных, происходит еще по одной причине, которую можно назвать утратой определенных понятий, то есть из человеческого сознания «выпадает» какое-либо понятие и вместе с ним, естественно, перестаёт употребляться соответствующая лексема. В качестве примера приведем употребляющийся в чураковском, левичанском и чазевском говорах глагол *гыõлтны*. Как объяснили нам информанты, слово *гыõлтны* называет процесс, при котором какую-либо емкость (сито, ведро, миску) с чем-то рассыпчатым (напр., с ягодами) двигают по кругу до тех пор, пока мусор не соберется в центре. Данное действие производится в настоящее время очень редко и только престарелыми людьми, следовательно, и наименование действия встречается в речи пожилых носителей упомянутых говоров. Процесс утраты понятий в большей степени касается действий и признаков: *гулыт* 'ровный, чистый, звонкий, гулкий (о лесе)', *гырдõс'мыны* 'налиться кровью (о глазах)', *кõртмалны* 'обмениваться товаром' и др. Данному процессу подвергаются в основном узколокальные однозначные лексические единицы.

Речь старшего поколения, не знакомого с коми-пермяцким литературным языком и в недостаточной степени владеющего русским языком, отличается от речи диалектоносителей среднего возраста и молодежи. Состав носителей «чистых» говоров постоянно сужается, что сказывается на функционировании данных языковых разновидностей. Наиболее типичными сферами использования более или менее «чистого» диалекта являются семья и разные ситуации непринужденного общения односельчан (преимущественно старшего поколения) друг с другом.

Пополнение словарного состава северного наречия в настоящее время происходит за счет распространения русских заимствований и интернационализмов, проникающих посредством русского языка. Современные заимствования не имеют локальных особенностей употребления в говорах северного наречия и в коми-пермяцком языке в целом, что также способствует нивелировке диалектного своеобразия.

Обогащение лексики говоров северного наречия за счет собственных ресурсов, на наш взгляд, не столь заметно и существенно.

Таким образом, лексика северного наречия коми-пермяцкого языка в последнее время подвергается большим изменениям. В ней происходит процесс архаизации лексики за счет историзмов. В пассивный словарный запас перешли и переходят названия одежды, обуви, инструментов и орудий труда. В связи с преподаванием литературного коми-пермяцкого языка в школе, изданием художественной литературы, появлением теле- и радиопередач на коми-пермяцком языке литературный коми-пермяцкий язык оказывает определённое влияние на словарный состав исследуемого наречия. Кроме того, почти все носители северного наречия (за исключением небольшой части наиболее пожилых) владеют также русским языком. Являясь билингвами, они часто непроизвольно заменяют исконные слова русскими заимствованиями. В этом отношении более уязвимыми оказались система числительных, названия предметов быта, черт характера, свойств предметов. В словарном составе северного наречия происходит утрата некоторых слов в связи с утратой определенных понятий. Происходит постепенное сужение состава носителей более или менее «чистых» говоров. В настоящее время идет довольно интенсивный процесс выравнивания диалектных различий и распространения общих черт в лексике северного наречия. Утрачиваются наиболее «ценные» с лингвистической точки зрения специфические для региона лексемы.

ГЛАВА 2

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА (АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Некоторые вопросы теории ареальной лингвистики

Понятие *ареальная лингвистика* определяется как «раздел языкознания, исследующий с помощью методов лингвистической географии распространение языковых явлений в пространственной протяжённости и межязыковом (междialeктном) взаимодействии» (ЛЭС: 43).

Ареальная лингвистика тесно связана с лингвистической географией. Лингвогеография, в свою очередь, «выросла» из диалектологии.

Главной задачей ареальной лингвистики является «определение закономерностей пространственного расположения явлений, отражающих динамику развития (историю)» (Бородина 1980: 24), то есть ареальная лингвистика занимается изучением связей отдельных явлений, путей и центров их распространения, зон инноваций с определением языковых союзов (Гаджиева 1976: 164). Основным принципом при ареальном описывании фактов взаимодействующих языков считается фронтальный их охват (ЛЭС: 43).

Важнейшими понятиями ареальной лингвистики являются *языковой* (или *лингвистический*) *ареал* и *изоглосса*. Ареал и изоглосса представляют собой внешнюю форму проявления внутренних закономерностей структуры и развития языка (Бородина 1980: 22).

Под термином *ареал* мы понимаем границы, точные контуры, полученные при исследовании распространения отдельных языковых явлений и их совокупностей. Лингвистический ареал по определённому признаку противопоставляется отдельной исследуемой территории – языковому континууму, который может состоять как из генетически родственных, так и неродственных языков.

В характеристику ареала входят его протяжённость, размер, наполненность, а также определение особенностей его контуров, то есть линии, очерчивающей ареал. В лингвистике эту линию принято называть *изоглоссой*. При изучении различных уровней языка употребляют уточняющие данное понятие термины: *изолексы* – лексические изоглоссы, *изофоны* – фонетические изоглоссы, *исосемы* – семантические изоглоссы и др. (ЛЭС: 43).

Изоглоссы могут быть *связанными* и *конвергентными*. Связанные изоглоссы «возникают в языках, некогда входивших в одну языковую общность, или в языках, расположенных на смежных территориях и контактирующих между собой, что обуславливает единство происхождения изоглоссных явлений» (Гаджиева 1976: 182).

Отличительный признак конвергентных изоглосс заключается в их территориальной удалённости, которая исключает возможность контактирования языков. Изоглоссы данного типа возникают в изолированных языках, не имеющих между собой никакой связи, и часто вызываются разными причинами (Гаджиева 1976: 181).

При определении основных типов ареалов по их форме учитываются особенности конфигурации, размер, положение, наполненность ареала. Эти проявления характеристики ареалов связаны с их содержанием: с возрастом ареала (архаичный – инновационный), динамикой развития (устойчивый – неустойчивый), особенностями развития и взаимодействием с другими ареалами (Бородина 1980: 27).

К основным типам ареалов по их форме можно отнести центральный, маргинальный, островной, волнообразный, клинообразный, подковообразный, разорванный, размытый, кружевной (Бородина 1980: 27–28). *Центральный* ареал обычно наиболее компактный (сплошной) и устойчивый, имеет большую протяжённость, является центром иррадиации (Бородина 1980: 30). *Маргинальный* ареал является окраинной зоной какого-либо ареала, где исследуемые явления выражены в меньшей степени. Обычно маргинальная зона, по сравнению с центральной, более архаична, но в результате контактов с соседними языками, диалектами здесь часто возникают новообразования (Бородина 1977: 110). Маргинальный ареал может быть боковым, то есть занимать территорию в определённом направлении от центра, или круговым, занимающим территорию по периферии центрального ареала. Выявление центрального ареала (центра) и маргинального ареала (или периферии) важно для определения *инноваций* и *архаизмов*.

Считается, что творцом инновации является какой-то индивид, проживающий на определённой территории. Затем на этой же территории инновация начинает постепенно распространяться. Отсюда следует, что

каждая инновация всегда имеет центр, из которого происходит её дальнейшее распространение (Серебренников 1973: 147). Определение центра инновации сводится к установлению возможного очага зарождения явления.

Данные лингвистической географии представляют сравнительно небольшие возможности для выявления центров распространения языковых явлений:

1. Если лингвистическое явление распространено на двух смежных территориях, то первоначальным центром возникновения инновации, вероятнее всего, может быть та территория, где интересующее нас лингвистическое явление обладает более высокой частотностью употребления.

2. Если в пределах одного и того же ареала имеются неодинаково звучащие формы, то одни из них, как правило, являются инновациями.

3. Наиболее эффективным способом определения первоначальных очагов возникновения языковых явлений является изучение памятников древней письменности. Если памятники древней письменности отсутствуют, то приходится применять приёмы определения архаизмов и инноваций, основанные на учете различных косвенных данных: 1) слово, имеющее словообразовательный суффикс, возникло позднее по сравнению с корневым словом; 2) более полная форма чаще всего является более архаичной по сравнению с более краткой формой; 3) отсутствие слова в языке и разноречие в его отражении в родственных языках свидетельствует чаще всего о том, что разные по своей внешней форме слова являются более поздними образованиями; 4) на вторичность образования языкового явления часто указывает его ограниченное распространение в родственных языках; 5) если одно явление в языке получает полное развитие, а в других родственных языках имеются только его зачаточные формы, то оно явно представляет новообразование; 6) если одно языковое явление развивается, а другое отступает на задний план, то первое явление чаще всего имеет более позднее происхождение; 7) производные значения слов, как правило, возникают позднее; 8) слово, этимологически не связанное со словами данного языка, чаще всего представляет заимствование; 9) хранилищем различных архаизмов нередко являются сложные слова (Серебренников 1973: 144–146).

4. Если лингвистическое явление в настоящее время распространено в двух смежных областях и на основании каких-либо других данных известно, что в одной области этого явления раньше не было, то центром распространения можно считать другую смежную область.

5. Если одна из территорий известна как центр сосредоточения какой-либо определённой деятельности, определённого ремесла, торговли и т.п., а другие территории не имеют данной характеристики, то первая терри-

тория является наиболее вероятным центром распространения определённых словарных новшеств (Серебренников 1973: 147–149).

Вместе с тем должно быть доказано, что явление не могло зародиться в других точках ареала. Если имеются выраженные зоны затухания явления, то инновационный центр не может находиться в зонах вибраций. Центр инновации, вероятнее всего, находится в зоне сгущения встречаемости явления (Гаджиева 1976: 189–190).

В зависимости от характера возникновения изогlossы делятся на 1) генетические, 2) ареально-генетические, 3) ареальные. Кроме того, в своей работе мы выделяем четвертый тип – инновационные изогlossы. *Инновационные* изогlossы показывают территориальное распространение языкового явления, не возводимого к праязыку, а возникшего непосредственно в исследуемом ареале.

Генетические изогlossы возводимы к единому праязыку и возникли в праязычный период. Под *ареальными* понимаются изогlossы, не возводимые к общему праязыку и возникшие в послепраязычный период на основе исторически складывающихся территориальных общностей. Ареальные изогlossы иначе можно назвать заимствованиями.

Выделяются контактные заимствования, то есть возникшие в результате контактов соседствующего населения. Второй тип заимствований – субстратные. Отличать субстратные заимствования от контактных, происходящих в результате географического соседства, культурного общения и т.п., довольно трудно.

Субстратом в лингвистике называют язык, «побеждённый другим языком в результате их взаимодействия и борьбы в пределах единой территории» (Серебренников 1955: 10). Явление считается субстратным в том случае, если определяется следующими условиями: 1) влияние языка-субстрата должно отражаться на всех уровнях языка (в области фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса), 2) невозможность объяснения явления как следствия органического развития структуры языка, подвергшегося влиянию, 3) при исследованиях влияния языка-субстрата должны привлекаться данные топонимики и гидронимии, позволяющие определить ареал предполагаемого языка-субстрата (Гаджиева 1976: 193). Если язык субстрата является близкородственным к исследуемому языку, то выявить его влияние очень трудно, иногда невозможно (Эдельман 1968: 50; Серебренников 1973: 153). Поэтому чаще всего о субстрате можно говорить лишь в общем, а наличие субстратной лексики доказывается с помощью археологических, топонимических, исторических, этнографических и т.п. сведений (Лаучюте 1980: 193).

Изоглоссы, имеющие *ареально-генетический* характер происхождения, возникают в результате ареально-генетических связей – связей между праязыковыми диалектами, занимавшими смежные ареалы (Хелимский 1982: 24). «Они (т.е. связи. – Е.Ф.) обуславливали возникновение параллелей, имеющих генетический характер (восходящих к одному праязыковому источнику), но распространявшихся лишь на определённый ареал праязыковых диалектов» (Хелимский 1982: 24–25).

В ареальных соотношениях языковых фактов содержится специфически зафиксированная информация об их возникновении и развитии. Основным методом объяснения языковых явлений является интерпретация лингвистических карт. Карты представляют историческую действительность в определённый период.

Теория и методика интерпретации карт разрабатывалась зарубежными учеными: Ж. Жильероном, А. Доза, М. Бартоли, Дж. Видосси, А. Мейе, В. Пизани, В. Порциг и др. (ЛЭС: 43: Серебренников 1973: 120–133). В советском языкознании дальнейшее развитие она получила в работах В.М. Жирмунского (1954, 1956, 1964, 1966), М.А. Бородиной (1966: 1977, 1980), Р.И. Аванесова (1957: 1962), В.Г. Орловой (Орлова 1962: 1964), Н.З. Гаджиевой (1975, 1976), С.Б. Серебренникова (1955: 1973) и др.

Интерпретация карт строится на прочтении одной карты и сведения, обобщении карт, или рекартографировании. В результате наложения сопоставимых ареалов, соотношения внешних и внутренних карт создаются синтетические карты (карты ареалов). На современном уровне синтетические карты непосредственно свидетельствуют о диалектном членении и группировке говоров, на историческом – воссоздают взаимодействие ареалов, показывают их временные изменения (Никончук 1980: 22–23). К тому же «современный диалектный язык и современные границы диалектных явлений представляют собой не непосредственный продукт тех более древних эпох, когда они образовались – нередко после нескольких перегруппировок – в результате процесса языковой дифференциации, но также прежде всего продукт пережитых в позднейшую эпоху развития национального языка процессов нивелировки диалектов, частичной их интеграции, воздействия нормализованной формы национального языка» (Аванесов 1962: 23).

Синхронное описание языков путем интерпретации изоглосс получает причинное обоснование. При интерпретации изоглосс используются данные истории языка, истории общества, социолингвистики, учитываются типологические закономерности, а также законы интерференции языков (Гаджиева 1976: 167).

При интерпретации лингвистических карт необходимо иметь в виду следующие факторы:

1. Совпадение изоглосс явлений разных уровней языка (изофон, изоморф, изолекс и др.).

2. Регулярность совпадения изоглосс разных планов говорит, с одной стороны, о древности диалектных ареалов, а с другой – о долговременных барьерных границах, стоящих на пути продвижения языковых явлений. В качестве «барьера» могут быть племенные границы и административные. Однако трудно сказать, какая конкретная лингвистическая черта является пережитком родо-племенного периода, какая возникла в более позднее время, когда складывались политико-административные границы. Единственным критерием для такой квалификации считают «совпадение и несовпадение архаических изоглосс с историческими политико-административными границами, а также соответствие их «племенным» ареалам, которые выделяются на основе совпадения территорий размещения данных археологии, материальной и духовной культуры, распространения антропологического типа и языка» (Никончук 1980: 31).

3. При анализе совпадающих и несовпадающих изоглосс следует иметь в виду «не механическое повторение конфигураций в одних и тех же географических протекциях на карте, а территориальное сближение с известными отклонениями, поскольку полное совпадение изоглоссных линий практически бывает редко» (Никончук 1980: 31).

Составным приемом интерпретации лингвистических карт наряду с объяснением изоглосс является интерпретация ареалов. Сложные процессы возникновения и развития диалектов приводят к образованию ареалов, различных по протяженности, размеру, форме, по характеру внешних и внутренних изоглосс и т.п.

Явления большего ареала обычно старше черт меньшего распространения, хотя иногда инновация получает большее распространение за счет сокращения архаического ареала.

Сплошное и рассеянное размещение языковых явлений тоже имеет своё историческое значение. Рассеянное покрытие диалектного пространства за пределами основной территории может свидетельствовать о том, что исследуемое явление занимало в прошлом более широкую территорию или же иррадирировало с его более исконной территории (Орлова 1964: 82).

Если обнаруживается маргинальная зона, довольно равномерно расположенная в периферийных областях, то речь идёт об архаизме, отнесённом из центра. Если же маргинальная зона расположена только с одной стороны, то можно говорить или об архаизме или о заходе зоны соседнего диалекта (Бородина 1966: 7).

Иногда можно наблюдать «наличие небольших зон, единичных, чаще более многочисленных, иногда сконцентрированных в какой-либо области, иногда разбросанных по всей территории» (Бородина 1966: 7). В этом случае речь идет «о зонах архаизмов, размытых литературными волнами, иногда – это проявление ещё более древних явлений» (Бородина 1966: 7).

Описание лексики приёмами ареальной лингвистики уточняет наши представления о языках того или иного региона, а также имеет общелингвистическое значение.

В современном языкознании производятся попытки использования методов лингвистической географии для исследования проблемы диалектного членения праязыков. Создать точную карту диалектов праязыка, отражающую их расположение в какой-то определенный период, невозможно. Однако можно установить факт вхождения какого-либо из современных языков в более древнюю языковую общность, которую можно рассматривать как диалект праязыка. Этой цели можно достичь при помощи выявления пучков фонетических, грамматических и лексических изоглосс. Фонетические и морфологические изоглоссы считаются наиболее показательными. К каждой изоглоссе предъявляются строгие методические требования: 1) изоглосса должна соединять действительно общие явления, 2) эти явления не должны быть результатом случайности, 3) они должны представлять инновации (Серебренников 1973: 155–156).

Ареальные явления могут быть использованы для определения путей древних миграций населения. Миграционный характер явлений подтверждается рядом исторических данных о диалектном составе языка, а также тем, что рассматриваемые явления находятся в зоне сосредоточения разнородных изоглосс (Гаджиева 1976: 185).

Ареальная лингвистика также дает материал для так называемой внешней истории языка, связанной с историей народов, историей заселения данных территорий, расположения торговых путей и т.п.

Считается, что изоглоссы разных лексем очень редко совпадают полностью, однако «лексические особенности не представляют «хаоса изоглосс», проходящих на исследуемой территории без какой-либо закономерности, а обнаруживают совершенно определенные тенденции к группировке» (Бородина 1966: 95). В северном наречии коми-пермяцкого языка изолексы и изосемы довольно часто совпадают полностью и образуют пучки изоглосс, на основе которых нами выделены северокоми-пермяцкий ареал, центральный (или южный), западный, юго-восточный, северный и мысовско-лупьинский микроареалы.

Севернокоми-пермяцкий ареал

Севернокоми-пермяцкий ареал занимает территорию северного наречия коми-пермяцкого языка, то есть кочёвского, косинско-камского и мысовско-лупьинского диалектов. На севере он граничит с верхневычегодским диалектом коми-зырянского языка, на западе, востоке и юге — с русскими говорами. Северное наречие, следовательно, и севернокоми-пермяцкий ареал, характеризуются гнездовым расположением населённых пунктов, что объясняется в основном географическими условиями.

В родановской культуре (IX–XV вв.) четко выделяются три основных района, в которых группируются памятники этой культуры. Первый из них находится в Зюздинском районе, второй — в Чердынском и Гайнском (территория севернокоми-пермяцкого наречия. — *Е.Ф.*), третий — в бассейнах Иньвы и Обвы (Бадер, Оборин 1958: 186). Следовательно, можно говорить о том, что возраст исследуемого ареала — более десяти столетий.

Севернокоми-пермяцкий ареал представлен большим количеством лексических изоглосс. Остановимся на наиболее показательных.

бал'ан'ан'а // *бал'ан'ан'* (карта № 1)

Слово *бал'ан'ан'а* // *бал'ан'ан'* ‘жимолость (кусты и ягоды)’ распространено во всех говорах северного наречия коми-пермяцкого языка (*бал'ан'ан'а* пятиг. чур. пукс. б-коч. иванч. лев., *бал'ан'ан'* мыс.-луп. хар. чаз. пел. юкс. дан). В южном наречии в данном значении употребляется лексема *ыжман* ‘тж’. Исключение составляют некоторые говоры нижнеиньвенского диалекта, где также зафиксировано слово *бал'ан'н'а* ‘тж’.

Данные лексемы имеют соответствия в коми-язьвинском наречии: *өжмал'а*, *рөжмал'а* ‘жимолость’ (КЯД: 159), в коми-зырянском языке: *ыжнёнъ* вв. лл. печ. скр. сс., *ыжман* вв. вым. иж. нв. уд., *ыжмалъ* вс., *бал'ан'н'а* печ. ‘жимолость голубая’ (ССКЗД: 443). Кроме того, в верхнесольском диалекте зафиксировано слово *балянянь* ‘тж’ (Ракин 1989: 7).

Лексема *бал'ан'ан'а* образована из двух слов: *бал'а* ‘овца’ и *н'ан'а* ‘сосок’ (в некоторых говорах *н'ан'* ‘тж’). Соответствующим образом в коми-зырянском языке образовано слово *ыжнёнъ* ‘тж’, отдельные компоненты которого имеют значения, аналогичные составным частям севернокоми-пермяцкого слова. Лексема *бал'ан'ан'а* // *бал'ан'ан'* могла возникнуть на основе сходства ягод жимолости и сосков овцы по форме и по цвету (ср. *ыжнёнъ* букв. ‘соски овцы’). Однако авторы КЭСК считают, что «формы типа *ыжнёнъ* получились в результате народной этимологии (*ыж* ‘овца’, *нёнъ* ‘соски’, букв. ‘соски овцы’) (КЭСК: 329), а исходной формой слов *ыжмалъ*, *ыжнёнъ* могло быть **imžž*, откуда **üžžm* (в результате метатезы) или **-üž* (КЭСК: 329).

Из приведенного анализа выясняется, что однотипная внутренняя форма названия жимолости распространена на ограниченной территории, охватывающей северное наречие коми-пермяцкого языка, лузско-летский, верхнесысольский, среднесысольский, печорский, присыктывкарский и верхневьечегодский диалекты коми-зырянского языка. Вероятно, очерченный ареал сформировался в результате ареально-генетических контактов.

Лексема *бал'ан'ан'а* и ее варианты (*бал'ан'ан'*, *бал'ан'он'*) распространены в северокоми-пермяцких говорах, в говорах нижеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка и в контактной зоне (верхнесысольский и печорский диалекты) коми-зырянского языка. Данное слово, по всей вероятности, является северокоми-пермяцкой инновацией. Употребление этой словарной единицы в остальных диалектах является следствием иррадиации.

вил'ин (карта № 2)

Лексема *вил'ин* ‘целина, новина’ употребляется во всех говорах северного наречия коми-пермяцкого языка. В южном наречии данное значение имеет слово *вил'са* ‘тж’. В коми-язьвинском наречии и коми-зырянском языке подобные лексические единицы не зафиксированы (ср. к-зыр. *эжа*: *эжа лэптыны* ‘поднять целину’; *челик* ‘целина’ (РКС: 750). Таким образом, исследуемое слово имеет узколокальный ареал распространения: изоглосса *вил'ин* ‘целина, новина’ охватывает территорию только северного наречия коми-пермяцкого языка и, исходя из этого, вероятно, является инновационной.

Слово *вил'ин* является сложным: *вил'* ‘новый’, *ин* ‘место’ – букв. ‘новое место’.

жарѳтны (карта № 3)

Изоглосса *жарѳтны* ‘затопить (печь)’ охватывает все говоры северного наречия коми-пермяцкого языка. В южном наречии в данном значении употребляются слова *вадзѳтны*, *вонтны* ‘тж’. Лексема *жарѳтны* в южном наречии и в литературном языке также зафиксирована, но семантика слова иная: *жарѳтны*: *жарѳтны гор* ‘подбросить в печь дров для жару’, *жарѳтны костѳр* ‘подбросить дров в костер, чтобы он жарче горел’ (КПРС: 140). Значение ‘подбросить дров для жару’ в северном наречии передается при помощи следующих выражений: *пэс содтыны* букв. ‘дров добавить’, *пэс чапкыны* букв. ‘дров подбросить’, *лѳдсалны* ‘тж’.

Слово *жарѳтны* образовано от *жар* ‘сильная степень тепла’, заимствованного из русского языка, с помощью суффикса *-ѳт* со значением ‘подвергать что-либо чему-либо’. Отсюда *жарѳтны* ‘сделать жарким’ (ср. *кѳдзыт* ‘холодный’ – *кѳдзѳтны* ‘охладить, т.е. сделать более холодным’).

Ареал *жаротны*, таким образом, охватывает коми-пермяцкий язык полностью, однако изосема ‘затопить (печь)’ распространена в северном наречии и, вероятно, является севернокоми-пермяцкой инновацией. Центр семантической инновации, исходя из территориальной характеристики, находится в северном наречии.

жэгдыны (карта № 5)

Лексема *жэгдыны* ‘бить, ударять’ зафиксирована в северном наречии коми-пермяцкого языка. В чураковском, пуксибском, больше-кочинском, чазёвском, юксеевском, даниловском говорах названного наречия значение слова более конкретное – ‘бить головой’. Следует отметить, что лексема *жэгдыны* имеет грубый оттенок. В южном наречии данному слову соответствует *жэл'лыны* ‘бить, избить, дубасить’, имеющее, однако, менее грубый, просторечный характер.

Соответствие лексеме *жэгдыны* зафиксировано в коми-зырянском языке: *жегдыны* нв. ‘обижать’ (ССКЗД: 122), ‘обижать, унижать, оскорблять’ (КСК: 515), *жегдині* вв. ‘обижать, унижать, оскорблять’ (КСК: 515). Слово имеет неясную этимологию.

Севернокоми-пермяцкое *жэгдыны* является, возможно, инновацией. Однако распространение слова со сходной семантикой в нижневычегодском и верхневычегодском диалектах коми-зырянского языка позволяет говорить и о генетическом или ареально-генетическом характере происхождения данной лексемы.

код'а (карта № 31)

Изоглосса *код'а* ‘хороший’ охватывает северное наречие коми-пермяцкого языка. В южных диалектах в данном значении употребляется слово *бур* ‘тж’, которое также распространено в северном наречии. Слово *код'а* приведено в словаре Н.А. Рогова (Рогов 1869: 71), в котором зафиксирована лексика южного наречия. Исходя из этого можно предположить, что лексема *код'а*, вероятно, была употребительной и в южном наречии. По частеречным признакам *код'а* является прилагательным и чаще всего употребляется при характеристике 1) человека: *код'а*, *бат'а*, *мортыс вёлъм* ‘хороший, оказывается, человек был’ (чур.); 2) одежды, обуви: *код'аёс' ушйё тул'изт, да ог на бос'тё* ‘хорошие ещё туфли (твои), не будем пока покупать’ (пукс.), *пас'кёмыс сылён быдёс код'а* ‘одежда у неё вся хорошая’ (чур.); 3) животных: *код'а мийан мёсным* ‘хорошая у нас (наша) корова’ (чаз.).

Лексема *код'а* может употребляться с приставкой *н'э-*: *н'экод'а* ‘нехороший’: *н'экод'а зонё мэнам, да мый т'эран* ‘нехороший сын у меня да что поделаешь’ (лев.). Слово *н'экод'а* ‘нехороший’ зафиксировано в нердвинском диалекте южного наречия. В «КПРС» данная лексема зафиксиро-

вана со значением: некодя 1) слабый, слабосильный: *сия мортыс некодя* 'он человек слабый'; 2) слабый непрочный: *некодя гез* 'непрочная верёвка'; 3) слабый, неуверенный: *некодя оськӧввез* 'неуверенные шаги'; 4) слабый, дряхлый: *айыс некодя ни, пӧрись* 'его отец уже слаб, дряхл'; 5) находящийся накануне родов (отёла и т.п.) (КПРС: 269). Данное слово употребляется в северном наречии и в составе устойчивого словосочетания *н'экод'а зэгйӧ* 'лихорадит' (КПРС: 269). Наличие лексемы *н'экод'а* в южном наречии можно расценивать как еще одно свидетельство былого функционирования слова *код'а*, сохранившегося в северном наречии до наших дней.

Этимология исследуемой лексемы неясна, полных соответствий словам *код'а* и *н'экод'а* в близкородственных языках мы не обнаружили.

В коми-зырянском языке в настоящее время функционирует слово *код'*: *кодъ* лл. сс. 'почти полный, целый, весь'; *грез кодънас* лл. сс., *деревня кодънас* л. 'почти всей деревней'; *лук кодъ* лет. 'почти целое гнездо лука'; *час кодъ тӧрси* лет. 'почти целый час ел' (ССКЗД: 159), *mir kojđ* вв. 'весь мир' (КЭСК: 127).

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» коми-зырянское слово *кодъ* 'весь, вся, все, всё', 'всё целиком', 'вся совокупность чего-либо' под вопросом сопоставляют с удмуртским *котъ*: *котъкин* 'каждый, все', *котъку* 'всегда'; марийским *кеч-ко* 'кто угодно, любой, всякий' (*ко* 'кто'; *кеч* < **кетъ*), мокшанским *кати*: *катикие* 'кто-то, некто' (*кие* 'кто') (КЭСК: 127), при этом отмечая, что «Оригиналом удмуртского, марийского и мокшанского слов считают рус. хоть, хотя. (...) Однако имеется возможность сопоставить это широко распространенное слово с коми *кодъ*, являющимся исконным словом коми языка» (КЭСК: 127). К.Е. Майтинская мокшанское *кати*- в словах *кати-кие* 'кто-то', 'некто', *кати-мезе* 'что-то' возводит к русскому *хоть и*, а марийское *кеч*- в *кеч-кудо* 'который бы ни', *кот'ś kō*, *хоть-кӱ* 'кто-угодно', *кот'-та* 'что бы ни' – к заимствованной русской частице *хоть* (Майтинская 1979: 223). К русской частице *хоть* возводится и удмуртское *котъ*: *котъкин* 'каждый, все', *котъку* 'всегда' и др. (Майтинская 1979: 223).

На наш взгляд, сложнее обстоит дело с коми-зырянскими примерами (см. выше). Г.В. Федюнева считает *-кодъ* словообразовательным суффиксом со значением собирательности, развившимся на базе первоначального значения приблизительности. Автор отмечает, что «Элемент *-кодъ* может быть отнесен к разряду суффиксов весьма условно, поскольку он употребляется ситуативно, в контексте, и не образует устойчивых лексем» (Федюнева 1985: 97).

Исследуемое слово в коми-пермяцком языке имеет самостоятельное значение 'хороший', поэтому его можно считать полнозначной лексемой.

Возможно, оно образовано от корня *код'*- (семантика в настоящее время неясная) с помощью словообразовательного суффикса *-а*, имеющего значение 'наличие чего-либо'. И, напротив, с помощью суффикса *-тõм* со значением 'отсутствие чего-либо' образовано *код'тõм*-, сохранившееся в слове *код'тõмас'ны* 'о состоянии коровы перед отёлом' (пукс.). Лексема *код'а* в этом случае могла обозначать полноту качеств, необходимых для того или иного существа, предмета, что вполне соотносится с нынешней семантикой 'хороший', а *н'экод'а*, следовательно, 'не имеющий каких-либо качеств, обязательных для предмета или живого существа'. Так, в сочетании *н'экод'а гзз* данное слово указывает на недостаток прочности верёвки, *сийа мортыс н'экод'а* 'он человек слабый' – на недостаток силы у человека и т.д. Таким образом, слово *н'экод'а* в южном наречии имеет более близкое к исходному значение, а в северном наречии произошло расширение: недостаток чего-либо > плохой, нехороший.

Значение целостности, полноты позволяет сопоставить слово *код'а* с приведенными выше коми-зырянскими примерами на *-код'*. Несмотря на то, что в коми-зырянских диалектах данный элемент употребляется только в сочетании с другими словами и, вероятно, является суффиксоидом, в нем присутствует значение собирательности, целостности, полноты.

Отсутствие полных соответствий *код'а* 'хороший' в родственных языках позволяет считать ее коми-пермяцкой инновацией. Однако связь данной лексемы с коми-зырянскими примерами дает основания расценивать ее как ареально-генетическую или генетическую.

кымõр (карта № 6)

Лексема *кымõр* 'туча; небо' распространена в северном наречии коми-пермяцкого языка. В южных диалектах и в литературном языке данное слово употребляется со значением 'туча', а значение 'небо' имеет русское заимствование *н'эбо* 'тж'. Следует отметить, что в отдельных говорах южного наречия сохранилось исконное слово *йэньж* (ср. *енэж* 'небо, небеса' в коми-зырянском языке).

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» указано, что если данное слово допустимо сопоставить с эрз. *ковал* 'туча', ф. *kumari* 'маленькое облачко', то следует воспроизвести доперм. **kumδr-* 'облако', а если сюда же отнести коми. *кымõдны* диал. 'затенять, заслонять', удм. *кымет* 'крышка', 'крыша', то корень слова *кым-* (< общеп. **kūt-* < доперм. **kūt-*) должен был иметь значение 'заслонять' (КЭСК: 151).

Анализ исследуемого слова позволяет отнести изоглоссу *кымõр* к генетическим. Наличие значения 'небо' только в севернокоми-пермяцких говорах, его отсутствие в южном наречии и близкородственных языках позволяет расценивать изосему как инновационную по характеру возникновения.

латишкыт (карта № 8)

Изоглосса *латишкыт* ‘коренастый’ охватывает северное наречие коми-пермяцкого языка. Вариант *латишын’ик* распространён в больше-кочинском, пельмском, даниловском говорах. В южных коми-пермяцких диалектах данному слову соответствуют сочетания *крэпыт вывтыра* (букв. крепкого телосложения), *пас’кыт пэл’пона* (букв. с широкими плечами) (КПС 1993: 196).

Соответствия лексеме *латишкыт* имеются в коми-зырянском языке: *латишкӧс* вс. вым. нв. печ. скр. сс. уд., *латишкес* вв. иж., *латишкыд* вым. иж., *латишыд* лл. ‘коренастый, приземистый, низкорослый, кряжистый’ (ССКЗД: 195). В «КЭСК» с данными словами сопоставляется удм. *лахкес* ‘приземистый (напр., невысокая избушка)’ и, таким образом, воспроизводится общеп. **laškes* ‘приземистый, коренастый’. При сопоставлении с мар. *лапцака* ‘сплюснутый’ реконструируется доперм. **lapčs*. Авторы отмечают: «Пермские слова являются производными от *латиш* при помощи субстантивных суффиксов *-ӧс (-es)*, *-ыд*» (КЭСК 1999: 414).

Таким образом, *латишкыт* образовано от корня *латишк-* при помощи суффикса *-ыт*. Вероятно, изоглоссу данного слова можно считать генетической, утраченной по каким-либо причинам в южном коми-пермяцком наречии.

мэд (карта № 4)

Слово *мэд* ‘пусть, пускай’ распространено в северном наречии коми-пермяцкого языка повсеместно. В южных диалектах в данном значении употребляется *ас’* ‘тж’. Изоглосса *мэд* имеет продолжение в коми-зырянском языке: *мед* повс., *медым* печ. скр., *медім* вв., *медум* иж., *меткӧ* уд. ‘пусть, пусть только’ (ССКЗД: 219), в коми-язьвинском наречии: *мед* ‘пусть’ (КЯД: 146), а также имеется в удмуртском языке: *мед* ‘да, пусть’ (УРС: 278). Лексема *мэд* ‘пусть, пускай’ (< общеп. **med*) является словом допермского происхождения **med* ‘тж’ (КЭСК: 171).

Таким образом, *мэд* ‘пусть, пускай’ является исконным образованием, а изоглосса *мэд* – генетической по происхождению, в южном наречии вытесненной заимствованием *ас’*.

кос’ас’ны (карта № 9)

Слово *кос’ас’ны* ‘драться’ в северном наречии коми-пермяцкого языка встречается повсеместно. В южных диалектах в данном значении употребляется лексема *тышкас’ны*. В «Коми-пермяцко-русском словаре» 1985 г. приведено еще одно слово *косясьны* со значением ‘рваться, порваться’ (КПРС: 188), распространённое повсеместно на территории Коми-Пермяцкого округа, а также в коми-язьвинском наречии (КЯД: 137), в удмуртском (УРС: 196) и коми-зырянском языках (ССКЗД: 167). *Кос’ас’ны*

в значении 'драться' употребляется в диалектах коми-зырянского языка: *косясьны* вым. иж. лл. печ. скр. сс. уд. (Ваш), *косясьні* – вв., *косесьны* – вс. (ССКЗД: 167).

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» слова *косясьны* в значении 'драться' и *косясьны* 'рваться, порваться' рассмотрены вместе и приведены к общепермскому корню **kõs'-* 'драть, рвать' (КЭСК: 135). В связи с тем, что Ю. Тойвонен находит соответствия в мокшанском, финском, саамском, хантыйском языках, возможно отнесение этого слова к допермскому периоду: **kõs'-* 'бить, рвать, драть' (КЭСК: 135). К. Редей под вопросом относит происхождение данного слова к финно-угорскому периоду (UEW: 162).

В северном наречии коми-пермяцкого языка имеются производные от *кос'ас'ны* 'драться' слова: *кос'ас'ом* 'драка', распространенное в иванчинском, левичанском, чазёвском, пельмском, юкеевском, даниловском говорах (ср. кз. *косясьом* лл., скр., *косесьом* вс. 'тж' (ССКЗД: 167), *кос'ас'ан* 'место драки' в мысовско-лупинских, левичанском, чазёвском говорах, *кос'ас'ис'* 'драчун', зафиксированное повсеместно.

Слово *тышкасьны* 'драться', употребляющееся в южном наречии, имеет соответствия в коми-язьвинском наречии: *төшкас'но* 'драться', *төшкално* 'бить (например, холст перед тем, как положить в ящик' (КЯД: 187); в удмуртском языке: *тышканы* '1. побить, бить, колотить, поколотить, выбить, вбивать; 2. ковать, клепать» (УРС: 437), *тышкаськыны* сев. 'драться' (КЭСК: 293), в коми-зырянском языке: *тышкасьны* вым. иж. нв. скр. уд., *тышкасьні* вв. 'биться, драться' (ССКЗД: 391), *тышкалны* вс. л., *тышкооны* 'бить, ударять обухом топора (например, по дереву)' (ССКЗД: 391); *тышкооны* вым. 'бить, колотить' (ССКЗД: 245). В «КЭСК» приводится общепермская форма **tišk-* 'обух, тупая сторона (ножа и т.п.)' (КЭСК: 293), восходящая к финно-пермскому **taškz* 'тыл ножа, топора' (UEW: 793).

Таким образом, в общепермский период существовали оба слова. В более поздний период в диалектах коми-зырянского языка и в северном наречии коми-пермяцкого языка на основе первого значения *косясьны* 'рваться, порваться', вероятно, возникло производное 'драться', в южном наречии коми-пермяцкого языка, коми-язьвинском наречии и удмуртском языке, а также в диалектах коми-зырянского языка на основе первого значения 'бить обухом топора' развилось значение 'бить, ударять кого-либо', а затем с помощью возвратного суффикса *-сь* – 'драться', то есть ударять, бить друг друга.

Значение 'бить обухом (топора)' в северном наречии передается выражением (*чэр*) *тышён вартлыны*, (*чэр*) *тышён вачкыны*. Вполне возможно,

что слово *тышкальны* ‘тж’ в северном наречии отсутствовало, следовательно и *тышкасны* ‘драться’ не могло развиваться в данных говорах.

Проведённый анализ слова *кос'ас'ны*, а также производных лексем, позволяет говорить о генетическом или ареально-генетическом характере возникновения данной изоглоссы.

мускыт (карта № 2)

Изогlossа *мускыт* ‘сырой, влажный, отсыревший’ охватывает северное наречие полностью: *пас'кõмыс оз дõсполна кос'мы, дак мускыт шуõны* ‘одежда не высохнет до конца, так «мускыт» (влажный) говорят’ (пукс.); *туруныс пõ мускытõл, абу на кос'мõм* ‘сено, говорят, влажное еще, не высохло’ (чаз.). В южном наречии в данном значении употребляются лексемы *н'утиша, ул', ва* ‘тж’ (*ул'* и *ва* являются употребительными и в северном наречии). Соответствия *мускыт* не зафиксированы ни в коми-язьвинском наречии, ни в коми-зырянском языке. Однако лексема *мускыт* ‘влажный // влажно // влага, влажность’ имеется в удмуртском: *мускыт омыр* ‘влажный воздух’, *пелдон туж мускыт* ‘на дворе очень влажно’; *мускыт уг тырмы* ‘не хватает влаги’ (УРС: 288).

Таким образом, изогlossа *мускыт* охватывает территорию северного наречия коми-пермяцкого языка и лингвистическое пространство удмуртского языка. Севернокоми-пермяцкий ареал является островным, отдалённым от основной территории функционирования данной лексемы, поэтому можно предположить ареальный (субстратный) характер возникновения исследуемой изогlossы. Условия для образования субстратных удмуртских элементов в северном наречии коми-пермяцкого языка были созданы, по-видимому, в результате переселения небольших частей удмуртского населения на данную территорию, где они влились в коми-пермяцкую среду и впоследствии были ассимилированы. Однако нельзя исключать также и возможность генетического происхождения изосемы.

нõрз'ыны (карта № 7)

Изогlossа *нõрз'ыны* ‘отстояться (о молоке)’ охватывает все говоры северного наречия: *нõрз'õм ни тай йõлыс* ‘отстоялось уже молоко (сливки уже отделились)’ (чур.). В южном наречии соответствующее по значению слово не зафиксировано.

Лексема *нõрз'ыны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *нырз'ыны* вым. иж. уд., *нõрз'ыны* л. (Об.), лет., *нõрдзыны* л. (Пор.), ‘закисать, закиснуть, сседаться, ссесться’, ‘превращаться, превратиться в простоквашу (о молоке)’ (ССКЗД: 436). Таким образом, изогlossа исследуемого слова имеет продолжение в лузско-летском диалекте и тянется далее на север – на территорию вымского, удорского и ижемского диалектов. Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» сравнивают данное сло-

во с мар. *нарангаиш* ‘заплесневеть, зацвести (о жидкостях)’ (КЭСК: 195). Слово *нырзыны* вым. иж. уд. ‘закисать, закиснуть, ссесться, превратиться в простоквашу (о молоке)’ в «КЭСК» сопоставлена с удм. *нориськыны* ‘заразиться’, ‘запачкаться, вывозиться’, отмечено, что коми и удмуртские слова сближает значение ‘стать несвежим, не цельным’ – общеп. **nür-* (отсюда кз. *нырзыны*) > позднепермск. **nör-* (отсюда кз. *нӧрзыны*, удм. *нориськыны*) (КЭСК: 197).

Таким образом, изоглосса *нӧрз’ыны*, вероятно, имеет генетический или ареально-генетический характер происхождения.

В некоторых говорах северного наречия коми-пермяцкого языка зафиксирована производная от *нӧрз’ыны* лексема *нӧрз’ӧм* ‘сливки’ (чур. пукс. б-коч. лев. чаз. пел. юкс., коч. иванч. пятиг.), образованная из причастия *нӧрз’ӧм* ‘отстоявшееся (молоко)’ способом субстантивации. Слово *нӧрз’ӧм* ‘сливки’ не зафиксировано в близкородственных языках, что допускает возникновение данной лексемы в собственно севернокоми-пермяцких говорах и характеристики её как инновационной.

***нузгыны* // *назгыны* (карта № 10)**

Слово *нузгыны* // *назгыны* ‘гнусавить’ распространено во всех говорах северного наречия: *нузгыны* пятиг. чур. пукс. б-коч. лев. чаз. пел. дан. коч. иванч., *назгыны* мыс.-луп. хар. чаз. юкс. дан. В южном наречии коми-пермяцкого языка данную семантику имеет выражение *ныр пыр баитны* (букв. говорить через нос).

Соответствия исследуемого слова зафиксированы в коми-зырянском языке: *назгыны* вс. печ. скр. сс., *назгині* вв., *нізгыны* лл., *дізгыны* л. (Об.), *мизгыны* лет., *мизӧтчыны* лет., *носкыны* вс., *нускыны* вым. иж. уд. (Гл), нв., *нунгыны* уд (Ваш.) ‘гнусавить, гнусить, гугнявить, говорить в нос’ (ССКЗД: 234); *нузгыны* ‘гнусавить’ (КРК: 437); *нуза-назакывны* скр., *нуза-назакылны* сс., *нуза-назакылні* вв. (Крч.), *нуза-назакыныны* вым. ‘гнусавить’ (ССКЗД: 247). Исследуемые лексемы имеют оноματοпозитический характер. В коми-язьвинском наречии и удмуртском языке соответствия не зафиксированы: ср. кя. *нӧр горӧн баитӧ* ‘в нос говорит’ (КЯД: 152), удм. *ныр пыр вераськыны* (букв. через нос говорить) ‘гнусавить’ (УРС: 182).

Ареал распространения исследуемого слова и его различных вариантов охватывает северное наречие коми-пермяцкого языка и коми-зырянское языковое пространство, что позволяет говорить о генетическом или ареально-генетическом характере происхождения.

***н’ап* (карта № 2)**

Лексема *н’ап* в значении ‘шиповник’, ‘ягоды шиповника’ распространена повсеместно в исследуемом наречии. В больше-кочинском говоре *н’ап* ‘ягоды шиповника’ имеет синоним *н’апйагӧд*: *н’апйагӧдла арнас вӧтлӧті*

‘за шиповником (ягодами) осенью ходила’. В южном наречии коми-пермяцкого языка семантику ‘шиповник’, ‘ягоды шиповника’ имеет слово *жэл’нӧг*. Для обозначения понятия ‘ягоды шиповника’ используется слово *жэл’нӧгйагӧд*. Исключение составляют некоторые говоры нижнеиньвенского диалекта, где зафиксирована также лексема *н’ап* ‘тж’.

Следует отметить, что *жэл’нӧг* в значении ‘куст шиповника’ употребляется и в северном наречии как синоним слова *н’ап*: *жэл’нӧгыс сэччин уна быдмӧ* ‘там растет много шиповника (кустов)’; *н’апыс бӧра пэталӧма* ‘ростки шиповника опять взошли’ (пукс.).

Жэл’нӧг ‘шиповник’ образовано от *жэл’* ‘заноза’ (общеп. **žel’j*- < доперм. **šǝl’e*- ‘лучина’, ‘расщеплять’ (КЭСК: 102) при помощи непродуктивного суффикса -*нӧг*.

Лексема *н’ап* ‘шиповник’, ‘ягоды шиповника’ не зафиксирована в родственных языках: ср. кз. *жельнӧг* л. сс., *лежнӧг* л. (Об), лет. нв. скр., *лежнэг* вым. уд., *жельнэг* вв. ‘шиповник’ (ССКЗД: 195); удм. *легезьпу* ‘тж’ (УРС: 1234).

Этимология лексемы *н’ап* неясная. Возможны два предположения её возникновения: 1) *н’ап* является производным от *н’апкыны* ‘сосать’. В этом случае изоглоссу можно расценивать как севернокоми-пермяцкую инновацию. 2) *н’ап* является каким-то заимствованием. Тогда данная изолекса может считаться ареальной.

В настоящее время в некоторых говорах (напр. пукс., чур.) наблюдается дифференциация значений лексем *н’ап* и *жэл’нӧг*: для обозначения понятия ‘ягоды шиповника’ чаще употребляется слово *н’ап*, а понятия ‘куст шиповника’ – *жэл’нӧг*.

йумӧл (карта № 35)

Изоглосса *йумӧл* ‘сладковатый’ охватывает все говоры северного наречия коми-пермяцкого языка. Чаще всего встречается в сочетании *йумӧл картошка* ‘сладкая (сладковатая) картошка (после того, как подмёрзнет)’. В южном наречии семантику ‘сладкий’ имеет слово *чӧскыт*: *картошкаыс чӧскыт* или *чӧсвидзӧ* ‘картошка сладковатая’. Лексема *чӧскыт* ‘сладкий’ распространена и в исследуемых говорах: *чайыс чӧскыт н’и* ‘чай сладкий уже’.

Йумӧл ‘сладкий, сладковатый’ имеет соответствия в коми-зырянском языке: *юмов* л. (Об) нв. скр., *юмол* вв. (Крч) вс. лл. печ. сс., *юмоо* вв. (Бог.) иж. вым. ‘сладкий’ (ССКЗД: 451), в удмуртском: *юмал* ‘пресный (напр. о пище)’, ‘закваска’ (УРС: 531).

Авторы «КЭСК» отмечают, что слово *юмов* ‘сладкий’, ‘пресный, свежий, не кислый (напр. тесто)’ восходит к общеп. **jumzl*, где элемент -*l*- является архаичным суффиксом (ССКЗД: 335). К. Реден слово *юмол* возводит

к финно-пермскому **jimä-* (~*-lä*) ‘солод, сладкое тесто из солода и муки; сладкий’ (UEW: 634). В северном наречии концентрат из солода для приготовления домашнего пива до сих пор называют *йум*; приготовленный из него раствор – *йумз’от*.

Таким образом, слово *йумöl* является исконным. Исходным, по всей видимости, было значение ‘сладкий (вообще о чем-либо)’. Под воздействием синонимичной лексики *чöскыт*, которая в коми-пермяцком языке имеет семантику ‘вкусный’, ‘сладкий’, значение *йумöl* начало конкретизироваться и в настоящее время в говорах северного наречия происходит закрепление за данным словом значения ‘сладковатый (о подмёрзшей картошке)’.

Выводы:

Севернокоми-пермяцкий ареал выделяется как на базе собственно-лексических изоглосс, так и на основе семантических. Собственно лексическими являются следующие: *вил’ин* ‘целина, новина’, *бал’ан’ан’а* // *бал’ан’ан’* ‘жимолость’, *жсэдыны* ‘бить, ударять’, ‘бить головой’, *код’а* ‘хороший’, *латикыт* // *латикын’ик* ‘коренастый’, *мэд* ‘пусть, пускай’, *мускыт* ‘влажный’, *нёрз’ыны* ‘отстояться (о молоке)’, *нёрз’ом* ‘сливки’, *нузгыны* // *назгыны* ‘гнусавить’, *н’ап* ‘шиповник’. На семантическом уровне данный ареал представлен лексическими единицами: *жарöтны* ‘затопить (печь)’, *кымör* ‘туча’, ‘небо’, *кос’ас’ны* ‘драться, сражаться’ и т.д.

В составе изоглосс, охватывающих севернокоми-пермяцкий ареал, выделяются 1) севернокоми-пермяцко-коми-зырянские: *бал’ан’ан’а* // *бал’ан’ан’* ‘жимолость’, *латикыт* // *латикын’ик* ‘коренастый’, *мэд* ‘пусть, пускай’, *кос’ас’ны* ‘драться, сражаться’, *нёрз’ыны* ‘отстояться (о молоке)’, *нузгыны* // *назгыны* ‘гнусавить’, *йумöl* ‘сладковатый’; 2) собственно-севернокоми-пермяцкие: *код’а* ‘хороший’, *вил’ин* ‘целина, новина’, ? *н’ап* ‘шиповник: ягоды шиповника’; 3) севернокоми-пермяцко-удмуртские: *мускыт* ‘влажный’.

С точки зрения происхождения севернокоми-пермяцкий ареал представлен генетическими изоглоссами: напр., *мэд* ‘пусть, пускай’, *йумöl* ‘сладковатый’, *латикыт* ‘коренастый’, *код’а* ‘хороший’ и т.д. Проанализированные изоглоссы восходят к общекоми и более древним языковым системам. Отсутствие их в южном наречии объясняется утратой или инновационной заменой.

В составе изоглосс, на основе которых выделяется севернокоми-пермяцкий ареал, выявлены ареально-генетические: напр., *нузгыны* // *назгыны* ‘гнусавить’, *бал’ан’ан’а* // *бал’ан’ан’* ‘жимолость’ и др.

Изоглосса *мускыт* ‘влажный’ является, вероятно, ареальной, о чем говорит, с одной стороны, отсутствие её в коми-зырянском языке, коми-

язьвинском наречии и южном наречии коми-пермяцкого языка, с другой стороны, тот факт, что в IX–XIII вв. на территорию зюздинцев, а затем и на территорию северного варианта родановской культуры начинает проникать удмуртское население (Оборин 1990: 59).

Результаты статистического подсчёта изоглосс, на основе которых выделяется севернокоми-пермяцкий ареал, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Генетические	6 (7)	40 % (46,66 %)
Ареально-генетические	2	13,3 %
Ареальные	1 (2)	6,66 % (13,3 %)
Севернокоми-пермяцкие инновации	6 (4)	40 % (26,66 %)
Всего	15	100%

Центральный ареал (или южный)

Ареал, условно названный нами центральным, занимает южную часть северного наречия коми-пермяцкого языка. На юге, западе и востоке он граничит с русскими говорами. Изогlossen, образующие этот ареал, охватывают пуксисбский, чураковский, левичанский, пятигорский, больше-кочинский, кочёвский, пелымский, юксеевский говоры.

Проанализируем лексемы, на основе которых выделяется данный ареал.

гундыртыны (карта № 11)

Лексема *гундыртыны* зафиксирована в чураковском, левичанском, чазёвском, пелымском, кочёвском, больше-кочинском говорах. В первых четырёх (т.е. в чур. лев. чаз. пел.) имеет значение ‘чем-либо заниматься по дому’: *гундырити то тай лунтыр мыйкӧ, с'о т'эркуас вӧли* ‘чем-то занималась вон всё, всё в доме была’ (чур.); в кочёвском и больше-кочинском – ‘шалить, баловаться’: *дугды н'и гундыртны, мамыт локтас – кэркуас бэс-порйадо́к* ‘перестань баловаться, мама твоя придёт – в доме беспорядок’. Соответствия *гундыртны* ‘чем-либо заниматься по дому’ в других говорах не выявлены, а значение ‘шалить, баловаться’ передаётся с помощью слова *бӧбалны* ‘тж’.

Этимология слова неясна. Возможно, лексема *гундыртны* сопоставима с *гундыр* ‘чудовище, дракон’, ‘медведь’, в этом случае значения ‘шалить, баловаться’ произошло из ‘довести до беспорядка, все перевернуть’ – на основе сходства. Значение ‘заниматься чем-либо по дому’ может быть возникшим из ‘шалить, баловаться’: ‘шалить, перевернуть все вверх дном’ > ‘чем-либо заниматься, переставлять, убирать’.

Анализ изоглоссы *гундыртны* позволяет расценивать её как северно-коми-пермяцкую инновацию.

дзирбарас'ны

Слово *дзирбарас'ны* 'озираться, оглядываться' зафиксировано в пуксиском, пятигорском, больше-кочинском, левичанском, чазевском, пельымском, юксеевском, кочёвском, иванчинском говорах северного наречия. Соответствие данной лексемы имеется в говоре с. Егва южного наречия: ср. *дзикбарас'ны* 'озираться, оглядываться'. В остальных говорах северного и южного наречия абсолютные эквиваленты не зафиксированы, а понятие 'озираться, оглядываться' передаётся словом *бэргалны* (букв. вертеться) или словосочетанием *õtмõдõрõ видзõtлыны* (букв. в разные стороны посматривать).

Соответствия слова *дзирбарас'ны* имеются в коми-зырянском языке: *дзирнясьны* печ. скр. сс., *дзирнясьні* вв., *дзирнявны* нв., *дзирнясьны* уд. (Венд.), *дзимбыресьны* вс. 'вертеться, быть вертлявым, вести себя неспокойно: кривляться, ломаться' (ССКЗД: 104).

При сопоставлении *дзирбарас'ны* и кз. *дзирнясьны* выявляется общий компонент *дзир* 'петля, шарнир, навеска', 'пятка у ворот, дверей', которая восходит к общеп. **ž'irz* 'приспособления, на котором вертится растворяемый предмет (дверь, ворота, окно, крышка ящика и т.п.)' (КЭСК: 91). Авторы «КЭСК» приводят допермскую форму **č'ȳrз* 'приспособление, на котором вертится дверь, окно' (КЭСК: 910). К. Редеев происхождения слова *дзир* относит к финно-угорскому периоду: **čara* 'петля' (UEW: 30). Таким образом, элемент *дзир* в исследуемом слове имеет значение 'вертеться, быть вертлявым'.

Компонент *бар-*, возможно, тот же, что и в слове *барõtны* (*с'иннэз*) 'вылупить, вытаращить (глаза)'. Можно предположить, что *бар-*, *барõtны* сопоставимы с *бар* вым. вс. 'неподвижно': *бар сулооны* вым. 'неподвижно стоять' (ССКЗД: 18) и *баръёв* 'кривой, косой', корень *barj-* которого, по мнению авторов «КЭСК», обозначал «край, бок» и был заимствован из прибалтийско-финских языков (КЭСК: 37).

Таким образом, *дзирбарас'ны* образован из *дзир-* 'вертеться' и *бар-* 'смотреть'. Отсутствие лексико-семантических соответствий в близкородственных языках говорит в пользу того, что центр инновации расположен на территории исследуемого ареала.

***кипэзõл* (карта № 36)**

Лексема *кипэзõл* в сочетании *кагаыс кипэзõл* 'неспокойный (ребёнок)' зафиксирована в левичанском, чазёвском, пельымском, юксеевском, чуратовском, пуксиском, иванчинском говорах северного наречия коми-пермяцкого языка. В других говорах северного наречия и южных диалектах семантические соответствия не выявлены.

В слове *кипэзӧл* выделяется элемент *ки* ‘рука’, однако этимология лексемы *кипэзӧл* неясна. Может быть, данная лексическая единица сопоставима с удмуртским *кипос* ‘запястье’ (УРС: 199), а *-ӧл* является суффиксом со значением излишества (ср. *кӧдзыт* ‘холодно’ – *кӧдзытӧл* ‘излишне холодно’, *куз* ‘длинный’ – *кузӧл* ‘излишне длинный’). В этом случае *кипэзӧл* может иметь значение ‘(ребенок) которого больше, чем обычно, нужно держать на руках’ > ‘непокойный’.

Таким образом, возможно, в данном ареале имела место лексическая изоглосса *кипэз*, на настоящий период уже утраченная. На основе этого слова возникла изоглосса *кипэзӧл*, которую можно считать инновационной.

комол’ (карта № 12)

Лексема *комол’* ‘ком крутого теста (для сочней)’ зафиксирована в пуксиском, чазёвском, чураковском, пятигорском, левичанском, пелымском, юксеевском, иванчинском говорах северного наречия коми-пермяцкого языка. В других говорах северного наречия и южных диалектах в данном значении употребляются слова *н’ан’* (букв. тесто), *кӧрыш* (букв. сочень, сочни), *т’эсто* (тесто).

Соответствия лексеме *комол’* имеются в коми-зырянском языке: *комӧль* вс. скр. сс., *комель* вв. (Крч.), печ. ‘круто скатанное тесто для изготовления сочней’ (ССКЗД: 163). В «КЭСК» слово *комӧль* ‘ком крутого пресного теста (для лепешки, сочня, корки пирогов и ватрушек)’ сопоставляют с коми-язьвинским *кумилъ* ‘кожура (картошки, репы, редьки, брюквы)’, удмуртским *кумель* ‘кора на лыке, паласина’ и возводят к общеп. **komel’* ‘кожура, кора, корка’, доперм. **kǝmǝl’* ‘кора, кожура’ (КЭСК: 132).

Предполагается также возможное заимствование *комӧль* ‘ком теста’ из русского языка (КЭСК: 132).

Если считать слово *комол’* исконным, то изоглосса, видимо, является ареально-генетической.

кортсӧтны

Изоглосса *кортсӧтны* ‘жарить, поджарить (до образования корочки)’ охватывает чураковский, пуксиский, больше-кочинский, чазёвский, левичанский, иванчинский, пелымский, юксеевский говоры северного наречия. В других говорах коми-пермяцкого языка абсолютные соответствия не выявлены, а в данном значении употребляется сочетание *жаритны коркаӧдз* ‘тж’. В тех же говорах, за исключением иванчинского и больше-кочинского, зафиксирована лексема *кортсас’ны* ‘пересохнуть, подгореть’: *тиаккэс кортсас’ӧмӧс* ‘грибы пересохли, подгорели’ (пукс.). Значение ‘пересохнуть’ в коми-пермяцком языке (в том числе в указанном ареале) передается сочетанием *ӧд’д’ӧнӧл кос’мыны, вылти кос’мыны* (букв. ‘слишком высохнуть’).

Соответствия *кортсѳтны*, *кортсас'ны* зафиксированы в коми-зырянском языке: *корсавны* уд., *корсассьыны* лет. 'подсыхать, подсохнуть, обсыхать, обсохнуть (на воздухе, на ветру)' (ССКЗД: 437), *корсѳдны* уд. 'сушить, подсушить, обсушить (на воздухе, на ветру)' (ССКЗД: 438); в удмуртском языке: *куарсаны* 'подсыхать, подсохнуть, завянуть, вянуть (на солнце, на ветру – о листьях, траве)' (УРС: 222), *куарсатыны* 'подсушить, сушить (на солнце, на ветру – о листьях, траве)' (УРС: 222).

Коми-зырянские *корсавны*, *корсамыны* 'подсыхать (на воздухе, на ветру)', *корсѳдны* 'сушить (на воздухе, на ветру)' и удмуртские *куарсатыны* 'сушить (на солнце, на ветру)', *куарсаны* 'завянуть (о листьях, траве)' возводятся к общеп. **kwǫrs-* 'вянуть (о траве)', 'подсыхать (о траве, льне, снопах и т.д.)', которое, возможно, является производным от **kwǫr* 'лист' (КЭСК: 134).

Таким образом, *кортсас'ны* и *кортсѳтны* также возводимы к общеп. **kwǫrs-* 'подсыхать', а значения 'высохнуть, пересохнуть' и 'жарить, поджарить (до образования корочки)' возникли уже на базе упомянутых говоров северного наречия коми-пермяцкого языка. Следовательно, лексическая изоглосса *кортсас'ны* является генетической, а изосему 'жарить, поджарить до образования корочки' можно считать инновационной.

кызѳтны (карта № 13)

Лексема *кызѳтны* 'кашлять' зафиксирована в пуксибском, чураковском, больше-кочинском, левичанском, пелымском, юксеевском, иванчинском, пятигорском говорах. В даниловском и харинском говорах данная лексема не употребляется, там бытует лексема *кашлѳтны* 'кашлять', в мысовском и лупьинском – *кашл'айтны* 'тж', как и в южном наречии.

Ареал распространения *кызѳтны* охватывает коми-язьвинское наречие: *кѳзѳтнѳ* 'кашлять' (КЯД: 130), коми-зырянский язык: *кызѳдны* вым. нв. скр. сс. уд., *кызѳдны* иж., *кызѳдні* вв. 'кашлять, вызвать кашель', *кызны* иж. скр. сс. уд., *кызні* вв. 'кашлять', удмуртский язык: *кызыны* 'кашлять, покашливать' (УРС: 239).

В «КЭСК» приводится общепермский корень **küz-* 'кашлять', который восходит к доперм. **kuse-* (КЭСК: 150). Глагольная форма *кызѳтны* 'кашлять' с суффиксом *-ѳт* (кз. *-ѳд*) первоначально имела значение 'заставлять кашлять, вызывать кашель' (ср. кз. *кызны* 'кашлять' – *кызѳдны* 'вызывать кашель'). В коми-пермяцком языке суффикс *-ѳт* в исследуемом слове потерял значение принуждения.

В пятигорском говоре исследуемого наречия употребляется производное от *кызѳтны* 'кашлять' слово *кызѳччыны* 'мучаться кашлем': *кызѳччи да кызѳччи тѳлнас* 'мучалась и мучалась кашлем зимой'. *Кызѳччыны* образовано с помощью суффикса *-ч-*.

Таким образом, зона распространения *кызѳтны* ‘кашлять’ является архаичной, а изоглосса – генетической. Отсутствие данной лексемы в остальных говорах коми-пермяцкого языка объясняется инновационной заменой русскими словами.

с'орд (карта № 14)

Лексема *с'орд* ‘место за чем-либо, задняя часть какой-либо площади’ употребляется в чураковском, больше-кочинском, левичанском, юксеевском, чазѳвском, иванчинском говорах северного наречия коми-пермяцкого языка: *с'ордас* ‘за печкой’, *с'ордас вѳли* ‘в дальнем углу полатей было (что-то)’. В «КЭСК» приведено слово *с'ѳрд* ‘задняя часть какой-нибудь площади (полатей, поля)’ с указанием на функционирование слова в кочевских говорах (КЭСК: 253). В других говорах северного наречия и южных диалектах лексико-семантические соответствия не выявлены.

Слово *с'орд* зафиксировано в коми-язьвинском наречии: *сѳрд* ‘задняя часть какой-либо площади (полатей, поля)’ (КЯД: 182), в коми-зырянском языке: *сѳрд* скр. ‘лес позади полей’ (КЭСК: 253); вв. (Бог.) нв. скр. ‘еловый лес в низменной местности’ (ССКЗД: 334). Лексема *с'орд* возводится к общек. **s'ѳrd* (КЭСК: 253). Изоглосса *с'орд* в настоящее время имеет узколокальный ареал распространения. Наличие соответствий исследуемой лексемы в коми-язьвинском наречии и коми-зырянском языке свидетельствует о генетическом происхождении изоглоссы.

пин'туйалны

Изоглосса *пин'туйалны* ‘откусить, надкусить, надгрызть’ охватывает пуксибский, больше-кочинский, левичанский, чазѳвский, пельмский, юксеевский, иванчинский говоры. В других северных говорах и южном наречии абсолютные эквиваленты отсутствуют, а данное значение имеет слово *курччѳлты* ‘откусить, надкусить’, которое употребляется также в упомянутых говорах. Слово *пиньтуйалны* ‘откусить, надкусить, надгрызть’ зафиксировано в коми-зырянском языке (КРК: 502).

Глагольная лексема *пин'туйалны* образована от *пин'туй* ‘след укуса’, употребляющегося повсеместно в коми-пермяцком языке (КПРС: 341).

Ареал исследуемого слова занимает территорию северного наречия коми-пермяцкого языка и языковое пространство коми-зырянского языка. Подобное распространение лексемы свидетельствует о возникновении изоглоссы *пин'туйалны* в результате ареально-генетических связей.

Выводы:

Центральный ареал представлен разными по характеру возникновения изоглоссами. В составе проанализированных изоглосс выделены генетические: *кортсѳтны*, *с'орд*, ? *комоль*, *кызѳтны*, восходящие к общекоми и более древним периодам. Они характеризуют территорию данного ареала

как архаичную зону (зону консервации), т.е. здесь сохранились лексические единицы, утраченные или заменённые в остальной части коми-пермяцкого языкового пространства.

Изоглоссы второго типа в настоящее время расцениваются нами как инновационные, т.е. возникшие на территории ареала: *гундыртыны*, *дзирбарас'ны*, *кипэзёл*). Они характеризуют центральный ареал как инновационный.

В табл. 2 приведены результаты статистического подсчёта изоглосс центрального ареала.

Таблица 2

Генетические	3 (4)	37,5 % (50 %)
Ареально-генетические	2 (1)	25 % (12,5 %)
Ареальные	—	—
Инновации центрального ареала	3	37,5 %
Всего	8	100%

Юго-восточный ареал

Юго-восточный ареал (или ареал «Пуксиб — Левичи — Чураки») расположен в юго-восточной части северного наречия коми-пермяцкого языка. Он представлен лексическими единицами, употребляющимися в пуксибском, левичанском, чураковском говорах: *бырöd* ‘вода, поднявшаяся на лёд’, *выл'лыны* ‘жадно есть’, *нумэр* ‘огород’, *гышкöптыны* ‘снять что-либо, сдёрнуть’, *йöнöd* // *йöндöd* ‘низменный, сырой, болотистый луг’, *нöлмöм* ‘чуть тёплый’, *пabэрэжска* ‘покос вдоль берега реки’ и т.д.

бырöd (карта № 15)

Изоглосса *бырöd* ‘вода, поднявшаяся на лёд (на реке, на озере)’ охватывает пуксибский, чураковский, левичанский говоры северного наречия коми-пермяцкого языка. Соответствующие по значению слова в других северных и южных говорах не зафиксированы.

Лексема *бырöd* имеет соответствия в коми-зырянском: *бырöd* вс. вым. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *быред* вв. иж. ‘наледь, наплыв воды под снегом, заплыв воды на льду’ (ССКЗД: 94), в удмуртском языке: *бырдам* ‘покрытый наледью, обледеневший’, ‘наледь’ (УРС: 64).

В «КЭСК» данное слово возводится к общеп. **büred* – ‘наледь’, где *-d-* является словообразовательным суффиксом (КЭСК: 45).

Изоглосса *бырöd* распространена в ареале, охватывающем юго-восточную часть северного наречия коми-пермяцкого языка, коми-зырянские диалекты, однокоренное соответствие функционирует в удмуртском языке. Ис-

следуемая изоглосса, вероятно, является генетической. Очерченный ареал функционирования данной лексемы в коми-пермяцком языке («Пуксиб – Левичи – Чураки») является, вероятно, островным, а изоглосса *бырӧд* характеризует юго-восточный ареал как архаичную зону.

выл'л'ыны (карта № 16)

Изоглосса *выл'л'ыны* неодоб. 'жадно есть' охватывает пуксибский, чураковский, левичанский говоры северного наречия коми-пермяцкого языка. В остальных говорах северного наречия эквиваленты не обнаружены, а значение 'жадно есть' имеют нейтральное *жаднӧйа с'ойны* 'тж', груб. *жӧргыны* 'жрать', в южных диалектах *риз'з'ыны-с'ойны* неодоб. 'жадно есть', *марскыны-с'ойны* неодоб. 'кушать жадно, с хрустом'. В близкородственных языках абсолютные лексико-семантические соответствия *выл'л'ыны* 'жадно есть' не выявлены.

Лексическая единица *выл'л'ыны* неясного происхождения. В какой-то мере она может быть связана с русским словом *выль* 'шишка на теле, волдырь, бугровина, опухоль; нарост на дереве, болона, свиль, кап, наплав, выплыв, папорт' (Даль 1: 298). Когда человек жадно ест, рот его набит, щёки надуты, как шишки, бугры.

Отсутствие лексических эквивалентов в близкородственных языках говорит об инновационном характере данной единицы. Однако не исключено, что она является заимствованием.

нумэр (карта № 16)

Лексема *нумэр* 'огород' распространена в левичанском, чураковском, пуксибском говорах исследуемого наречия. В других говорах данную семантику имеют *йӧр* (мыс.-луп. хар. пятиг. пукс. чур.), *капус'н'ик* (мыс.-луп. чаз. пел. юкс. дан. иванч.), южн. *огород'эч*, *огорэч*. Следует отметить, что слово *йӧр* в чураковском и пуксибском говорах является более распространенным, чем *нумэр* 'тж'.

Лексема *нумэр* сопоставима со словом *номер* 1. 'место, участок земли, отведенный под дом с надворными постройками' Том. Перм. (СРНГ 21: 274). Вполне вероятно, что в коми-пермяцкие говоры слово вошло с данным значением и первоначально обозначало место, на котором расположен дом, все его пристройки и огород.

Отсутствие данной лексемы в других говорах коми-пермяцкого языка и в родственных языках позволяет предполагать проникновение слова *номэр* > *нумэр* в левичанский, пуксибский и чураковский говоры. Таким образом, изоглосса *нумэр* имеет ареальный характер возникновения.

гышкӧптыны

Изоглосса *гышкӧптыны* охватывает левичанский, пуксибский, чураковский говоры северного наречия и имеет следующие значения: 1. 'быстро

снять (сдернуть) одежду' (чур., пукс.); 2. 'снять нитку с клубка' (пукс.); 3. 'снять с нитки узлы, зажав её ногтями' (пукс., лев.).

Значение 'снять одежду' в говорах северного и южного наречий передаётся словом *чѳвтыны* (южн.), *чѳлтны* (сев.) (в чураковском и пуксибском говорах эта лексема тоже употребляется), 'быстро снять, сдёрнуть' – *чожа чѳлтны*; для второго и третьего значений соответствия не выявлены.

Сравнив семантику слова *гышкѳнтыны* в данных говорах, можно вывести общее значение – 'что-либо снять, стащить, сдернуть'.

Лексема *гышкѳнтыны* образована при помощи суффикса *-ѳнт* со значением 'однократное с мгновенным значением действие' (ср. кз. *-ѳнт*) от корня *гыш-* (*гышк-*), где, возможно, произошло оглушение *ж* перед *к*. Связать данное слово с лексемой *гыж* 'ноготь' представляется невозможным.

В удмуртском языке зафиксированы слова *гыж*: *гыж кыстиськыны* 'тащиться юзом, волочиться'; *гыж кыскыса поттыны* 'тащить волоком'; *гыжтиськыны* 'тащиться (передвигаться) волоком (юзом); волочиться (тянуться) по земле' (УРС: 117). Лексему *гышкѳнтыны* и удмуртские слова можно сопоставить и возвести к *гыж-*. Корень *гыж-* присутствует также и в коми-пермяцком *гыжгыны* 'тащить с шумом', который можно сопоставить с удмуртскими примерами. В этих случаях *гыж-*, вероятно, является ономатопоэтическим словом. Однако сложно сказать, соотносится ли исследуемое слово с данными примерами.

Ввиду того, что соответствия лексемы *гышкѳнтыны* на настоящий период не зафиксированы в других коми-пермяцких говорах и в родственных языках, изоглоссу можно считать инновационной.

йѳнѳд // йѳнѳѳд (карта № 17)

Изоглсса *йѳнѳд* 'низменный, сырой, болотистый луг' охватывает левичанский и чураковский говоры. В пуксибском говоре употребляется вариант *йѳнѳѳд*. В «КПРС» лексема *йѳнѳд* приведена без каких-либо помет, указывающих на локальный характер её распространения, но в настоящее время она зафиксирована только в названных говорах. В коми-пермяцком языке, за исключением ареала «Левичи-Чураки-Пуксиб» понятие 'низменный, сырой, болотистый луг' обозначается словом *ол'* 'сырое, болотистое место'. Данная лексема имеется также и в левичанском, чураковском, пуксибском говорах.

Слово *йѳнѳд* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *йѳнѳд* вым. (Синд.), скр. сс. уд., *йѳнѳд* вв., *енѳд* нв. 'болотистое место, заросшее несъедобной травой, кустарниками и мелкими деревьями' (ССКЗД: 142).

В «КЭСК» о слове *йѳнѳд* написано следующее: «*йѳнѳд* 'болотистое место на склонах гор, тянущееся вдоль реки' – произв. от *йѳн* (в таких местах обычно растёт осот) (КЭСК: 113).

Ввиду отсутствия соответствующих слов в южных диалектах коми-пермяцкого языка, коми-язьвинском наречии и в удмуртском языке, изоглосса *йӧнӧд* // *йӧндӧд* расценивается нами как ареально-генетическая по происхождению. Юго-восточный ареал не граничит с коми-зырянскими диалектами, следствием чего является невозможность непосредственной иррадиации. Поэтому мы предполагаем, что данное слово употреблялось и в других северокоми-пермяцких говорах, но в настоящее время большинством из них уже утрачено.

нӧлмӧм

Лексема *нӧлмӧм* в словосочетании *нӧлмӧм ва* встречается в чураковском, пуксибском, левичанском говорах в речи старшего поколения со значением 'чуть тёплая вода'. *Нӧлмӧм* является причастной формой от глагола *нӧлмыны*, который в качестве отдельной лексической единицы не зафиксирован. Глагол, вероятно, может иметь значение 'нагреться, потеплеть (о жидкостях)'.

Лексема *нӧлмӧм* и его соответствия в близкородственных языках и в южном наречии коми-пермяцкого языка не зафиксированы, поэтому на данный момент изоглоссу *нӧлмыны* можно расценивать как инновационную. Однако в большинстве случаев инновации являются производными от более древних или заимствованных лексических единиц и поэтому возникновение исследуемого слова на «пустом» месте спорно. Более вероятным нам кажется рассматривание лексемы *нӧлмӧм* как архаизма, утраченного другими близкородственными языками.

пӧбӧрӧжска (карта № 16)

Изоглосса *пӧбӧрӧжска* 'место на берегу реки, обычно используемое в качестве покоса' охватывает пуксибский, чураковский, левичанский говоры северного наречия. Данное слово зафиксировано в речи старшего поколения. Носители говоров среднего возраста и молодёжь в значении 'место на берегу реки' употребляют лексику *бӧрӧгдор* (букв. край берега), распространенную на остальной территории.

Слово *пӧбӧрӧжска* является русским заимствованием: ср. *пӧбережье* 'берег реки, как граница каких-либо участков', 'луг, прилегающий к берегу реки' Арх. Белом.; *пӧбережки* 'узкая полоса берега, поросшая травой' Арх.; *пӧберега* 'берег реки' Перм. Киров. Иркут. Якут. (СРНГ 25: 107).

Таким образом, лексема *пӧбӧрӧжска* была заимствована из северных говоров русского языка и является ареальной по происхождению.

Выводы:

Юго-восточный ареал представлен разными по происхождению изоглоссами. Наличие генетических изоглосс (*бырӧд*, ? *нӧлмӧм*) характеризует данный ареал как зону консервации. Одни изоглоссы объединяют

территорию юго-восточного ареала с коми-зырянским языковым пространством (напр., *йӧнӧд* // *йӧндӧд*), другие – с пермским (напр., *бырӧд*). Ареальные изоглоссы (*набэрэжска*, *нумэр*) возникли в результате контактов с носителями севернорусских говоров.

Часть изоглосс, на основе которых выделен данный ареал, являются инновационными (*гышкӧптыны*, ? *выл'лыны*) и характеризуют ареал как зону инноваций.

Результаты подсчета изоглосс юго-восточного ареала приводятся в табл. 3.

Таблица 3

Генетические	2 (1)	28,6 % (14,3 %)
Ареально-генетические	1	14,3 %
Ареальные	2 (3)	28,6 % (42,8 %)
Инновации юго-восточного ареала	2 (3)	28,6 % (42,8 %)
Всего	7	100 %

Западный ареал

Западный ареал расположен в западной части северного наречия. Он занимает территорию кочевского, больше-кочинского, пелымского, юксеевского, чазевского, иванчинского, даниловского, харинского и мысовско-лупьинских говоров. Наиболее населенной является южная часть данного ареала (юго-западная часть северного наречия). В северной части ареала населенные пункты с коми-пермяцким населением расположены на большом расстоянии друг от друга и чередуются с русскими. Потому на территории данного ареала можно выделить юго-западный микроареал.

Рассмотрим некоторые изоглоссы, на основе которых в составе северного наречия выделяется данный ареал.

капус'н'ик (карта № 18)

Изоглосса *капус'н'ик* 'огород' охватывает чазевский, мысовский, лупьинский, пелымский, юксеевский, даниловский, иванчинский, кочевский говоры северного наречия коми-пермяцкого языка. В других говорах северного наречия в данном значении употребляется слово *йӧр* 'тж', в южных – *огород'эч*, *огорэч* (< русск. *огород*).

Лексема *капус'н'ик* 'огород' является заимствованной из русского языка: ср. *капустник* 'капустный огород' (Даль 2: 89). Первоначальным, возможно, было значение 'место, засаженное капустой', в дальнейшем семантика слова расширилась и лексема получила современное значение.

Таким образом, лексема *капус'н'ик* была заимствована в ходе контактов с русским населением, изоглосса носит ареальный характер.

кочӧг

Лексема *кочӧг* ‘колики’ распространена в левичанском, чазевском, пельымском говорах, *кочэз* ‘тж’ – в пятигорском и мысовско-лупыньских. В пятигорском, чазевском и иванчинском говорах зафиксирована также глагольная лексема *кочкӧтны* ‘колоть (в боку)’, в пельымском говоре *кочкалны* ‘тж’. В других северных говорах и южном наречии в значении ‘колоть (в каком-либо органе)’ употребляется слово *бытшикӧ* ‘колет’: *с'ӧлӧмам бытшикӧ* ‘сердце колет’, *кынӧмӧс бытшикӧ* ‘живот колет’ и т.п. Эквиваленты субстантивной лексемы *кочӧг* // *кочэз* отсутствуют. Следует отметить, что в пуксибском и чураковском говорах зафиксировано выражение *кочэз тойны* (букв. колики толочь) как способ народного лечения, однако значение слова *кочэз* носителям данных говоров неизвестно.

Исследуемые слова имеют соответствия в коми-язьвинском наречии: *кочӧг* ‘колики’, *кочӧг бӧчкӧ*, *кочӧгйӧз бӧчкӧнӧс* ‘в боку колет’ (КЯД : 129), в коми-зырянском языке: *кочӧг* вым. печ. скр. уд., *кочег* вв. нв. сс. ‘колики’, *кочкины* вым. лет. нв. скр. сс., *кочкині* вв., *кочкавны* нв. уд., *кочсидзыны* лет., *кочмунны* вым., *кочковтны* уд., ‘колоть (в боку)’, ‘надорваться (в пояснице)’ (ССКЗД: 168).

Авторы «КЭСК» считают, что *кощ'* – обозначало ‘колики, режущая боль, резь’. Под вопросом слово *кочӧг* сопоставлено с удм. *качаны* ‘свежевать и рубить (тушу)’, реконструирован общепермский корень **kõč'* – ‘рубить, резать, колоть’ (КЭСК: 137).

Кочӧг // *кочэз* и глагольные лексемы *кочкӧтны*, *кочкалны* являются, по всей вероятности, исконными, в остальных говорах они, вероятно, также имели место, но впоследствии, видимо, были утрачены.

Анализ изоглоссы *кочӧг* // *кочэз* позволяет считать её генетической по происхождению. Она характеризует данный ареал как архаичный.

шэмэла

Лексема *шэмэла* зафиксирована в составе фразеологизма *шэмэла пэсны* (букв. бить шемелу) ‘бездельничать, баловаться’. В больше-кочинском, иванчинском, пельымском, чазевском говорах *шэмэла пэсны* имеет значение ‘бездельничать’, левичанском, юкеевском, даниловском – ‘баловаться’.

Слово *шемела* в составе фразеологических сочетаний употребляется также в диалектах коми-зырянского языка: *шемела пэсны* скр. сс. уд. (Удор.), *шемела вины* вс., *шемела вийны* л., *тшемела пэсны* сс. (Иб) ‘метаться, биться, колотиться, ударяться обо что-либо, бездельничать, суетиться попусту’ (ССКЗД: 428). Как отдельное слово *шемела* распростра-

нено в удорском диалекте: *шемела* Ваш. Мез. ‘шаловливый’, *шемелаён ворсём* ‘вид катания на льду (детская и молодежная игра)’ (УД: 277).

Лексема *шемела* зафиксирована в русском языке: *шемела*, *шемело* нвг. влгд. тмб. кал. ‘метла, помело’, ‘детская и девичья святочная игра’, ‘бес-толковый человек’ (Даль 4: 647), *шамела* ‘непоседа’ (СРГСУ 7: 42).

Таким образом, *шэмэла* является русским заимствованием, сохранившимся в составе исконных фразеологизмов. Однако семантика, с которой данная лексема была заимствована в коми-пермяцкие говоры, остается неясной.

Данная изоглосса в коми-пермяцких говорах, на наш взгляд, является ареальной.

ыждачны

Лексема *ыждачны* ‘отнекиваться, отказываться, чваниться’ распространена в мысовском, лупьинском, чазевском, пельымском, иванчинском говорах северного наречия. В пуксибском говоре зафиксировано слово *ыждо́чыны* с тем же значением. В других северных говорах коми-пермяцкого языка в данном значении употребляется *шван’иччыны*, заимствованное из русского языка (ср. русск. *чваниться*).

Ыждачны имеет соответствия в коми-зырянском языке: *ыждачны* л. (Об.) скр., *ыждачны* вс. л. печ. сс., *ыждачны* вв. (Крч.) *ыждооны* вым. иж., *ыждооны* вв. (Бог.), *ыждо́тыны* лет., *ыждэ́чыны* иж., *ыджо́тыны* уд. (Гл.), *ыддо́тыны* уд., ‘чваниться, тщеславиться, спесивиться, капризничать, привередничать, причудничать’ (ССКЗД: 443), в коми-язьвинском наречии *өждачнө* ‘капризничать, чваниться’ (КЯД: 159)

Следует отметить, что в «КПРС» зафиксировано эквивалентное по материальной оболочке слово *ыждачны*, однако семантика его иная: 1) ‘хозяйничать, распоряжаться, командовать’; 2) ‘ругать, отругать’ (КПРС: 577). *Ыждачны* в данном значении сопоставим с коми-зырянским *ыджыдачны* нв. скр., *ыджыдалны* печ. сс., *ыджыдалны* вв. (Крч.), *ыджыдооны* вым., *ыджыдооны* вв. (Бог.), *ыждачны* уд. (Гл.), *ыддачны* уд. ‘хозяйничать, властвовать, командовать, распоряжаться’ (ССКЗД: 443).

Авторы «КЭСК» слово *ыждачны* // *ыждачны* ‘капризничать, привередничать, измываться’ считают производным от *ыджыт* (кз. *ыджыд*) ‘большой’ (КЭСК: 328).

Изоглосса *ыждачны* является семантической, связывающей территорию ареала с коми-зырянским языковым пространством. Вполне вероятно, что изоглосса *ыждачны* в прошлом охватывала северное наречие полностью. Отсутствие лексемы в восточной части наречия объясняется инновационной заменой заимствованным словом *шван’иччыны*.

Юго-западный микроареал (чазевский, иванчинский, юкеевский, больше-кочинский, пелымский говоры) выделяется на основе следующих изоглосс: *бэдн'иччыны* 'обижаться, обидеться; приbedняться, притворяться бедным', *вэришиччыны* 'мерещиться, померещиться, чудиться', *пöртмас'ны* 'дурачиться, строить из себя дурака', *джумдор* 'обрыв, крутой берег', *кос'ны* 'снимать (мох)' и др. Проанализируем их более подробно.

***бэдн'иччыны* (карта № 19)**

Лексема *бэдн'иччыны* 1. 'обижаться, обидеться', 2. 'приbedняться, притворяться бедным' зафиксирована в данном ареале. В больше-кочинском говоре она имеет значение – 'приbedняться, притворяться бедным', а в остальных – 'обижаться, обидеться'. В других говорах северного наречия и южных диалектах в данных значениях употребляются *обижайччыны* 'обижаться', *обид'иччыны* 'обидеться', *прибэдн'айччыны* 'приbedняться'.

Бэдн'иччыны имеет соответствия в коми-зырянском языке: *бедняччыны* уд., *бедняйтны* уд, 'жаловаться, плакаться' (ССКЗД: 19).

Лексема *бэдн'иччыны* заимствована из русского языка: ср. *бедниться* 1. 'притворяться бедным, приbedняться, бедниться' Петерб., Смол., Пск., Ленингр., Волог., Tobол. *бедниться* Волог., Арх., Перм. 2. 'жаловаться на кого-либо, обижаться на кого-либо' *бедниться* Арх., Сев.-Двин., Волог., Смол., Пск., Перм., Якут. *бедниться* Арх. Перм. (СРНГ 2: 175). Таким образом, в русском языке имеются оба значения: 'обижаться, обидеться' и 'приbedняться, притворяться бедным'. Вполне возможно, что в больше-кочинском говоре эта лексема заимствована в значении 'притворяться бедным, приbedняться', а в других – 'обижаться на кого-либо, жаловаться на кого-либо'.

Изоглосса *бэдн'иччыны* в коми-пермяцком языке является ареальной по характеру возникновения. Вероятно, она никак не связана с употреблением *бедняччыны* и *бедняйтны* в удорском диалекте коми-зырянского языка. Заимствование русского слова происходило, видимо, отдельно в каждом из этих двух ареалов распространения данных соответствий.

***вэришиччыны* (карта № 20)**

Слово *вэришиччыны* 'мерещиться, померещиться, чудиться' зафиксировано в больше-кочинском, пелымском, юкеевском, чазевском говорах, *вэжиччыны* 'тж' в говоре д. Кукушка. В остальных северных и южных говорах данное значение имеет русское заимствование *прикашайччыны* 'тж'.

Лексема *вэришиччыны* // *вэжиччыны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *вержитчыны* уд., *вержыкайччыны* уд, *виритчыны* лет. 'мерещиться, померещиться, представляться, представиться, видеться, привидеться, чудиться, почудиться' (ССКЗД : 145).

В русском языке зафиксировано слово *верзиться* ‘грезиться, бредиться’ (Даль 1: 181), которое, вероятно, и было заимствовано в упомянутых говорах.

Исследуемая изоглосса является ареальной, возникшей в результате контактов с русским населением. Центр инновации находится на территории северных коми-пермяцких говоров.

пöртмас'ны

В больше-кочинском, чазёвском, пельмском, юксеевском, левичанском говорах северного наречия в речи старшего поколения зафиксировано слово *пöртмас'ны* ‘дурачиться, строить из себя дурака’. В остальных говорах северного наречия в данном значении употребляются слова *д'икöйас'ны* (пятиг. пукс. чур.), *йöйталны* (мыс.-луп. хар. пятиг. иванч.). Следует отметить, что слово *д'икöйас'ны* зафиксировано и в больше-кочинском, чазёвском, пельмском, юксеевском, левичанском говорах и употребляется в речи носителей молодого и среднего поколений.

Соответствия исследуемому слову имеются в коми-зырянском языке: *пöртмасьны* 1. вым. нв. печ. скр. сс., *пöртмесьны* вс., *пöртмасьні* вв., *пöртнасьны* уд. (Гл.) ‘переливаться красками (напр., о лице, о небе)’; 2. скр. сс. ‘быть северному сиянию’; 3. иж. ‘слепить (глаза)’; 4. вым. ‘мозолить глаза, надоедать’ (ССКЗД: 300), в удмуртском языке: *пöртмаськыны* 1. уст. ‘рядиться, скоморошничать’; 2. ‘явиться (о привидениях)’ (УРС: 355). Как видно из приведенных лексем, в семантическом отношении удмуртские примеры ближе, чем коми-зырянские.

Слово *пöртмас'ны* возводится к общеп. * *pōrt-* ‘меняться (в цвете и т.д.)’ (КЭСК: 229). Т. Утила данную лексему приводит в одном гнезде с *пöртны* ‘обратить, обращать, превратить, превращать’, *пöрны* ‘превратиться, превращаться, становиться’ (Uotila 1938: 134).

Таким образом, данная изоглосса является генетической по характеру возникновения, а изосема ‘дурачиться, строить из себя дурака’ – инновацией (меняться > менять себя > строить из себя дурака).

***жугыл'ччыны* (карта № 21)**

Изоглосса *жугыл'ччыны* ‘состояние домашних животных перед отёлом’ охватывает больше-кочинский, пельмский, юксеевский говоры. В остальных говорах северного наречия соответствующие по значению слова не зафиксированы.

Лексема *жугыл'ччыны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: ср. *жугыльтчыны* 1. скр., *жугыльтчині* вв. (Крч.), *жугыльччыны* вым., *жугыльччыны* нв., *жугыльччині* вв. (Бог.) ‘стать грустным, печальным, скорбным, унылым, опечалиться’; 2. *жугыльтчыны* уд. (Ваш.), *жугыльччыны* иж. (Ухт.) ‘стать исхудалым, изнуренным (о скотине, от плохого ухода)’ (ССКЗД: 124).

Возможно, первоначальным значением *жугыл'ччины* в названном ареале было 'стать исхудалым, изнуренным', а затем произошел перенос семантики по сходству состояния, и слово приобрело нынешнее значение.

Лексема *жугыл'ччины* является производной от *жугыл'*, наличие которого в северном наречии на настоящий период не зафиксировано.

Изоглосса *жугыл'ччины* охватывает коми-зырянские говоры и некоторые говоры северного наречия коми-пермяцкого языка. Возможно, изоглосса носит ареально-генетический характер. Изосема 'состояние домашних животных перед отёлом' распространена только в юго-западных говорах коми-пермяцкого языка, поэтому расцениваем её как инновационную.

джумдор

Изоглосса *джумдор* 'обрыв, крутой берег' охватывает иванчинский, чазевский, пелымский, юксеевский говоры северного наречия коми-пермяцкого языка. Слово *джум* 'яма, глубокое место в реке' зафиксировано в пуксибском говоре.

Джумдор имеет соответствия в коми-зырянском языке: *джунт* нв. печ. скр. *джумт* вв. (Бог.) нв., *джум* иж. уд., *друг джунт* скр., *друг джум* вв. (Дер. Крч.) вс., *дзум* сс., *друг дзум* сс., *жум* л. (Об.), *джумгӧр* вым. 'крутой обрыв на дне реки' (ССКЗД: 101).

Авторы «КЭСК» считают, что корень слова *жит-* // *жип-*, междиалектное чередование *м* // *н* указывает на то, что здесь раньше был **η*; -*t* и -*d*, стоящие после корня, являются словообразовательными суффиксами. – Общек. **жиη*, доперм. **эжηз* (КЭСК: 89).

Слово *джумдор* сложное: *джум* 'глубокий' (ср. эрз. *išiv* 'ров, канава', ф. *syvǎ* (< **iivǎ*) 'глубокий' (КЭСК: 89) + *дор* 'край'.

Изоглосса *джумдор* является инновационной, возникшей на основе генетической изосемы *джум*, которая на настоящий период большинством коми-пермяцких говоров уже утрачена.

кос'ны (карта № 22)

Лексема *кос'ны*: *кос'ны н'итиш* 'снимать мох' зафиксирована в пелымском, даниловском, юксеевском, чазёвском говорах. В других говорах северного наречия употребляется *кул'ны н'итиш* (букв. обдирать, снимать мох), *н'этишкыны*, *л'этниш нитиш* (букв. рвать мох).

Слово *кос'ны* имеет соответствия в диалектах коми-зырянского языка: *косьны* вс. лл. уд. 'драть, сдирать, лупить (напр., кору, лыко)'; *эжа косьны* уд. 'снимать дерн' (ССКЗД: 179), в удмуртском языке: *кесьыны* 'рвать, вырывать'; 'ободрать, драть (напр. лыко)' (УРС: 195).

Кос'ны авторы «КЭСК» рассматривают в одном ряду со словами *кось* 'бой, сражение' и *косявны* 'разорвать, порвать', 'разобрать, разломать',

возводя данные слова к общеп. **kõs'* – ‘драть, рвать’ и доперм. **kõs'z* ‘бить, рвать, драть’ (КЭСК: 135). К. Редеев происхождения исследуемого слова относит к финно-угорскому периоду (UEW: 162).

Таким образом, изоглосса является генетической по происхождению. В настоящее время она охватывает часть северных говоров коми-пермяцкого языка и некоторые диалекты коми-зырянского языка, в остальных говорах данная лексема, видимо, уже утрачена.

Выводы:

По характеру возникновения выделяются изоглоссы, 1) имеющие генетический характер (*кочӧг* // *кочӧг*, *коч'ны*, *пӧртмас'ны* и др.); 2) имеющие ареальный характер: (напр., *капус'н'ик*, *бэ́дн'иччыны*, *шэмэла*); 3) ареально-генетические (напр., *ыжда́лы*, *жугы́л'ччыны*). Ареальные изоглоссы получили распространение в результате контактов с русским населением. Наличие генетических изоглосс характеризует ареал как архаичную зону. Отсутствие их в восточной части северного наречия объясняется утратой (напр., *кочӧг*) или заменой другими лексемами (ср. зап. *пӧртмас'ны* – вост. *д'икӧйас'ны* < *д'икӧй* < русск. яз.).

Инновационные изоглоссы возникают в результате словосложения (*джумдор* < *джум* и *дор*) и характеризуют западный ареал как зону инноваций.

Результаты статистического подсчёта изоглосс, образующих западный ареал, приведены в табл. 4.

Таблица 4

Генетические	3	30 %
Ареально-генетические	2	20 %
Ареальные	4	40 %
Инновации западного ареала	1	10 %
Всего	10	100 %

Северный ареал

Северный ареал занимает северную часть исследуемого наречия. Изоглоссы, образующие данный ареал, охватывают мысовский, лупынский, пятигорский, харинский, даниловский, иванчинский говоры. На данной территории коми-пермяцкие населенные пункты отделены друг от друга русским населением. Поэтому связь между ними не постоянна. Следствием этого является относительно небольшое количество общих лексем и выделение более мелких микроареалов.

вил'дас (карта № 23)

Лексема *вил'дас* в мысовско-лупьинских, харинском, пятигорском, иванчинском, левичанском говорах имеет значение 'обновленный квас', в то время как в остальных говорах северного наречия и южных диалектах обозначает пресную брагу, употребляющуюся для подновления кваса.

Слово *вил'дас* 'пресная брага, употребляющаяся для подновления кваса' образовано с помощью суффикса *-ас* со значением 'материал, нужный для действия' от глагола *вил'дыны* 'обновить, подновить' (ср. *малтны* 'смазать' – *малтас* 'вещество для смазки', *вэрдны* 'кормить' – *вэрдас* 'корм').

Глагол *вил'дыны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *выльдыны* вс. л. (Об.) скр. сс., *выльдіні* вв. (Крч.), *выльдыны* вым. лл. уд., *выльдні* вв. (Бог.) 'подновить (преимущественно пиво)' (ССКЗД: 73), в удмуртском языке: *выльдыны* 'обновить, обновлять, преобразовать, преобразовывать, реконструировать' (УРС: 102). Однако эквиваленты лексеме *вил'дас* в родственных языках не обнаружены, вследствие чего и относим ее к общекоми-пермяцкому пласту.

В упомянутых говорах произошел перенос значения по смежности: 'раствор для обновления кваса' > 'обновленный квас'.

Изоглосса *вил'дас*, вероятно, является коми-пермяцкой инновацией. Изосема 'пресная брага для подновления' – инновационная по происхождению, возникшая на базе генетической изоглоссы 'раствор для обновления кваса'.

йой, йоймыны, йойталны (карта № 24)

Лексема *йой* 'глупец, дурак: глупый, бестолковый, дикий, дурной' употребляется в мысовско-лупьинских, харинском, пятигорском, иванчинском, даниловском говорах. В остальных северных говорах распространена лексема *д'икой* 'тж', в южном наречии *бобб'ов* 'тж'.

Слова *йой* и *д'икой* встречаются также в коми-зырянском языке: *йой* вв. вс. вым. нв. печ. скр. сс. уд., *дик* вс. иж. нв. печ. уд., *дикой* лл. нв., *дикей* вым. 'глупый, дурак, сумасшедший, идиот, сумасбродный, безрассудный, безумный, одурелый' (ССКЗД: 142).

В «КЭСК» лексема *йой* под вопросом сопоставлена с мар. *йой* 'хитрый, лукавый' (КЭСК: 113).

В упомянутых говорах зафиксированы производные от *йой* слова: *йойалны* 'баловаться' (мыс.-луп. хар. пятиг. иванч.), *йоймыны* 'глупеть, дичать, одичать (о человеке), сходить с ума' (мыс.-луп. хар. пятиг. иванч.), *йойталны* 'баловаться, дурачиться' (мыс.-луп. хар. пятиг. иванч. говор д. Пеклаыб), также имеющие соответствия в коми-зырянском языке (ССКЗД: 142).

Изосема *йой* охватывает выделенный ареал и коми-зырянские диалекты, что позволяет расценивать её как ареально-генетическую. Однако, наличие соответствующей лексемы в марийском языке даёт возможность говорить о генетическом (если предположить, что в других языках исконное слово вытеснено) или ареальном (имеются сведения о контактах коми и марийского народов) характере происхождения данной изоглоссы.

дзойна // жойна (карта № 25)

Лексема *дзойна* ‘синица’ употребляется в гайнском, пятигорском, иванчинском, левичанском говорах. В гайнском и иванчинском зафиксирован также вариант *жойна* ‘тж’. В остальных северных говорах и в южном наречии в данном значении распространено слово *нистӧг* ‘синица’.

Дзойна // жойна имеют соответствия в коми-зырянском языке: *дзойна* л. (Бор.) печ., *жойна* уд. ‘снегирь’ (ССКЗД: 124), *дзойна, дзольна* ‘снегирь’ (ССД: 95). При материальной общности слова в коми-пермяцком и коми-зырянском языках (*дзойна // жойна*) наблюдается разница в семантике (кп. ‘синица’, кз. ‘снегирь’).

К. Редеев кз. *дзойна* возводит к финно-перм. **č̣j̯íz* ‘синица’, конечное *-a* считает деминутивным суффиксом, *-йн < *n* (UEW: 614). Таким образом, возможно, *жон’* ‘снегирь’ и *дзойна // жойна* ‘синица’ восходят к одному корню.

Данную этимологию К. Редеев считает сомнительной, так как, с одной стороны, сопоставляемые слова независимы друг от друга. Но, с другой стороны, в коми-зырянском языке имеются варианты *жонь* (сысольск.) и *жойна* (удорск.) ‘снегирь’ (UEW: 614).

Таким образом, изоглосса *дзойна // жойна // дзол’на* охватывает исследуемый ареал и некоторые диалекты (л., печ., уд., сс.) коми-зырянского языка. Однако, как уже указывалось выше, значение данных слов в коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах отличается. Но если предположить, что *жон’* и *дзойна // жойна* действительно имеют один исходный корень, то изоглоссу можно считать генетической. Изосема ‘синица’, вероятно, инновационная по происхождению.

лыва (карта № 26)

Изоглосса *лыва* ‘лу́жа’ охватывает харинский и даниловский говоры северного наречия. В других говорах коми-пермяцкого языка с семантикой ‘лу́жа’ употребляется слово *гӧп, вагӧп* ‘тж’. Лексема *лыва* имеется в русском языке: ср. *лыва* сев. ‘лу́жа, мочежина, полый от дождя, разлива, родников’ (Даль 2: 275); *лыва, лива* ‘зыбкое топкое место в болоте, лужа после дождя’ (Фасмер 2: 539). Таким образом, слово *лыва* ‘лу́жа’, вероятно, было заимствовано из северных говоров русского языка, куда оно могло проникнуть из финского или карельского: ср. ф. *liiva* ‘ил’, ‘тина’ (Фасмер 2: 539). В этом случае изоглосса имеет ареальный характер происхождения.

Лексема *лыва* зафиксирована также в пятигорском говоре исследуемого наречия в составе фразеологизма: *лывавыс абу* ‘тупой, неумный’ (букв. нет чего-то (того, что названо *лыва*). Это слово не связано семантически с лексемой *лыва* ‘лужа’, поэтому в данном случае речь идет о диалектных различиях, выделяемых на базе материальной общности слова при разнице в значениях. Лексемы *лыва* ‘лужа’ и *лыва* в составе фразеологизма имеют полные семантические различия.

Лексема *лыва* во втором случае является, по всей вероятности, сложным образованием: *лы* ‘кость; костный’ и *ва* ‘вода’. Возможно, слово *лыва* имело значение ‘костный мозг’ (< ‘костная жидкость’). Отсутствие эквивалентов *лыва* позволяет расценивать изоглоссу как инновационную.

н'ашин'итны (карта № 26)

Изоглосса *н'ашин'итны* ‘вырвать со злостью’ охватывает мысовско-лупыньинские и харинский говоры северного наречия. В других говорах коми-пермяцкого языка в значении ‘вырвать’ зафиксировано нейтр. *н'этишкӧлтны* (сев.), *н'этишкӧвтны* (южн.). Соответствия *н'ашин'итны* ‘вырвать со злостью’ не зафиксированы в коми-язвинском наречии, в удмуртском и коми-зырянском языках.

Слово *н'ашин'итны* образовано с помощью суффикса *-н'ит-*, обозначающего мгновенное действие, и является, вероятно ономастопозитической единицей. Отсутствие эквивалентов данной лексемы позволяет расценивать изоглоссу как инновационную.

Выводы:

Данный ареал выделяется как на лексическом, так и на семантическом уровнях. Лексическими изоглоссами являются, например, следующие: *йӧй* ‘глупый, глупец’, *йӧймыны* ‘глупеть, дичать, сходить с ума’, *дзойна* ‘синица’, *лыва* ‘лужа’, семантическими: *вил'дас* ‘пресная брага, употребляющаяся для подновления’.

В составе изоглосс, на основе которых вычленяется северный ареал, имеются изоглоссы, объединяющие данную территорию 1) с коми-зырянским языком (*йӧй*), 2) с русскими говорами (*лыва*), а также собственные, т.е. образованные на территории исследуемого ареала (семантическая изоглосса *вил'дас*, *н'ашин'итны*).

С точки зрения происхождения исследованные изоглоссы характеризуются как 1) генетические (? *йӧй*, ? *дзойна*), т.е. восходящие к общекоми и более древним пластам; 2) ареальные (*лыва*), т.е. возникшие в результате контактов.

Северный ареал, с одной стороны, является зоной консервации, о чём говорит наличие генетических изоглосс, восходящих к древним пластам.

С другой стороны, распространение инноваций (*вил'дас*, *н'ашин'итны*) характеризует ареал как инновационную зону.

В табл. 5 приведены результаты статистического подсчета изоглосс, на основе которых выделен северный ареал.

Таблица 5

Генетические	2 (3)	33,3 % (50 %)
Ареально-генетические	1 (-)	16,66 % (-)
Ареальные	1	16,66 %
Инновации северного ареала	2	33,3 %
Всего	6	100%

Мысовско-лупьинский ареал

В составе северного наречия коми-пермяцкого языка наиболее четко выделяется мысовско-лупьинский ареал. Он представлен большим количеством лексических единиц, употребляющихся в мысовско-лупьинских говорах и отсутствующих в остальных северных говорах и южном наречии.

Мысовско-лупьинский ареал занимает территорию мысовско-лупьинского диалекта, то есть д. Мысы, п. Жемчужный, д. Сойга, д. Конопля. К данным населенным пунктам можно добавить п. Кебраты, п. В-Будым и п. Гайны, являющиеся преимущественно русскоязычными, на том основании, что туда переселилась часть населения верх-лупьинских и мысовских деревень (дд. Верх-Лупья, Тошыб, Пурга, Коса-Сотчём, Ягдын, Шордын). Выделенный ареал «оторван» от коми-пермяцких населенных пунктов, находится от них на большом расстоянии в северной части северного наречия и граничит с верхневычегодским диалектом коми-зырянского языка.

На территории исследуемого ареала самые ранние археологические памятники (городище, могильники, селище) относятся к родановской культуре X–XIII вв. «Очевидно, верховья р. Лупьи начали заселяться предками коми-пермяков с X века, а в XII–XIII веках здесь уже появляются, как и в других районах распространения родановской культуры, небольшие сильно укрепленные городища» (Оборин 1958: 13). Первые упоминания о данной территории относятся к 1579 г. (Кривошеков 1914: 549). И.Я. Кривошеков указывал на особенности, отличающие население данной территории от остальных коми-пермяков и отмечал, что «в местной литературе и в общерусской принято лупьинцев считать зырянами» (Кривошеков 1914: 550). Однако он не был согласен с этим мнением, обосновывая свою точку зрения историческим прошлым и тем, что «сами жители Лупьи считают

себя пермяками, хотя иногда и женятся на зырянках из Вологодской губернии» (Кривошеков 1914: 550).

На особенности языка верх-лупинцев и мысовцев указано в исследованиях Н.И. Шишкина (Шишкин 1948: 166), В.И. Лыткина (Лыткин 1955: 25–26), Р.М. Баталовой (Баталова 1975: 216–220), Л.Г. Пономаревой (Пономарева 2000а, 2000б, 2002а, 2002б), а также в работе Т.Г. Голевой, И.А. Подюкова, Л.Г. Пономаревой, А.В. Черных «Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник», опубликованной в 2011 г.

Мысовско-лупинский ареал выделяется на основе следующих лексем: *айкаа* ‘замужняя’, *айкатӧм* ‘незамужняя, не имеющая мужа’, *аски* ‘завтра’, *ат'т'ыны* ‘молиться’, *видлыны* ‘попробовать’, *вирсн'итны* ‘улизнуть’, *вис* ‘проток, протока’, *чӧж* ‘во время, в течение’, *вугыр гаг* ‘дождевой червь’, *гӧгӧрвоны* ‘понять, сообразить’, *гач* ‘штаны’, *гудӧк* ‘гармонь’, *д'эрт* ‘конечно’, *кӧй* ‘уж, гадюка’, *кӧсйыны* ‘хотеть’, *кодыр* ‘когда’, *кос'* ‘сражение, бой’, ‘драка’, *кыз'* ‘двадцать’, *кырсалны* ‘гулять, развратничать’, *лаз* ‘охотничья накидка’, *лыд'д'ыны* ‘читать’, *лышкыта* ‘неплотно’, *матшалны* ‘отсидеть (ногу)’, *мачас'ны* ‘играть в мяч’, *н'ин* ‘уже’, *пач* ‘печь’, *пл'эш* ‘лоб’, *рушку* ‘живот, брюхо’, *рушкуа* ‘с брюхом’, ‘беременная’, *сӧмын* ‘только’, *с'о* ‘сто’, *скӧр* ‘злой, сердитый’, *став* ‘вся, всё, весь’, *с'урс* ‘тысяча’, *с'ус'* ‘умный, толковый’, ‘шустрый’, *уд'итны* ‘успеть’, *чуш* ‘губа’, *шэ́рба* ‘уха’, *вэ́тымын* ‘пятьдесят’, *эс'кӧ* ‘частица *то*', *комын* ‘тридцать’, *кон'ӧр* ‘бедный’, *комидз*: *лук комидз* ‘перо лука’, *бэрин* ‘веснушка’, *бэринӧс'* ‘веснушчатый’, *йурвэжӧр* ‘память, ум’, *йандзим* ‘половые органы’, *кул'бук* ‘валуй’, *понтшак* ‘поганка’, *удтыс'ны* ‘нажаловаться’, *гашкӧ* ‘может быть’, *с'ӧм* ‘деньги’, *шан'* ‘хороший’, *йандис'ны* ‘стыдиться’ и т.д.

айкаа, айкатӧм

Лексемы *айкаа* ‘замужняя’, *айкатӧм* ‘незамужняя, не имеющая мужа’ на территории северного наречия зафиксированы в мысовском и лупинском говорах: *айкатӧм мэ сэк эшӧ вӧли* ‘незамужняя я тогда была ещё’; *Марйаыс айкаа вӧли н'ин, гашкӧ* ‘Мария замужняя была уже, может быть’. В остальных говорах северного наречия коми-пермяцкого языка соответствующие им слова отсутствуют, а значение передается словосочетанием *жӧн'ик сайын, айка сайын* ‘замужем’, *абу жӧн'ик сайын, абу айка сайын* ‘незамужем’.

Лексема *айкаа* ‘замужняя’ образована от слова общекоми происхождения *айка* ‘муж’ (ср. кз. *айка* ‘свекор’ вв. вым. лл. нв. печ. скр. сс; ‘самец’ печ.; ‘тесть’ вым. иж. (ССКЗД: 10), кя. *айка* ‘муж’ (КЯД: 84) с помощью суффикса *-а* со значением наличия чего-либо, а слово *айкатӧм* ‘незамужняя, не имеющая мужа’ с помощью суффикса *-тӧм*, имеющего значение ‘отсутствие чего-либо’.

Изоглоссы *айкаа*, *айкатом* охватывают только мысовско-лупьинские говоры, поэтому на настоящий период их можно считать инновационными.

аски (карта № 27)

Лексическая единица *аски* ‘завтра’ употребляется в мысовско-лупьинских говорах: *аски воллõ эиõ* ‘завтра приходите ещё’. В остальных говорах северного наречия и южных диалектах в данном значении употребляется слово *ашиын* ‘тж’. Лексема *аски* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *аски* вв. лл. печ. скр. сс., *аскы* вс., *аскыы* вв. (ССКЗД: 13) и удмуртском языке: *аску*, *аскы* диал. ‘завтра, завтрашний’ (УРС: 34).

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» данное слово сопоставляется со словами *асыв* ‘утро’, *асья* ‘утренний’ и возводится к этимологическому корню **as-*, *-k-* считается остатком финно-угорского *k*-ового латива. Общепермская форма восстанавливается в виде **aski* ‘на-утро’ (КЭСК: 34).

Изоглосса *аски* охватывает мысовско-лупьинские говоры и коми-зырянский язык. Несмотря на то, что исследуемое слово восходит к общепермскому периоду и, следовательно, изоглосса могла бы считаться генетической, мы все же склоняемся к тому, что на территорию мысовского и лупьинского говоров данное слово проникло из соседнего верхневычегодского диалекта и, таким образом, изоглосса является ареальной.

ат'т'ыны (карта № 28)

Слово *ат'т'ыны* ‘молиться’ на территории северного наречия зафиксировано в мысовско-лупьинских говорах. В остальных говорах с данной семантикой употребляется лексема *йурбитны* ‘тж’. Исследуемое слово встречается также в некоторых говорах нижнеиньвенского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка.

В коми-зырянских диалектах в данном значении зафиксированы *юрбитны* печ. скр. сс., *юрбитни* вв., *юрбытны* лет. нв., *юбыртны* вым. иж. ‘молиться, поклоняться, кланяться’ (ССКЗД: 452), в удмуртском языке *сюлворыса курыны*, *йыбыртъяны*, *сюлворыны*, *тэльмырыны* южн. ‘молить (кого о чем)’, *вõсяськыны* ‘молиться’ (РУС: 457). Как видно из примеров, эквивалентные лексемы в близкородственных языках, отсутствуют. Однако в коми-зырянском языке имеются слова *аттьõ* ‘спасибо’ (КРС: 35), *аттьдавны* ‘поблагодарить’ (КРС: 35), *аттьыны* уд. ‘кланяться, поклониться’ (ССКЗД: 15), *аттявны* уд. ‘кланяться, благодарить’ (КСК: 43), *атьны* сс. ‘благодарить, поклониться с благодарностью’ (КСК: 44), *атя* сс. дет. ‘боженька’ (КСК: 44), сходные с лексемой *ат'т'ыны* ‘молиться’. Данные слова, на наш взгляд, имеют общий корень и близки семантически. Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» считают, что

аттьӧ и *аттьӧавны*, входящие в культурную лексику, пришли из диалектов, куда, возможно, были заимствованы из русского языка (КЭСК: 391).

Таким образом, изоглосса *ат'т'ыны*, возможно, проникла из коми-зырянских диалектов и является ареальной, но в значении 'молиться' охватывает мысовско-лупьинские говоры северного и некоторые нижеиньвенские говоры южного наречия. В связи с отсутствием значения 'молиться' в коми-зырянском языке, мы считаем семантическую изоглоссу инновационной.

видлыны (карта № 29)

Лексема *видлыны* встречается в мысовско-лупьинских говорах со значением 'попробовать, попытаться'. В других говорах коми-пермяцкого языка в данном значении употребляются слова *пондылны* // *пондывны* 'попробовать, попытаться' и заимствование *попробуйтны* 'попробовать, попробовать'. Лексема *видлыны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *видлыны* вс. лл. нв. печ. скр. сс., *видліні* вв., *видлывны* уд., *визьлыны* вым. иж. 'пробовать, попробовать; отведавать; вкушать, вкусить; навестить, посетить, провести' (ССКЗД: 49). В «КЭСК» отмечено: «Может быть, *видлыны* < **визьлыны* < **видзлыны*, дз (зь) перешло в д под ассимилятивным влиянием л, ср. *визьлыны* вым. иж. 'пробовать'; тогда данное слово одного корня с *видзны*» (КЭСК: 56).

Таким образом, исследуемое слово и его варианты широко распространены в коми-зырянском языке, где, вероятно, и находится центр инновации. Мысовско-лупьинские говоры находятся на периферии ареала распространения данной лексемы. Наличие исследуемого слова в коми-зырянском языке и его отсутствие в других коми-пермяцких говорах позволяет расценивать изоглоссу *видлыны* как ареальную по происхождению, проникшую в мысовский и лупьинский говоры из коми-зырянского языка.

вис

Слово *вис* 'проток, протока' в коми-пермяцком языке употребляется в мысовско-лупьинских говорах. В качестве топонима оно зафиксировано также в пуксибском говоре: *Вэжа вис*. Следует отметить, что данное слово имеется в «КПРС»: *вис* (*виск* =) 'проток, протока'; *нюр вис* 'протока на болоте' (КПРС: 75) и приводится без указания на локальное употребление. Вероятно, лексема *вис* на территории Коми-Пермяцкого округа имела более широкий ареал распространения.

Исследуемая лексема имеет соответствия в коми-зырянском языке: *вис* вв. вым. иж. нв. печ. скр. сс. уд. 'исток на озере, проток, соединяющий озеро с рекой' (ССКЗД: 52), а также в удмуртском: *вис* 1. 'промежуток, интервал', 2. с.-х. 'междурядье', 3. 'щель, трещина', 4. 'перерыв, антракт,

пауза, передышка' (УРС: 83). Авторы «КЭСК» считают, что в удмуртском языке третье значение 'щель, трещина' может быть отдельным словом и тогда вполне соответствует коми *вис*. Таким образом, реконструируется общепермский корень * *visk-* 'узкий канал, щель' (КЭСК: 58).

Изоглосса *вис*, вероятно, является генетической. Сохранению данного слова в активном словарном составе носителей мысовско-лупьинских говоров способствовали, вероятно, постоянные контакты с коми-зырянским населением.

чӧж

Слово *чӧж* 'во время чего-либо', 'в течение' употребляется в мысовско-лупьинском диалекте: *война чӧж* 'во время войны', *н'эд'эл' чӧж* 'в течение недели'. В других говорах северного наречия и южных диалектах в данном значении употребляются лексемы *коста*: *война кост* 'во время войны'; *быдса*: *быдса лун* 'в течение целого дня', *быдса гӧд* 'в течение года'.

Соответствия *чӧж* имеются в коми-зырянском языке: *чӧж* вв. вс. вым. иж. л. нв. печ. скр. сс., *тишӧж* иж. л. уд. 'в течение, в продолжение' (ССКЗД: 416) и удмуртском: *чоже* послелог 'за, в течение, в продолжение' (УРС: 486). В «Кратком этимологическом словаре коми языка» восстановлена общепермская праформа: **č̌ōž* 'в течение (какого-либо времени)' (КЭСК: 310). В «UEW» данное слово относят к финно-пермскому периоду: **čäcke* (*čečke*) 'некоторое время: определенное время' (UEW: 620).

Таким образом, изоглосса *чӧж* является генетической по происхождению. В других говорах коми-пермяцкого языка на настоящий период она, видимо, уже утрачена. Сохранению исследуемого слова в мысовско-лупьинских говорах способствовало, вероятно, соседство с коми-зырянским населением.

вугыр гаг (карта № 33)

Лексема *вугыр гаг* 'дождевой червь' зафиксирована в речи носителей мысовского и верх-лупьинского говоров: *вугыр гагйӧз колӧ эс'кӧ* 'дождевых червей надо бы'. В остальных говорах северного наречия коми-пермяцкого языка, как и в южных диалектах, употребляется слово *н'идзыл* 'тж' (южн. *н'идзыв* 'тж'). В некоторых говорах кудымкарско-иньвенского диалекта встречается лексема *чэри гаг* 'дождевой червь'.

Наименование *вугыр гаг* образовано из двух слов: *вугыр* 'удочка' и *гаг* 'червяк'. В основу номинации положен способ использования обозначаемого — 'червяк, которого насаживают на удочку'.

Данное слово не имеет соответствий в других родственных языках, поэтому его можно считать собственно мысовско-лупьинским образованием, а изоглоссу — инновационной.

гӧгӧрвоны

В коми-пермяцком языке слово *гӧгӧрвоны* ‘понять, понимать: сообразить, соображать’ имеет мысовско-лупьинский ареал распространения. В остальных говорах северного и южного наречий в данном значении употребляется слово *вжӧртны* ‘тж’.

Данная лексема имеет соответствия в коми-зырянском языке: *гӧгӧрвоны* вс. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд., *гӧгервоны* иж., *гӧгерво́ни* вв. ‘понимать, понять; догадаться, сообразить’ (ССКЗД: 86). В «Кратком этимологическом словаре коми языка» отмечено, что данное слово состоит из *гӧгӧр* ‘кругом’ и *воны* ‘прийти, дойти’: первоначально обозначало ‘кругом (всесторонне) дойти (до сознания говорящего)’, то есть ‘все воспринять, все взять’ (КЭСК: 79–80).

Таким образом, изоглосса *гӧгӧрвоны* охватывает мысовско-лупьинские говоры коми-пермяцкого языка и коми-зырянский язык. Центр инновации находится на территории распространения коми-зырянского языка. В указанные говоры северного наречия данное слово могло проникнуть из территориально граничащего с ними верхневычегодского диалекта коми-зырянского языка, поэтому изоглоссу можно считать ареальной.

гач (карта № 30)

Лексема *гач* ‘штаны, брюки’ распространена в мысовско-лупьинских говорах. В других говорах северного наречия и южных диалектах употребляется слово *вжӧйан* ‘тж’. В коми-зырянском языке исследуемая единица (*гач*) распространена повсеместно (ССКЗД: 77).

Слово *гач* является заимствованием из русского языка: русск. *гачи* ‘штаны’ (Даль 1: 346). Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» отмечают, что данное слово «вытеснило старое слово *вешьян*. Это обстоятельство указывает на то, что рассматриваемое слово является весьма древним русским заимствованием» (КЭСК: 75).

Повсеместное распространение исследуемого слова в коми-зырянских диалектах и узколокальное в коми-пермяцком языке говорит, вероятно, о заимствовании русской лексемы коми-зырянским языком и дальнейшем проникновении её в мысовско-лупьинские говоры. В связи с этим мы считаем изоглоссу *гач* ареальной.

гудӧк, гудӧкас'ны

Слово *гудӧк* ‘гармонь, гармошка’ и производное от него *гудӧкас'ны* ‘играть на гармошке’ в коми-пермяцком языке имеют мысовско-лупьинский ареал распространения. В других говорах употребляется слово *гармошка* // *гармушка* ‘гармошка’: *гармушка вылын орсӧ, а мӧ с'ыла* ‘на гармошке играет, а я пою’, *орсны гармошкаӧн* или *орсны гармошка вылын* ‘играть на гармошке’.

Лексемы *гудёк* ‘гармошка’ и *гудёкас’ны* ‘играть на гармошке’ имеют соответствия в диалектах коми-зырянского языка: *гудёк* вым. скр. уд., *гудэк* вв. иж., *гудёг* печ. сс., *гудэг* иж., *гудок* вс. (ССКЗД: 91); *гудёкасьны* вым. скр. сс. уд., *гудэкасьны* иж., *гудэкасьні* вв., *гудёгасьны* печ. сс., *гудэгасьны* иж., *гудокесьны* вс. (ССКЗД: 91).

Слово *гудёк* первоначально, вероятно, обозначало струнный музыкальный инструмент, о чем свидетельствует лексема *с’игудёк* ‘старинный смычковый инструмент’ (букв. *си* ‘конский волос’ + *гудок*). Лексическая единица *гудёк* является русским заимствованием, ср. *гудок* ‘род скрипки без выемок по бокам, с плоским дном и крышкой, о трех струнах’ (Даль 1: 405). Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» считают, что переосмысление ‘струнный музыкальный инструмент’ > ‘гармонь’ произошло в связи с вытеснением гармонью инструмента сигудёк (КЭСК: 81).

Изоглоссы *гудёк* и *гудёкас’ны* охватывают мысовско-лупьинские говоры коми-пермяцкого языка и коми-зырянский язык. Отсутствие соответствующих лексем в остальных говорах коми-пермяцкого языка позволяет предполагать, что данная изоглосса является ареальной, проникшей из коми-зырянских говоров.

д’эрт

Лексическая единица *д’эрт* ‘конечно’ на территории северного наречия встречается только в мысовско-лупьинских говорах: *д’эрт локтас талун, аски уджалё да* ‘конечно придет сегодня, завтра работает да’. В коми-пермяцком языке, за исключением данных говоров, распространена лексема *кон’эишнё* ‘конечно’: *мэ, кон’эишнё, ог тёд* ‘я, конечно, не знаю’.

Слово *д’эрт* имеет соответствия в коми-зырянских диалектах: *дерт* вв. вс. л. нв. печ. скр. сс. уд., *дертысь* печ., *герт* вым. л. ‘конечно, несомненно’ (ССКЗД: 99). Лексема *д’эрт* является древним русским заимствованием (КЭСК: 86).

Изоглосса *д’эрт* охватывает мысовско-лупьинские говоры и коми-зырянский язык. Данное слово, видимо, было заимствовано коми-зырянским языком, откуда и проникло в указанные говоры северного наречия коми-пермяцкого языка, поэтому исследуемая изоглосса считается ареальной.

кём

Слово *кём* ‘специальная обувь для ходьбы на лыжах’ распространено в речи носителей мысовско-лупьинских говоров. В настоящее время происходит процесс перехода его в разряд историзмов, так как в магазинах продаются специальные лыжные крепления. Данное слово, вероятно, является этнографизмом и не имеет соответствий в остальных говорах коми-пермяцкого языка.

В коми-зырянском языке лексема *кӧм* встречается в верхневычегодском, вымском и печорском диалектах: *кӧм* 'род охотничьей обуви для ходьбы на лыжах (грубые башмаки, сшитые из одного куска сыромятной кожи, с цельной толстой подошвой и загнутыми кверху носками)' (ССКЗД: 171). Данное значение слова *кӧм* связано со значением 'обувь вообще', которое сохранилось в диалектах коми-зырянского языка: *кӧм* вв. нв. печ. скр. сс. 'обувь вообще', и со значением коми-язьвинского слова 'старинные коты (вид кожаной обуви), сделанные из одного куска кожи' (КЯД: 129). В коми-пермяцком языке имеется производное от *кӧм* 'обувь' слово *кӧмас'ны* 'обуться', а значение 'обувь' передается словом *кӧмкӧт*. В «Кратком этимологическом словаре коми языка» указана общекоми форма **kõt* «обувь» и допермская **kӧ̌te-* «обувь» (КЭСК: 140–141). К. Редеев относит происхождение этого слова к финно-пермскому периоду: **kāmä* 'башмак, сапог' (UEW: 650).

Изоглосса *кӧм* 'обувь' является генетической, а изосему 'обувь для ходьбы на лыжах' можно считать ареальной по происхождению, заимствованной из соседних верхневычегодских говоров.

кӧсьйыны

Слово *кӧсьйыны* 'хотеть' употребляется в мысовском говоре, а также в речи бывших жителей д. Верх-Лупья. В остальных говорах северного и южного наречия значение 'хотеть' передается лексемой *мӧдны*: *мӧда ветлыны* 'хочу сходить' или с помощью частицы *бы*: *с'ойа бы* 'хочу кушать'. В коми-пермяцком литературном языке слово *кӧсьйыны* имеет значение 'обещать, пообещать; сулить посулить' (КПРС: 194), что присуще также и мысовско-лупьинскому слову *кӧсьйыны*. Таким образом, исследуемая лексическая единица в мысовско-лупьинских говорах имеет два значения: 1. 'обещать, пообещать; сулить, посулить'; 2. 'хотеть, желать'. Данное слово употребляется и в коми-зырянском языке, где также имеет два значения: *кӧсьйыны* 1. вс. вым. иж. лл. печ. скр. сс., *кӧсьйыны* нв., *кӧсьйини* вв. 'обещать, сулить', 2. вс. лл. печ. скр. сс., *кӧсьйыны* нв., *кӧсьйини* вв. 'желать, намереваться, хотеть' (ССКЗД: 173).

В «КЭСК» приводится общепермский корень **kes-* (КЭСК: 143). К. Редеев относит происхождение этого слова к финно-пермскому периоду и реконструирует праформу **käske-* 'приказывать, повелевать' (UEW: 653).

Изолекса *кӧсьйыны* охватывает коми языки полностью и является генетической по характеру возникновения, а семантическая изоглосса 'хотеть' распространена только в мысовско-лупьинских говорах коми-пермяцкого языка и коми-зырянском языке. В связи с этим изосема 'хотеть' может считаться ареальной по происхождению.

кодыр (карта № 32)

Лексическая единица *кодыр* ‘когда’ на территории северного наречия имеет мысовско-лупьинский ареал распространения. Данное слово также встречается в нижеиньвенском (с. Тимино) и оньковском диалектах южного наречия коми-пермяцкого языка. В остальных говорах употребляется слово *кор* // *кӧр* ‘когда’. Следует отметить, что лексема *кор* также распространена в мысовско-лупьинских говорах и является полным синонимом *кодыр* ‘когда’: *Кодыр нӧ локтин?* ‘Когда приехала?’, *Тӧдны эс’кӧ, кор сийа мунӧ* ‘Знать бы, когда он уедет’.

Кодыр ‘когда’ распространено в коми-язьвинском наречии: *кудор*, *кудӧр* ‘когда’ (КЯД: 134) и в коми-зырянском языке: *кодыр* печ. скр. сс., *кодӧр* вв. ‘когда’ (ССКЗД: 159).

Слово *кодыр* является сложным, состоящим из общеперского **kq-* ‘когда’, восходящего к уральскому праязыку и общеперского **dür* ‘время’ (КЭСК: 127, 98).

Изоглосса *кодыр* охватывает узкий ареал (мыс.-луп. н-иньв. оньк. кя. печ. скр. сс. вв.) и, вероятно, является генетической или ареально-генетической. Наличие синонимичной лексемы *кор* // *кӧр* в мысовско-лупьинских говорах можно объяснить проникновением её из других говоров. Возможно также, что в выделенном ареале изначально употреблялись обе лексемы, но значения их были дифференцированы.

кос’

Лексическая единица *кос’* ‘бой, сражение’, ‘драка’ зафиксирована в мысовско-лупьинских говорах. В настоящее время в активном словарном запасе данное слово употребляется только во втором значении – ‘драка’. Значение ‘бой, сражение’ переходит в разряд слов пассивной лексики.

Слову *кос’* ‘драка’ в других говорах северного наречия соответствует *кос’ас’ӧм* ‘тж’, в южном наречии – *тышкас’ӧм* ‘тж’: значение ‘бой, сражение’ передаётся чаще заимствованиями *бой*, *сражэн’н’о*. Лексема *кос’* имеет эквивалент в коми-зырянском языке: *кось* вв. л. скр. сс. уд. ‘бой, драка, сражение’ (ССКЗД: 166).

Исследуемое слово является однокоренным с *кос’ас’ны* ‘драться, сражаться’ и *кос’алны* ‘рвать, порвать’ (общеп. **k̑s’-* ‘драть, рвать’ (КЭСК: 135), повсеместно распространенными в северном наречии.

Изосема *кос’* ‘бой, сражение; драка’ охватывает мысовско-лупьинские говоры и некоторые диалекты коми-зырянского языка. Центр инновации, вероятно, находится на территории коми-зырянских диалектов. В результате контактов коми-зырян с носителями мысовско-лупьинских говоров данное слово проникло и на указанную территорию. В связи с этим изоглосса *кос’* расценивается как ареальная по происхождению.

кыз' (карта № 30)

Ареал распространения слова *кыз'* 'двадцать' в коми-пермяцком языке занимает территорию мысовско-лупьинских говоров. На остальной территории употребляется лексема *кыкдас* 'двадцать' и заимствование *двацэт'* 'тж'.

Лексема *кыз'* 'двадцать' повсеместно распространена в коми-зырянском языке: *кызь* повс. 'тж' (ССКЗД: 185) и имеет соответствия в удмуртском: *кызь* 'тж' (УРС: 239). В «КЭСК» приведена общепермская форма **küz'* 'двадцать' (КЭСК: 150).

Широкое распространение исследуемой лексемы в близкородственных языках говорит в пользу того, что изоглосса *кыз'* имеет генетический характер возникновения. На остальной территории коми-пермяцкого языка она, вероятно, была заменена более поздней инновацией *кыкдас* и русским заимствованием. Сохранению данной изоглоссы в мысовско-лупьинских говорах способствовали, вероятно, контакты с коми-зырянами, а также отдалённость от других коми-пермяцких населённых пунктов.

кырсалны

Слово *кырсалны* 'гулять, развратничать, распутничать' употребляется в мысовско-лупьинских говорах: *то этайё, пёрыс'мис н'ин, а с'о кырсалё* 'вон этот, постарел уже, а всё (еще) распутничает'. В остальных говорах в данном значении чаще всего встречается заимствованная лексема *гул'айтны* 'тж'.

Слово имеет соответствия в коми-зырянском языке: *кырсаьны* скр. *кырсалны* сс., *кырсаьны* иж. нв., *кырсаьні* вв. 'находиться в периоде течки (о собаке, кошке); развратничать, распутничать' (ССКЗД: 188).

Значение 'гулять, развратничать, распутничать' является производным от первого — 'находиться в периоде течки', которое не зафиксировано в мысовско-лупьинских говорах.

Изогласа *кырсалны*, на наш взгляд, является ареальной по происхождению, так как охватывает коми-зырянский язык и граничащие с ним мысовско-лупьинские говоры коми-пермяцкого языка. Отсутствие данной изолексы в удмуртском и коми-пермяцком языке говорит о том, что она является коми-зырянской инновацией.

лаз

Лексема *лаз* 'охотничья накидка в виде прямоугольной короткой накидки с отверстием для головы' встречается в речи старшего поколения носителей мысовско-лупьинских говоров. В остальных говорах северного наречия и южных диалектах соответствия данному предмету, следовательно, и слову, не выявлены.

Мысовско-лупьинское *лаз* 'охотничья накидка' имеет соответствия в коми-зырянском языке: *лаз* вв. вс. л. скр. сс., *лоз* вв. вым. нв. уд., *лузан*

иж. печ. 'тж' (ССКЗД: 192). Исследуемое слово имеет неясную этимологию (КЭСК: 156).

Изоглосса *лаз* охватывает коми-зырянский язык и мысовско-лупьинские говоры коми-пермяцкого языка. На наш взгляд, в мысовско-лупьинских говорах она получила распространение в результате контактов и, таким образом, является ареальной по характеру возникновения.

матшалны (карта № 34)

Лексема *матшалны*: *кок матшалны* 'отсидеть (ногу)' зафиксирована в мысовско-лупьинских говорах. В остальных говорах северного наречия и южных диалектах коми-пермяцкого языка в данном значении употребляется слово *подзалны* (сев.), *подз'авны* (южн.). Исследуемая лексическая единица не имеет соответствий ни в коми-зырянском языке (ср. отсидеть – *позьёдны*, отсидеть ногу – *кок позьёдны* (РКС: 395), ни в удмуртском (ср. отсидеть – *зубектытыны* (РУС: 640).

Возможно, данная лексема связана с *матшкёдны* вс. 'колотить, лупить, отлупить' (ССКЗД: 218), восходящим к ономатопоэтическому слову, имеющему параллели в прибалтийско-финских языках: ф. *matsku* 'удар', *matskutaa* 'ударить', кар. *mat's'kuttoa* 'тж', вепс. *mat's'kutada* 'тж' (КЭСК: 170). В этом случае слово *матшалны* 'отсидеть (ногу)' является производным от слова *матш* 'удар': *матш* 'удар' + словообразовательный суффикс *-ал*. Учитывая ощущения, которые чувствует человек, отсидевший ногу, – покалывания, пощипывания, мелкие удары, – данное предположение может быть принято в качестве гипотезы.

В настоящее время не имеется фиксаций соответствующих лексем в близкородственных языках, поэтому мы можем расценивать данную изоглоссу как инновационную.

пач

Слово *пач* 'печь, печка' употребляется в мысовско-лупьинских говорах. В других коми-пермяцких говорах встречается лексема *гор* 'тж', которая также имеет место в исследуемом ареале в качестве синонима слова *пач*.

Лексема *пач* 'печь, печка' повсеместно употребляется в коми-зырянском языке (ССКЗД: 277), где считается прибалтийско-финским заимствованием (КЭСК: 217). В мысовско-лупьинские говоры это слово, вероятно, проникло из коми-зырянского языка, поэтому изоглосса считается ареальной по происхождению.

пл'эш (карта № 30)

Ареал распространения слова *пл'эш* 'лоб' на территории северного наречия охватывает мысовско-лупьинские говоры. В остальных говорах коми-пермяцкого языка употребляется лексема *кымёс* 'тж'. Соответствия

данным словам имеются в коми-язьвинском наречии: *кәмөс* 'лоб' (КЯД: 132), в коми-зырянском: *плеш* вв. вс. вым. иж. л. печ. скр. сс. уд., *кымӧс* вс. вым. лл. нв. печ. сс. уд. 'лоб' (ССКЗД: 288); в удмуртском: *кымес* 'лоб' (УРС: 243).

Лексема *пл'эш* заимствована из русского языка, ср. *плешь* 'голь, голизна, голое место, лысина, от вылезших волос, шерсти' (Даль 3: 132), однако значение 'лоб' у данного слова развилось, видимо, в коми-зырянских диалектах, так как данная семема в русском языке не зафиксирована.

Изоглосса *пл'эш* охватывает указанные коми-зырянские диалекты и мысовско-лупьинские говоры коми-пермяцкого языка. Вероятно, она является инновацией, вытеснившей исконную изоглоссу *кымӧс* 'лоб' (общеп. **kimes* 'тж' (КЭСК: 151). В мысовско-лупьинских говорах данное слово получило распространение вследствие контактов, поэтому изоглосса расценивается нами как ареальная.

руишу

Лексема *руишу* 'живот, брюхо' и производное от нее *руишуа* 'с животом, с брюхом; беременная' зафиксированы в мысовском и лупьинском говорах. На остальной территории распространения коми-пермяцкого языка употребляются слова *кынӧм* 'живот', *кынӧма* 'беременная'. Соответствия мысовско-лупьинским лексическим единицам имеются в коми-зырянском языке: *руишу* вв. вс. лл. печ. скр. сс., *тиутишу* вым. нв. уд. 'живот, брюхо, пузо'; *руишуа* скр. сс., *тиутишуа* вым. уд. 'брюхатая, беременная' (ССКЗД: 326) и в удмуртском: *жуш* 'брюшина, желудок' (УРС: 149).

Лексема *руишуа* 'беременная' происходит от слова *руишу* 'живот, брюхо' с помощью словообразовательного суффикса *-а* со значением наличия чего-либо. Авторы «КЭСК» дают общепермскую форму данного слова: **riš* 'живот, желудок' (КЭСК: 246).

Наличие соответствий исследуемого слова в коми-зырянском и удмуртском языках говорит в пользу расценивания изоглоссы *руишу* как генетической по происхождению. Однако в мысовский и верх-лупьинский говоры слово, вероятно, проникло из соседнего верхневычегодского диалекта, и в этом случае изоглосса расценивается как ареальная.

сӧмын

Лексема *сӧмын* 'только, лишь' употребляется в говорах мысовско-лупьинского диалекта. В коми-пермяцком языке, за исключением данных говоров, функционирует русское заимствование *тӧл'кӧ* // *тӧкӧ* 'только'.

Слово *сӧмын* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *сӧмын* вым. нв. печ. скр. сс. уд., *сӧмин* вв. 'только, лишь' (ССКЗД: 344). Считается, что исследуемое слово развилось из общепермского **só-mün*, *сӧ-* 'вог', *-мын* 'количество', 'только' (КЭСК: 263).

Изоглосса *сõмын* распространена в коми-зырянском языке и граничащих с ним мысовском и лупьинском говорах коми-пермяцкого языка. Мы считаем, что в коми-пермяцкие говоры она проникла из соседнего коми-зырянского говора, в связи с этим она расценивается нами как ареальная по происхождению.

сõрны, сõрõм

Ареал слов *сõрны* ‘врать, лгать’ и *сõрõм* ‘ложь, враньё’ охватывает мысовско-лупьинские говоры. В северном наречии, за исключением данных говоров, и в южных диалектах в этом значении употребляются лексемы *пõрйас’ны* ‘врать, лгать’, *пõрйас’õм* ‘вранье, ложь’ (сев.), *бõбõччыны* ‘врать, лгать’, *бõбõччõм* ‘ложь, вранье’ (южн.).

Сõрны имеет соответствия в коми-зырянском языке: *сõрны* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *сõрні* вв. ‘врать, болтать, брехать, пустословить, молоть вздор, бредить, говорить во сне’ (ССКЗД: 345).

Коми слово *сõрны* в «Кратком этимологическом словаре коми языка» под вопросом сопоставляется с удмуртским *сзрек* ‘горячий, беспокойный, вспыльчивый’ и возводится к общепермскому **ser-* ‘беспокоиться, быть вспыльчивым, горячим’, на основе которого развились коми значения ‘брехать, болтать, врать’ (КЭСК: 264).

Изоглосса *сõрны* охватывает коми-зырянский язык и мысовско-лупьинские говоры. Данная лексема, вероятно, проникла в исследуемый ареал из соседних верхневычегодских говоров, поэтому расцениваем её как ареальную.

с’о

Лексема *с’о* ‘сто’ употребляется в речи носителей мысовско-лупьинских говоров. В других коми-пермяцких говорах данная лексема также существовала, но в настоящее время уже перешла в разряд архаизмов, а значение ‘сто’ передается русским заимствованием *сто* ‘тж’. Следует отметить, что в последнее время в коми-пермяцком языке предпринимаются попытки ввести лексему *с’о* в активный словарный запас, о чем говорит употребление данного слова (пока в качестве неологизма) на телевидении в рамках передач на коми-пермяцком языке.

Данное слово является широкоупотребительным в коми-зырянском языке: *сё* вв. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *сьõ* вс. ‘сто, сотня’ (ССКЗД: 333, КРК: 584). Лексема *с’о* ‘сто’ сопоставляется с удмуртским *сю* ‘тж’ и возводится к общеп. **s’o* ‘сто’ (КЭСК: 252). К. Редеев относит происхождение этого слова к финно-угорскому периоду **s’ata* ‘сто’ и считает индоевропейским заимствованием (UEW: 467).

Таким образом, изоглосса *с’о* – генетическая по характеру возникновения. Сохранению данной лексемы в мысовско-лупьинских говорах способствовали, видимо, контакты с коми-зырянским населением.

скӧр

Слово *скӧр* 'злой, сердитый; злость' распространено в мысовско-лупьинских говорах. В коми-пермяцком языке, за исключением данных говоров, функционируют лексемы *лӧг* 'злой, сердитый, гневный, зло, злоба, злость, гнев' (КПРС: 227), *л'ок* 'злой, злобный, сердитый, зло, вред' (КПРС: 222), в коми-язьвинском наречии *лӧг* 'сердитый' (КЯД: 141), *лӧк* 'злой, сердитый' (КЯД: 144), в удмуртском языке: *лӧк* 'сердитый' (РУС: 999). В коми-зырянском языке имеются следующие лексемы: *лӧк* 'плохой, неудовлетворительный, скверный, худой, дурной, предосудительный', *лӧг* 'злоба, зло, гнев // злой, злобный, гневный, недружелюбный, вражда, враждебность', *скӧр* 'сердитый, злой, гневный, грозный, раздражительный'.

Лексическая единица *скӧр* употребительна в вв. иж. л. нв. печ. скр. сс. уд., *скор* вс. диалектах со значением 'сердитый, гневный, злой' (ССКЗД: 340). Происхождение ее неясное.

В силу того, что данная лексема не зафиксирована в удмуртском и коми-пермяцком языках, но распространена в коми-зырянских диалектах, изоглосса *скӧр* считается ареальной, заимствованной из соседних верхневычегодских говоров.

с'урс

Слово *с'урс* 'тысяча' распространено в речи носителей мысовско-лупьинского диалекта. В остальных говорах северного наречия и в южных диалектах употребляется лексема *тыс'эча* 'тысяча', заимствованная из русского языка. Раньше это слово имело, видимо, более широкий ареал распространения, в настоящее время оно квалифицируется как устаревшее (КПРС: 468).

Данная лексическая единица широкоупотребительна в коми-зырянском языке: *сюрс* вв. печ. скр. сс. уд. 'тысяча' (ССКЗД: 361), *сюрс* 'тысяча' (КРК: 631), распространена в удмуртском языке: *сюрс* 'тысяча' (УРС: 407). Авторами «КЭСК» реконструирован общепермский корень **s'urs* (КЭСК: 275).

Таким образом, изоглосса *с'урс* является генетической по происхождению, сохранившейся в мысовско-лупьинских говорах благодаря постоянным контактам с коми-зырянским населением.

шӧрба (карта № 33)

Слово *шӧрба* 'уха' зафиксировано в мысовско-лупьинских говорах. В остальных северных говорах и в южном наречии в данном значении употребляются лексемы *чӧрива* 'тж' (букв. рыбная вода) и заимствование *уха* // *ука* 'тж'. Исследуемая лексема не имеет соответствий в близкородственных языках: ср. кз. *юква* вс. печ. скр. сс., *ука* л, *уха* иж., *юка* лл., *черива* вв. вым. нв. уд. 'уха' (ССКЗД: 451), удм. *чорык лым* 'уха' (УРС: 477).

В русском языке имеется лексема *щерба* татр. сев. вост. вор. тмб. *щурба* самр. ‘горячая похлебка, навар, уха, рыбий навар, уха из мелкой, неочищенной рыбы’ (Даль 4: 676), которая, вероятно, и была заимствована в указанные говоры.

Таким образом, изоглосса *шэрба* является ареальной по происхождению.

кон'өр

Лексема *кон'өр* ‘бедный, жалкий’ употребляется в мысовско-лупьинских говорах. В остальных коми-пермяцких говорах в данном значении встречается заимствование из русского языка *бэднэй*, *бэднэйка* ‘тж’.

Лексема *кон'өр* распространена в коми-зырянском языке: *коньөр* вым. лл. печ. скр. сс. уд., *кõньөр* вс., *конер* вв. иж. нв. ‘бедный, жалкий, несчастный, бедняга, бедняжка’ (ССКЗД: 164). Данное слово сопоставимо с удмуртским *куанер* ‘бедняк, бедный, жалкий’ (УРС: 221). Общепермская форма реконструируется следующим образом: **kwõn'er* ‘бедный, жалкий’ (КЭСК: 133).

Таким образом, изоглосса *кон'өр* является генетической по происхождению. В коми-пермяцких говорах (кроме мыс.-луп.) она, вероятно, была вытеснена русским заимствованием. Сохранению исследуемой лексемы в мысовском и верх-лупьинском говорах способствовали постоянные контакты с зырянским населением.

кул'убук

В мысовско-лупьинских говорах широко распространена лексема *кул'убук* ‘валуй’. В остальных говорах коми-пермяцкого языка значение ‘валуй’ имеет слово *н'индул'* (за исключением нердвинского диалекта, в котором *кул'бук* имеет значение, тождественное мысовско-лупьинскому). В «Коми-пермяцко-русском словаре» для слова *кульбук* // *кулюбук* дано значение ‘поганка, несъедобный гриб’ (КПРС: 201).

Лексема *кулюбук* со значением ‘валуй’ зафиксирована в среднесысольском диалекте коми-зырянского языка (ССД: 121; Ракин 1989: 25).

Этимология данного слова неясна. Слово *кул'убук* является сложным. Первая часть *кул'-* (*кул'у-*) связана, видимо, с лексемой *кул'* ‘бес, чёрт’. Авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» реконструирована общепермская форма **kul'* ‘злой дух’ (КЭСК: 145). Вторая часть *бук* сопоставима с коми-зырянским *бука* вв. скр. ‘выпуклый, нависший (о лбе)’ (ССКЗД: 29) и финским диал. *pukka* ‘утолщенное место в хомуте, лыжах, лезвие топора’ (КЭСК: 42). Таким образом, значение слова *кул'бук* // *кул'убук* является описательным: выпуклое по форме и ядовитое, злое, несъедобное. Использование лексемы *кул'* ‘бес, чёрт’ в флористической номенклатуре встречается довольно часто: ср. *кул'л'õм* ‘крушина’, *кулюбук* сс. ‘калужница, желтоголовник’ (ССКЗД: 179). Мож-

но предположить, что слово является исконным образованием, а изоглосса *кул'бук* // *кул'убук* – генетической. Семантическая изоглосса 'валуй' охватывает мысовско-лупьинские говоры, нердвинский диалект коми-пермяцкого языка и среднесысольский диалект коми-зырянского языка. Поскольку указанные ареалы находятся в отдалении друг от друга, то определение центра инновационной изосемы 'валуй' вызывает трудности.

С другой стороны, исследуемое слово может быть русским заимствованием, ср. *культик* пск. влд. 'вид съедобного гриба' (Даль 2: 217), *кульбик* 'гриб валуй' Свердл. Ср. Урал (СРНГ 16: 73). В этом случае изоглосса расценивается как ареальная по происхождению. Однако нельзя исключать и то, что в русские говоры слово могло быть заимствовано из финно-угорских языков, о чем говорит ареал функционирования лексем *культик* и *кульбик* в русском языке.

понтшак

Лексема *понтшак* в мысовско-лупьинских говорах распространена со значением 'поганка, несъедобный гриб'. В других диалектах коми-пермяцкого языка данное значение передается словом *кул'убук*.

Слово *понтшак* 'поганка' употребляется также в коми-зырянском языке: *понтшак* вв. вым. л. нв. печ. скр. сс. уд. 'тж' (ССКЗД: 292). Данная лексема образована из двух слов: *пон* + *тишак* 'гриб'. Часть *пон*, по всей видимости, имеет значение 'поганый' (ср. *понкачка* 'ячмень на глазу', т.е. поганый нарост (КЭСК: 225), *понпир* 'чёрный паслён, собачьи ягоды', т.е. несъедобные ягоды (КЭСК: 225).

Соответствия лексемы *понтшак* (*пон* 'поганый' + *тишак* 'гриб') в других родственных языках не выявлены. Таким образом, изоглосса распространена в компактном ареале, охватывающем коми-зырянский язык и мысовско-лупьинские говоры коми-пермяцкого языка, что позволяет говорить о расположении центра инновации на территории коми-зырянского языка. Изоглосса *понтшак* в мысовско-лупьинских говорах, вероятно, является ареальной по происхождению.

гашкӧ

Лексема *гашкӧ* 'может быть, возможно, наверно' употребляется в мысовско-лупьинских говорах. В остальных говорах северного наречия и в южных диалектах в данном значении употребляются заимствованные лексические единицы *под'и* 'тж', *можот* 'тж'.

Слово *гашкӧ* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *гашкӧ* вс. л. печ. скр. сс. уд., *гашке* иж., *дашкӧ* вым. л. нв. скр. сс., *дашке* вв. 'может быть, быть может, авось' (ССКЗД: 77).

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» считают, что данная лексема сложная: *гаж* + *кӧ* 'если [будет] желание': *гаж* 'жела-

ние' + союз *кõ* 'если'. «В дестимологизированном слове *гашкõ*, в котором составные элементы утратили свое значение, произошел переход *ж* > *ш* под влиянием следующего глухого *к*» (КЭСК: 75).

Изоглосса *гашкõ*, вероятно, является коми-зырянской инновацией, иррадиированной в указанные говоры северного наречия в результате контактов. В мысовско-лупьинских говорах данная изоглосса – ареальная по характеру возникновения.

Выводы:

Мысовско-лупьинский ареал выделяется как на собственно-лексическом, так и на семантическом уровнях. В составе собственно лексических изоглосс вычленяются: а) мысовско-лупьинско–коми-зырянские: *аски* 'автра', *чõж* 'во время чего-либо, в течение чего-либо', *гõгõрвоны* 'понимать, понять', *гач* 'штаны', *гудõк* 'гармонь', *д'эрт* 'конечно', *кырсалны* 'гулять, развратничать', *пач* 'печь', *рушку* 'живот, брюхо', *сõмын* 'только', *сõрны* 'врать, лгать', *скõр* 'злой, сердитый', *кон'õр* 'бедный, жалкий', *понтшак* 'поганка' и др.; б) собственно мысовско-лупьинские изоглоссы: *ай-каа* 'замужняя', *айкатõм* 'незамужняя', *вугыр гач* 'дождевой червь', *шэр-ба* 'уха'; в) мысовско-лупьинско–нижеиньвенские изоглоссы: *ат'т'ыны* 'молиться'.

К числу семантических изоглосс относятся: *кõсйыны* 'хотеть', *кул'убук* 'валуй'. В мысовско-лупьинском ареале перечисленные лексические единицы имеют семантику, отличную от коми-пермяцкой и тождественную коми-зырянской.

Классификация изоглосс по характеру их возникновения вызывает большие сложности. Мысовско-лупьинско–коми-зырянские изоглоссы носят, видимо, ареальный характер происхождения, то есть являются заимствованиями. Мысовско-лупьинские говоры граничат с коми-зырянскими, а жители соседних территорий до недавнего времени имели постоянные контакты, мысовцы и верх-лупьинцы женились на коми-зырянках, и выходили замуж за коми-зырян (Кривошеков 1914: 550). Кроме того, нельзя исключать возможность появления изоглосс данного типа в результате ареально-генетических связей, так как мысовский и лупьинский говоры являются территориально близкими с коми-зырянскими языковыми разновидностями, но отдаленными от остальной части распространения коми-пермяцкого языка.

Мысовско-лупьинско–нижеиньвенские изоглоссы носят, видимо, ареально-генетический или ареальный характер. Следует отметить, что процесс распространения изоглосс в нижеиньвенские говоры мог быть осуществлен в то время, когда территория смежных современных соликамских говоров (русских) была занята коми населением. Таким образом,

мысовско-лупьинско—нижнеиньвенские изоглоссы являются довольно архаичными.

Результаты статистических подсчётов мысовско-лупьинских изоглосс приведены в табл. 6.

Таблица 6

Генетические	9(8)	28,1 % (25 %)
Ареально-генетические	0 (1)	0 (3,1 %)
Ареальные	19	59,4 %
Мысовско-лупьинские инновации	4	12,5 %
Всего	32	100 %

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексика северного наречия – это часть словарного состава коми-пермяцкого языка, употребляющаяся в речи коренного населения, проживающего в населённых пунктах Косинского, Кочёвского и Гайнского районов Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Анализ диалектной лексики позволил выделить в северном наречии севернокоми-пермяцкий ареал, а также центральный (или южный), юго-восточный, западный, северный и мысовско-лупьинский микроареалы (см. карту «Распространение ареалов северного наречия коми-пермяцкого языка»). Севернокоми-пермяцкий ареал образован изоглоссами, охватывающими северное наречие полностью. Микроареалы выделены на основе изоглосс, охватывающих определённую часть северного наречия. *Центральный* микроареал занимает территорию пуксибского, чураковского, левичанского, пятигорского, больше-кочинского, кочёвского, пелымского, юксеевского, чазёвского говоров. *Юго-восточный* микроареал образован изоглоссами, охватывающими пуксибский, чураковский, левичанский говоры. *Западный* микроареал охватывает западную часть северного наречия, то есть кочёвского, больше-кочинского, пелымского, юксеевского, чазёвского, иванчинского, даниловского, харинского и мысовско-лупьинских говоров. *Северный* микроареал занимает северную часть исследуемого наречия: мысовско-лупьинские, пятигорский, харинский, даниловский, иванчинский говоры. *Мысовско-лупьинский* ареал занимает территорию мысовско-лупьинских говоров.

Общая статистическая картина изоглосс, на основе которых выделены севернокоми-пермяцкий ареал и ряд микроареалов, представлена в табл. 7.

Таблица 7

Изоглоссы Ареалы	Генетические	Ареально- генетические	Ареальные	Собственные инновации
Северно- коми-пермяц- кий ареал	6 (7) 40 % (46,7)	2 13,3 %	1 (2) 6,7 % (13,3)	6 (4) 40 % (26,7)
Центральный ареал	3 (4) 37,5 % (50)	2 (1) 25 % (12,5)	– –	3 37,5 %
Юго-восточ- ный ареал	1 (2) 14,3 % (28,6)	1 14,3 %	2 (3) 28,6 % (42,8)	3 (1) 42,8 % (14,3)
Западный ареал	3 30 %	2 20 %	4 40 %	1 10 %

Окончание табл. 7

Изоглоссы Ареалы	Генетические	Ареально- генетические	Ареальные	Собственные инновации
Северный ареал	2 (3) 33,3 % (50)	1 (-) 16,7 % (-)	1 16,7 %	2 33,3 %
Мысовско- лупьинский ареал	9 (8) 28,1 % (25)	0 (1) 0 % (3,1)	19 59,4 %	4 12,5 %
<i>Всего изоглосс:</i>	<i>24 (27)</i>	<i>8 (7)</i>	<i>27 (29)</i>	<i>19 (15)</i>
<i>В процентах:</i>	<i>30,8 % (34,6)</i>	<i>10,25 % (9)</i>	<i>34,6 % (37,2)</i>	<i>24,35 % (19,2)</i>

Из табл. 7 видно, что в севернокоми-пермяцком ареале преобладают генетические изоглоссы (40 или 46,7%), на втором месте – севернокоми-пермяцкие инновации (40 или 26,7%).

Сравнение микроареалов показало, что по степени сохранения исконной лексики на первом месте стоит центральный ареал (37,5 или 50%), затем северный, западный, мысовско-лупьинский и юго-восточный. Проанализированные генетические изоглоссы восходят к общекоми и более древним языковым системам; отсутствие их в других говорах коми-пермяцкого языка объясняется утратой или заменой более поздними инновациями.

Ареально-генетические изоглоссы сконцентрированы в центральном (25 %) и западном (20 %) микроареалах. Изоглоссы данного типа являются инновациями, получившими распространение в результате ареально-генетических отношений между пракоми диалектами, занимавшими смежные ареалы (напр., *ыждачны* ‘отказываться, отнекиваться’, *кос’ас’ны* ‘драться, сражаться’, *нузгыны* ‘гнусавить, говорить через нос’). Ареально-генетические изоглоссы охватывают северное наречие коми-пермяцкого языка и некоторые диалекты коми-зырянского (вв. лл. сс. вс. скр. печ.). В.А. Ляшев склонен считать эту зону ядром общекоми языкового единства (Ляшев 1984: 45).

По количеству ареальных изоглосс мысовско-лупьинский ареал превосходит все остальные (59,4%). Преобладание ареальных изоглосс в мысовско-лупьинских говорах объясняется, вероятно, былыми тесными контактами населения смежных территорий и смешением коми-пермяцкого и коми-зырянского населения.

На втором месте по количеству ареальных изоглосс стоит западный (40%), далее юго-восточный ареал (28,6 (или 42,8) %). Ареальные изо-

гlossы данных ареалов возникли в результате маргинального заимствования из русских говоров.

По количеству собственных инноваций юго-восточный ареал превосходит все остальные микроареалы (42,5%), затем идут центральный (37,5%) и северный (33,3%). Инновации в северном наречии коми-пермяцкого языка возникли в ходе развития языка за счёт собственных языковых ресурсов: а) в результате переосмысления (возникновение семантических инноваций) (напр., *жаротны* 'затопить'; б) путём словосложения (напр., *вил'ин* 'целина, новина', *джумдор* 'обрыв; крутой берег'); в) путём суффиксации (напр., *айкаа* 'замужняя', *н'ашин'итны* 'вырвать со злостью').

Таким образом, лексика северного наречия представлена разными видами изоглосс. Раскрытие синхронной лингвогеографической картины способствует определению основных компонентов современной севернокоми-пермяцкой региональной речи.

Ареалы, очерченные некоторыми изоглоссами, образованы лексемами, которые в прошлом были общекоми-пермяцкими, а теперь сконцентрированы только (или преимущественно) в северном наречии (напр., *айкатом* 'незамужняя', *код'а* 'хороший', *кос'ны* 'снимать (мох)' и др.). Наличие этих слов в словарях, отражающих лексику южного наречия (см. Рогов 1869), а также единичное употребление их в южных диалектах коми-пермяцкого языка говорит об их более широком распространении в прошлом.

Ареалы распространения некоторых слов являются собственно севернокоми-пермяцкими зонами. Это те случаи, когда речь идёт об образованиях, характеризующих изученную территорию в связи с какими-либо особенностями реалий или местных обычаев, либо об исконно севернокоми-пермяцких диалектизмах. Количество этих изоглосс сравнительно невелико. Собственные севернокоми-пермяцкие инновации обычно не употребляются на остальной территории распространения коми-пермяцкого языка. Однако некоторые из них отмечены и за пределами территории северного наречия как следствие иррадиации (*бал'ан'ан'а* 'жимолость', *н'ап* 'шиповник', *дзирбарас'ны* 'оглядываться, озираться' (ср. юж. (Ёгва) *дзикбарас'ны* 'тж').

В северном наречии выявлены также инновации, возникшие в результате усвоения русских слов в ходе маргинального контактирования севернокоми-пермяцкого и русского населения (*капус'ник* 'огород', *вэршиччыны* 'представиться, представляться, мерещиться, чудиться' и др.). Проникнув в отдельные окраинные говоры коми-пермяцкого языка, русские слова постепенно распространились и в другие, в результате чего образовались ареалы соответствующих лексем.

Явления, разные по происхождению, распространены в одинаковых территориальных рамках: например, изоглоссы *бырöд* (генетическая), *па-бэжска* (ареальная), *йöнöд* (ареально-генетическая) и *гышкöптны* (инновационная) в северном наречии распространены на одной и той же территории – в юго-восточном микроареале. Это обстоятельство свидетельствует о том, что эти рамки обусловлены единством диалекта, что отражается и на лингвогеографическом построении.

Анализ изоглосс, охватывающих севернокоми-пермяцкий ареал и ряд микроареалов, позволяет выделить в севернокоми-пермяцкой зоне несколько типов изолиний: 1. Первый тип представлен изоглоссами, охватывающими территорию распространения северного наречия полностью. 2. Второй тип представлен изолиниями, пересекающими территорию северного наречия по горизонтали. Это южная граница северного ареала и северная граница центрального. 3. Третий тип изолиний делит севернокоми-пермяцкую территорию по вертикали с небольшим изгибом с запада на восток – восточная граница западного ареала. 4. Четвёртый тип изоглосс образует окружность, которая охватывает мысовско-лупинский диалект. Таким образом, изолинии этих четырёх типов представляют исторически сложившиеся и существующие в настоящее время барьерные границы, перед которыми приостанавливаются или затухают волны иррадиации.

Из расположения изолиний видно, что на лексическом уровне наиболее чётко выделяются севернокоми-пермяцкое наречие и мысовско-лупинский диалект. Рассеянный пучок изоглосс, делящих территорию северного наречия по вертикали, совпадает с границей кочёвского и косинско-камского диалектов. Кроме того, говоры северного наречия можно сгруппировать в две группы: северные и южные (или центральные).

На территории северного наречия выявлены изоглоссы, имеющие продолжение в южном наречии коми-пермяцкого языка: *н'ап* 'шиповник' (ни.), *бал'ан'ан'а* 'жимолость' (ни.), *ат'т'ыны* 'молиться' (ни.), *кодыр* 'когда' (ни., оньк.). Интерпретация их вызывает трудности. Вероятно, севернокоми-пермяцко-нижеиньвенские и севернокоми-пермяцко-оньковские изоглоссы возникли в то время, когда на смежной территории (современные Чердынский, Соликамский районы) проживали предки коми-пермяков. В дальнейшем здесь появилось русское население и постепенно ассимилировало их. В результате исчезновения коми-пермяцкого населения на этой территории изоглоссы, некогда бывшие непрерывными, оказались прерванными. Часть изоглосс, возможно, является древними реликтами, вытесненными с остальной территории.

Наличие генетических и ареально-генетических севернокоми-пермяцко-коми-зырянских изоглосс (как лексических, так и семантических) говорит в пользу того, что в недавнем прошлом контакты между северными коми-пермяками и коми-зырянами были более тесными (по сравнению с южными) и продолжались дольше. Это предположение подтверждается ареальными исследованиями общих фонетических и морфологических явлений коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов (см. Баталова 1987: 67; Дмитриева 1998; Пономарева 2002; Сажина 2004).

СОКРАЩЕНИЯ

Языки, диалекты, говоры:

авест. — авестинский язык

арх. — архангельский говор русского языка

б-коч. — больше-кочинский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

вв. — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка

влгд. — вологодский говор русского языка

влд. — владимирский говор русского языка

вс. — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка

вым. — вымский диалект коми-зырянского языка

вят. — вятский говор русского языка

дан. — даниловский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

доперм. — допермский язык

и.-е. — индоевропейский праязык

иванч. — иванчинский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

иж. — ижемский диалект коми-зырянского языка

иранск. — иранский язык

кз. — коми-зырянский язык

коч. — кочёвский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

кп. — коми-пермяцкий язык

кстр. — костромской говор русского языка

кя. — коми-язьвинское наречие

л. — лузские говоры коми-зырянского языка

лев. — левичанский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

лет. — летские говоры коми-зырянского языка

лл. — лузско-летский диалект коми-зырянского языка

манс. — мансийский язык

мар. — марийский язык

мыс.-луп. — мысовско-лупыньские говоры северного наречия коми-пермяцкого языка

нв. — нижевычегодский диалект коми-зырянского языка

нвг. — новгородский говор русского языка

ни. — нижеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка

ниж. — нижегородский говор русского языка

оньк. — оньковский диалект коми-пермяцкого языка

общек. — общекоми язык-основа

общеп. — общепермский язык-основа

пел. – пелымский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
печ. – печорский диалект коми-зырянского языка
прап. – прапермский язык-основа
прм. – пермский говор русского языка
пск. – псковский говор русского языка
пукс. – пуксибский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
пятиг. – пятигорский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
русс. – русский язык
сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка
скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
сс. – среднесысольский диалект коми-зырянского языка
татр. – татарский язык
твр. – тверской говор русского языка
уд. – удорский диалект коми-зырянского языка
удм. – удмуртский язык
ф.-у. – финно-угорский язык-основа
хар. – харинский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
чаз. – чазёвский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
чур. – чураковский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
южн. – южное наречие коми-пермяцкого языка
юкс. – юксеевский говор северного наречия коми-пермяцкого языка

Прочие условные сокращения:

букв. – буквально
вм. – вместо
вост. – восточный
д. – деревня
лит. – литературный
напр. – например
с. – село
сев.-вост. – северо-восточный
см. – смотрите
ср. – сравните

БИБЛИОГРАФИЯ

Аванесов Р.И. Проблемы лингвистической географии русского языка // Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957. С. 7–40.

Аванесов Р.И. Лингвистическая география и структура языка // Вопросы теории лингвистической географии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 7–27.

Айбабина Е.А. Адаптация словарных заимствований из русского языка в коми языке (фонетико-фонологическая структура) // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984. С. 24–37. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 31).

Айбабина Е.А. Заимствование лексическое // Коми язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 131–132.

Айбабина Е.А. Об одном аспекте контактирования коми и русского языков (К вопросу о соотношении словарного заимствования и лексической интерференции) // Лексикология и лексикография коми языка. Сыктывкар, 1988. С. 43–58. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 41).

Айбабина Е.А. Специфика функционирования русских лексических заимствований в коми языке в современных условиях. Сыктывкар, 1990. 28 с. (Серия препр. «Научные доклады» / Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 251).

Аксёнова О.П. Диалектные особенности крохалёвского говора южного наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика–7. Сыктывкар, 1999. С. 36–40.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. 243 с.

Бараксанов Г.Г. Происхождение лексики коми языка // Современный коми язык. Лексикология. М.: Наука, 1985. С. 47–61.

Баталова Р.М. Краткий справочник по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка (в помощь учителю). Кудымкар, 1962.

Баталова Р.М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII – первой половины XIX веков // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 110–121.

Баталова Р.М. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений о коми-пермяцких диалектах. М.: Наука, 1966.

Баталова Р.М. Материалы по коми-пермяцкой лексике: Извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв. // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 69–75.

Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

Баталова Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 167 с.

Баталова Р.М. О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 60–68.

Баталова Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. М., 1990. 205 с.

Баталова Р.М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. VI. Москва-Гамбург, 1995.

Баталова Р.М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и её развитие в сравнительном и ареальном освещении: Научный доклад ... д-ра филол. наук. М., 1998.

Баталова 2002a – Баталова Р.М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. VIII. Москва-Гронинген, 2002.

Баталова 2002b – Баталова Р.М. О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 131–139.

Баталова Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка: Дис... канд. филол. наук. М., 1962. 207 с.

Безносилова Л.М. Семантические изменения русских заимствований в удорском диалекте коми языка // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984. С. 74–83.

Белых С.К. Пермские истоки этногенеза удмуртского народа (проблема распада прапермской общности): Дис... канд. филол. наук. Ижевск, 1998.

Белых С.К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 150 с.

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса. 2-е изд., исправ. и доп. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. 258 с.

Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. М.; Л.: Изд-во Наука, 1966. 219 с.

Бородина М.А. Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 107–118.

Бородина М.А. Лингвистическая география и ее значение для исследования тюркских языков // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 94–99.

Бородина М.А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. М.: Наука, 1980.

Ботева Е.В. Методика изучения морфологии коми-пермяцкого языка в условиях иньвенского диалекта: Дис... канд. пед. наук. М., 1961.

ВВД – Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966.

ВД – Жилина Т.И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Изд-во «Пролог», 1998.

Взаимодействие лингвистических ареалов. Л.: Наука, 1980.

Вопросы теории лингвистической географии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Выборов В.П. Вопросы изучения русских словарных заимствований в составе народно-диалектной коми речи // Учёные записки. Коми Государственный педагогический институт. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. Вып. 10. С. 69–105.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975. 304 с.

Гаджиева Н.З. Принципы ареального описания языков // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. С. 164–202.

Гуляев Е.С. Общепермская лексика в некоторых деэтимологизированных словах и фразеологизмах коми языка // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. 4. С. 83–89.

Гусев Д.И. Быт и культура коми-пермяцкого народа в эпоху капитализма и в годы советской власти. I часть. (рукопись). 1953 // Коми-Пермяцкий окружной краев. музей им. Субботина-Пермяка. № 20.

Даль 1 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 1.

Даль 1990 III – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 3.

Даль 2 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 2.

Даль 3 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 3.

Даль 4 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.; С.П., 1882. Т. 4.

Дмитриева Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка. Фонетика и морфология: Дис... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1998.

Дмитриева Р.П. Функции диалектной лексики в произведениях Т. Фадеева и С.Федосеева // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1997. С. 413–418.

Дмитриева Р.П. Особенности лексики косинско-камского диалекта коми-пермяцкого языка // В.И. Лыткин и финно-угорский мир: сб. статей. Сыктывкар, 1998. С. 55–60.

Ефремов Л.П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: Дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1959.

Жилина Т.И. Южные коми-зырянские диалекты и коми-пермяцкий язык // Ленинская национальная политика в действии. Сыктывкар, 1971. С. 204–206.

Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971.

Жилина Т.И. Марийские и удмуртские соответствия в лексике лузско-летского диалекта коми языка // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979. С. 30–33. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 22).

Жирмунский В.М. Некоторые проблемы лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4.

Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.

Жирмунский В.М. Вопросы Диалектологического атласа тюркских языков // Вопросы языкознания. М., 1964.

Жирмунский В.М. О некоторых вопросах лингвистической географии // Тюркологический сборник. М., 1966.

Игушев Е.А. К вопросу о морфологическом освоении русских заимствований коми языком // Коми филология. Сыктывкар, 1972. С. 82–92. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 14).

Игушев Е.А. Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка: Дис... канд. филол. наук. Тарту, 1973.

Игушев Е.А. К функционированию заимствований в ижемском диалекте коми языка // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984. С. 103–106. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 31).

ИД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.

Карманова А.Н. Заимствования русские // Коми язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 132–134.

Коми-Пермяцкий национальный округ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.

КПС – Коми-пермяцко-русский, русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1993.

КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. изд-во, 1962.

Кривощёков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Кривощёкова-Гантман А.С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1951.

Кривощёкова-Гантман А.С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: Дис... канд. филол. наук. Л., 1951.

Кривощёкова-Гантман А.С. Словарный состав и основной словарный фонд коми-пермяцкого языка // В помощь учителю. Кудымкар, 1952. С. 4–14.

Кривощёкова-Гантман А.С. О некоторых особенностях иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка // Уч. записки ПГПИ. Пермь, 1958. Вып. 17. С. 123–140.

Кривощёкова-Гантман А.С. К проблеме языковых контактов // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 78–85.

Кривощёкова-Гантман А.С. Откуда эти названия. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1973.

Кривощёкова-Гантман А.С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 19–43.

Кривощёкова-Гантман А.С., Ратегова Л.П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1980.

КРК – Безносилова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.

КРС – Коми-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.

КСК – Коми сёрнисикас кывчукор. Словарь диалектов коми языка: в 2-х т. / Под ред. Л.М. Безносиковой. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2012. Т. 1: А–О.

Кузнецов П.С., Спорова А.М. Русско-коми-пермяцкой словарь. Кудымкар: Комипермгиз, 1946. 390 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка / Переиздание с дополнением. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

КЯД – Лыткин В.И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.

Лаучюте Ю.А. Балто-славянские лингвистические контакты в ареальном освещении // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л.: Наука, 1980. С. 161–187.

Лексикон пермского языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный // Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 5. Ед. хр. 879.

Лексиконъ пермскаго языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкорскаго бывшимъ священникомъ Георгіемъ Чечулинымъ. Рукопись // Архив РАН (Санкт-Петербург). Ф. 94. Оп. 1. № 219.

ЛЛД – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985.

Лобанова А.С. Кочёвский диалект коми-пермяцкого языка. Дис... канд. филол. наук. М., 1993.

Лобанова А.С. Из истории заселения Кочевского района (материалы к изучению кочевского диалекта коми-пермяцкого языка) // Наш край. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2000. Вып. 8. С. 42–46.

Лобанова А.С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. Пермь, 2008.

Лобанова А.С. Наименования одежды в языке коми-пермяков. Ареальный и функциональный аспект // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы. Сборник научных статей международной научной конференции / Отв. ред. А.Г. Мусанов. Сыктывкар, 2013. С. 72–80.

Лыткин В.И. Фонетика средневеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. II. С. 128–201.

Лыткин В.И. Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 175 с.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарём). М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957. Ч. 1: Введение, фонетика.

Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964.

Лыткин В.И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV.

Лыткин В.И. Исторические контакты коми народа с соседними народами по данным языка // Ленинская национальная политика в действии. Сыктывкар, 1971. С. 13–15.

Лыткин В.И. Пермско-иранские языковые контакты // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 84–97.

Лыткин В.И. Историческая лексикология коми языка. Уч. пособие. Сыктывкар, 1979.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Ляшев В.А. Опыт картографирования коми диалектологического материала в европейском атласе // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979. С. 34–37. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 22).

Ляшев В.А. Миграционные вопросы в истории коми языка // Мурыгин А.М., Королёв К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 39–45. (Серия препр. «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Вып. 105).

Ляшев В.А., Насибуллин Р.Ш. Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар, 1984. С. 55–66. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 31).

Максимов С.А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ижевск, 1999.

Максимов С.А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели: Дис... канд. филол. наук. Ижевск, 1999.

Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого, глазовского вотского и бесермянского говора. Рукопись // Госархив г. Киров. Д. 170. Оп. 1. Ед. хр. 140.

Материалы по коми-пермяцкой лексике: Извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв. // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 69–75.

Меркушева 2000а – Меркушева Т.Н. Диалектизмы в произведениях писателей южнокоми-пермяцкого региона // Ќнія кадё коми кывлён сёвмём: могъяс да кёсйёмъяс. Сыктывкар, 2000. С. 121–124.

Меркушева 2000б – Меркушева Т.Н. Терминология родства в диалектах южного наречия современного коми-пермяцкого языка // Коми-Пермяцкий округ и Урал: история и современность. Тезисы докладов и выступлений. Кудымкар, 2000. С. 64–66.

Меркушева Т.Н. Глаголы движения в южном наречии коми-пермяцкого языка // Пермистика – 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сыктывкар, 2001. С. 183–187.

Меркушева Т.Н. Животноводческая терминология южного наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика – 9: Вопросы пермской и финно-

угорской филологии. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 324–334.

Меркушева Т.Н. Лексика флоры и фауны коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003.

Мосин М.В. Факторы возникновения и развития семантических изменений в лексике // Основные тенденции развития финно-угорских языков: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1985. С. 34–46.

Насибуллин Р.Ш. Русские заимствования в удмуртском языке (дооктябрьский период): Автореф. ... д-ра филол. наук. Казань, 1999. 46 с.

НВД – Сорвачева В.А. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Наука, 1978.

Нечаев Г.А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа // Сб. комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. М., 1931. Вып. II. С. 14–32.

Нечаев Г.А. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сб. комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Сыктывкар, 1930. Вып. I. С. 7–27.

Никончук Н.В. Правобережнополесские говоры в лингвогеографическом освещении: Дис. ... д-ра филол. наук. Житомир, 1980.

Оборин В.А. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции по изучению северной части Гайнского района. 1958 // Коми-Пермяцкий окружной краеведческий музей им. Субботина-Пермяка.

Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 168 с.

Орлова В.Г. Подготовка и построение диалектологического атласа // Вопросы теории лингвистической географии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 175–231.

Орлова В.Г. Типы изоглосс по их значению для разработки вопросов исторической диалектологии // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 76–86.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

ПД – Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.

Первоначальный учебник русского языка для чердынских пермяков. Казань, 1906.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия въ его бытовомъ и этнографическомъ применении. СПб., 1885.

Пономарёва 2000а – Пономарёва Л.Г. Употребление сложных форм прошедшего времени в мысовском и верх-лупьинском диалектах коми-пермяцкого языка // Тезисы докладов науч.-практ. конф. «Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания». Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2000. С. 64–65.

Пономарёва 2002а – Пономарева Л.Г. Мысовско-лупьинский диалект коми-пермяцкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.

Пономарёва 2002б – Пономарёва Л.Г. Общие (севернопермяцкие) и частные (местные) особенности в фонетике и морфологии мысовского диалекта коми-пермяцкого языка // Пермистика – 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 370–375.

Пономарёва 2002в – Пономарёва Л.Г. Фонемы *ö* и *э* в первом слове в верх-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка (на материале говора д. Тайга) // Коми-Пермяцкий округ и Урал: история и современность. Тезисы докладов и выступлений. Кудымкар, 2000. С. 66–68.

Попов А. Краткий Пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым. 1785. Рукопись // Рукописный отдел РНБ (Санкт-Петербург), Эрм. 206.

Попов А. Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ, собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ. Рукопись // Рукописный отдел РНБ (Санкт-Петербург), Эрм. 207.

Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Пермь, 2010.

Ракин А.Н. Лексика флоры коми языка: Автореф... дис. канд. филол. наук. Тарту, 1977.

Ракин А.Н. Лексика флоры коми языка: Дис... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1977.

Ракин А.Н. Заимствованная лексика коми языка (на материале названий растений) // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 73.

Ракин А.Н. Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979. С. 129–164. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 22).

Ракин А.Н. Заимствованный компонент лексики низшей флоры коми языка. Тезисы докладов на V Международном симпозиуме «Преподавание русского языка в финно-угорских школах». Сыктывкар, 1985.

Ракин А.Н. Лексика низшей флоры пермских языков. Сыктывкар, 1985. (Серия препр. «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Вып. 115).

Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989.

Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.

Ракин А.Н. Антропотоминимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар, 1996.

Ракин А.Н. Ихтионимическая лексика в пермских языках // Пермистика – 4. Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей. Ижевск, 1997. С. 136–143.

Ракин А.Н. Русские заимствования в системе анатомической лексики пермских языков // Сборник тезисов Международной научно-методической конференции «Общие проблемы преподавания языков: преподавание русского языка финно-угорской аудитории». Сыктывкар, 1998. С. 487–489.

РКС – Русско-коми словарь / Под ред. Л.М. Безносовой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003.

Рогов Н.А. Опыт грамматики пермяцкого языка. СПб., 1860.

Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869.

РУС – Русско-удмуртский словарь. М., 1956.

Сажина С.А. Сравнительная морфология коми-зырянских диалектов (Именные части речи). Ареальный аспект исследования: Дис... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2004.

Свирская В.Р. Коми-пермяки в составе царской России // Коми-Пермяцкий национальный округ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 124–145.

Серебренников Б.А. О взаимодействии языков (проблема субстрата) // Вопросы языкознания. 1955. № 1.

Серебренников Б.А. Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973. С. 120–167.

Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

Словарь русско-пермяцкий. 1848. Рукопись // Рукописный отдел Библиотеки РАН, Санкт-Петербург.

Современный коми язык. Лексикология / Отв. ред. А.И. Туркин. М.: Наука, 1985.

Соколов С.В. Этимологии некоторых удмуртских названий рыб // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 78–79.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 вып. / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. СПб., 1966–2008. Вып. 1–41.

СРЯ – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989.

ССД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г. Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.

Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюрские языковые контакты). Ижевск: Удмуртия, 1982.

Теплоухов А.Ф. Пермьяки и зыряне // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2.

Тепляшина Т.И. Общие элементы языка коми и северных удмуртов в связи с их расселением // Ленинская национальная политика в действии. Сыктывкар, 1971. С. 200.

Тепляшина Т.И. Лексические коми-удмуртские соприкосновения // Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979. С. 122.

Тудвасева З.К. Становление и функционирование коми-пермяцкого литературного языка на различных этапах его существования // Наш край: Сборник научно-популярных и краеведческих статей. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2000. С. 138–141.

УД – Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990.

УРС – Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983.

Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1986–1987.

Федосеева Е.Н. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика – 9. Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский ун-т», 2000. С. 426–434.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: Дис... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2002.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: Дис... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.

Федосеева 2005а – Федосеева Е.Н. Лексическое своеобразие северного наречия коми-пермяцкого языка // История, современное состояние,

перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 208–210.

Федосеева 2005б – Федосеева Е.Н. О словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка Национальные языки России: региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного университета: Материалы Международ. науч.-практ. конф. (20–21 октября 2005 г., Пермь). Пермь, 2005. С. 200–203.

Федосеева 2005в – Федосеева Е.Н. Севернокоми-пермяцкий пласт в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка // *Studia juvenilia* (SJ): Сборник работ молодых ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. С. 143–154.

Федосеева Е.Н. Русские заимствования в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка / Пермистика – 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Материалы X Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 368–376.

Федосеева Е.Н. О происхождении некоторых коми-пермяцких слов (на материале северного наречия) // *Динамические процессы в системах пермских языков*. Сыктывкар, 2011. С. 107–115. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 68).

Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. М.: Наука, 1985.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985.

Хаузенберг А.-Р. Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ). Таллин, 1972.

Хаузенберг А.-Р. Формирование коми диалектов: факты и гипотезы // *Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков*. Ижевск, 1987. С. 55–59.

Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретации). М.: Наука, 1982.

Цыпанов Е.А. К вопросу о ходе дивергенции общепермского праязыка // *Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками*. Международный симпозиум, 18–19 мая 2012 г., г. Кудымкар. Сборник научных статей. Кудымкар, 2012. С. 20–27.

Чагин Г.Н. Этногенез и культурное развитие коми-пермяков // Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2000. С. 9–17.

Шамахов С.А. О русских лексических заимствованиях в бытовой лексике коми языка // Учёные записки. Коми Государственный педагогический институт. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. Вып. 10. С. 143–159.

Шишкин Н.И. Хозяйственный и культурный быт // Коми-Пермяцкий национальный округ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 158–173.

Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М., 1968.

Batalova, R. Nižneinvenskij dialekt komi-permjatskogo jazyka. Hamburg, 1996. 197 S.

Broicher-Schmidt R. Struktur, Semantik und Dialektgeographie syrjänischer Tiernamen. München, 1975.

Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1910.

Müller H. Sammlung Russischer Geschichte. СПб., 1758. Т. III.

Pallas P. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. СПб., 1787.

UEW 1 – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. 1. Budapest, 1988.

UEW 2 – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. 2. Budapest, 1988.

Uotila T. Syrjänische Chrestomathie. Helsinki, 1938.

Uotila T. Syrjänische Texte. Komi-permjakisch. Band I // Gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. Helsinki, 1985.

Vocabulaire de la Langue Wotjake et Permienne. Рукопись // РНБ (Санкт-Петербург). Ф. 7 (Аделунг Ф.П.). Оп. 812а. № 123.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Материалы к диалектному словарю северного наречия коми-пермяцкого языка

О построении

В список диалектных слов (более 850 словарных статей; около 1000 слов) включены лексические единицы, употребляющиеся в говорах северного наречия и не встречающиеся (или встречающиеся в отдельных говорах) в южном наречии.

Фонетические и словообразовательные разновидности диалектного слова даются в одной словарной статье. После разновидности лексемы идёт указание на говор. В конце словарной статьи даётся перевод на русский язык. Близкие по смыслу переводы отделяются запятыми, более отдалённые – точкой с запятой. Омонимы даются отдельными словарными статьями.

Если слово употребляется только в сочетании с другими, то оно берётся в качестве заглавного, после него ставится двоеточие и приводится соответствующее словосочетание. Перевод даётся всему выражению.

Пометы и пояснения даются перед переводом на русский язык.

С указанием на говор (без знака *) приведены лексические единицы, проверенные во всех основных говорах северного наречия. Слова, зафиксированные в северных говорах, но не проверенные по всей территории наречия, даются со звёздочкой (*). Слова, приведённые в «Коми-пермяцко-русском словаре» (1981) с пометой сев. «северное», но не зафиксированные при проверке материала, даны с пометой «КПРС». Если одно значение многозначного слова проверено по всей территории, а другое нет (т.е. зафиксировано нами в каком-либо отдельном говоре или приведено в «Коми-пермяцко-русском словаре» (1981), то слово приводится в отдельных словарных статьях.

После слов, значение которых не выяснено, стоит вопросительный знак (?).

При передаче звукового облика слов применяется принятая в коми языке транскрипция.

Сокращённые названия говоров

бач. — бачмановский, *б-коч.* — больше-кочинский, *дан.* — даниловский, *иванч.* — иванчинский, *кос.* — косинский, *коч.* — кочёвский, *кук.* — кукушкинский, *лев.* — левичанский, *луп.* — лупьинский, *мыс.* — мысовский, *мыс.-луп.* — мысовско-лупьинские, *пел.* — пелымский, *пеклаыб.* — пеклаыбский, *пукс.* — пуксибский, *птиг.* — пятигорский, *хаз.* — хазовский, *хар.* — харинский, *чаз.* — чазёвский, *чур.* — чураковский, *юкс.* — юксеевский.

Список условных сокращений

безл. — безличный, *возвр.* — возвратное, *груб.* — грубое, *изобр.* — изобразительное, *напр.* — например, *неодобрит.* — неодобрительно, *одобрит.* — одобрительно, *перен.* — переносное, *посл.* — послелог, *прич.* — причастие, *прост.* — просторечное, *разг.* — разговорное, *ругат.* — ругательное, *част.* — частица.

А

адздис'ны* начинать киснуть
аз'гум *пятиг.* борщевик
айка: **айка сайо** *хар. пятиг. чур. кук. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан.*
выйти замуж
айкаа *мыс.-луп.* замужняя
айкатом *мыс.-луп.* не имеющая мужа; незамужняя
ал'кбса *хар.* пологий, отлогий
амзыны *мыс.-луп.* груб. громко говорить
аргыш, аргыж *хар. пятиг. чур. пукс., ар б-коч. чаз. юкс. пел., арга*
мыс.-луп. гольян
арзыны-баитны *хар. чур. пукс. лев. чаз., варзыны б-коч. кук. пел.*
юкс. громко говорить, кричать
артладтом* непутёвый
асйапон* утро
аски *мыс.-луп.* завтра
аскэжаныс* между собой
асшомон* без дрожжей, своей кислотой
ат'т'ыны *мыс.-луп.* молиться

Б

баба *пукс. чур. б-коч. юкс., бабука хар. кук. чаз. пел. дан., бабас' пятиг.*
наседка
бабашорика пугало (КПРС)
бад'кор* уклейка
бака *пукс. чур. неклаыб.* паразитирующий на деревьях гриб, трутовик,
кыдз бака *пукс. чур. неклаыб., кыздзбвой бака чаз. пел. чага*
баклашик *пукс. хар. иванч. лев.* пластмассовая фляжка, **баклашка**
чур. алюминиевая фляжка, *пел.* фляжка (любая)
бакэрок *бач.* пластмассовая фляжка
бал'ан'ан' *мыс. хар. кук. чаз. пел. юкс. дан, бал'ан'ан'а пятиг. чур.*
пукс. б-коч. иванч. лев. жимолость
баон* на четвереньках
барвайны* очень сильно удивиться
бат' *мыс. луп. кук. бат'у хар.* отец
батшко* свёкор
биргыл'ас'ны: **биргыл'ас'ны-бэд'д'ас'ны*** ходить плохо, перевали-
ваясь ходить

- бирул'ка*** фи́га
- бит'у:** кызд **бит'у йон** *б-коч. кук. иванч., бит'уг лев.* полный (о человеке)
- биултӧр** *чур.* доска под светцом
- бичул'** *пукс. чур. лев., бичул'и чаз., бичул'ка пятиг. б-коч. кук., бичул'ки пел. юкс.* вертушка на двери
- бод'ор** *лев.* бодрый, энергичный, *кук. иванч. чаз. пел. юкс.* нарядный, разодетый
- бодриччыны*** наряжаться, **бӧдриччыны*** наряжаться, красиво одеваться; украшать что-либо
- бодруйтны*** хвастать; наряжаться
- болскыны*** бродить по воде, брести по глубокому снегу
- бонз'ӧтны (н'ин)*** смягчить (лыко)
- бон'гыны** *кук. чаз. пел. юкс. дан.* ворчать
- боркйис'ны** копошиться, шевелиться, кишеть (КПРС)
- борны** *хар. пятиг. чур. пукс. кук. лев. чаз. пел. юкс.* хлопать по грязи, месить грязь
- борс'ыны*** рыться
- борт'т'ыны** *пукс. хар. пятиг. чур. иванч.* полоскать
- бӧрпыкс'ыны*** раскаиваться; отказываться от своих слов
- браччик** *мыс.-луп. иванч.* муж сестры
- брон, бронка** *хар. лев.* гроздь, кисть
- бруш'ичатурун** *хар. кук. лев., бруси'ичатурун чур. пукс.* медвежье ухо
- будзгыл'ас'ны** *хар. пятиг. б-коч. кук. юкс. иванч. лев. чаз. пел.* смотреть угрюмо, нахмуриться, *чур. пукс. лев. чаз. пел.* смотреть со злостью
- буксыны** *хар. пятиг. б-коч. иванч., баксыны пукс. кук. лев. дан.* плакать
- бурдны** *лев. иванч.* поправиться, поправляться, выздороавливать, *чаз. пел. юкс. пукс. чур. дан.* заживать (о ране)
- бурундук*** настил в сенях или на улице перед входом
- буткыл'** *кук.* крепыш (о ребёнке)
- быгл'ан** *хар. пятиг. кук. иванч. дан.* нечто круглое, шар
- быгыл'** *чур. кук. иванч. лев. чаз. пел. юкс.* картофеля в мундире
- быгыл'а*** круглый
- быгыл'ччыны*** наливать (о ягодах)
- быдс'ама** *мыс.-луп.* разное, всякое
- бызгыны** *мыс.-луп. лев. чаз. юкс.* болтать, говорить много, **бизгыны** *б-коч. пел. иванч.* надоедать разговорами
- былалны** *лев. пел.* выцветать

былскыны* жадно пить
бырайалны *мыс. кук. пел.*, **быркайтны** *пукс. б-коч. иванч. лев.*,
быркйётлыны *чаз. юкс.* колыхаться, развеваться
бырөд *пукс. чур. лев.* вода, поднявшаяся на лёд (на озере, реке)
бэдн'иччыны *кук. пел.* обижаться, обидеться; *б-коч.* делать вид, что
беден (о богатом), приbedняться
бэк* бедро
бэкрен' *чур. пукс. иванч. лев. чаз. пел.*, **бикрин'** *юкс.* ляжка
бэл'атуту* ромашка
бэрин *мыс.-луп.* веснушка
бэринөс' *мыс.-луп.* веснушчатый
бэртлалны* отламывать

В

ваворобэй *иванч. лев.* оляпка
вага, квага* деревянный рычаг для поднятия тяжестей
вадзёлөса *пукс. чур. лев. чаз. пел.* содержащий много воды; слишком
сочный
вадзул'* капля воды
вал'скыны *хар. пятаг. кук. иванч. лев.* плюнуть, выплюнуть; сказать
не к месту, ляпнуть, *пукс. б-коч. кук. чаз. пел. юкс. дан.* плюнуть, выплю-
нуть
ван'н'ёл *пукс. хаз. лев. чаз. пел. юкс. иванч.*, **ванйёл** *б-коч.*, **зван'н'ёл**
пятаг. настежь
ватлайтны *пятаг. кук. пел.* пустословить, болтать, *б-коч.* бездельни-
чать, *чур. пукс. лев. чаз.* шить большими шагами, намётывать
ватлас'ны *б-коч.* слоняться без дела, бездельничать
вачкётны *кук.*, *вачкалны* *иванч.* отбивать (косу)
видлыны *мыс.-луп.* попробовать
виж зелёный (КПРС)
вижлök *пел.* громко разговаривающий, *пукс. чур. пятаг. иванч. лев.*
чаз. юкс. ругат. обжора, ненасытный, *хар. дан.* верзила
вижлök: вижлökсö кос'алö *б-коч.* о злом человеке
вижётны красить в зелёный цвет (КПРС)
виздыны* смотреть с завистью, ждать
вил'дас *мыс. хар. пятаг. иванч. лев.* обновлённый квас
вил'ин *мыс. хар. пятаг. чур. пукс. б-коч. хаз. иванч. лев. чаз. пел. юкс.*
дан. целина, новь; новина
вил'л'ун *хар.* понедельник

- вил'с'уас'ны** хар. чур. чаз. пел. юкс. молотить хлеб нового урожая
вил'ыт скользкий (о дороге) (КПРС)
вин'ёл* хилый, бледный, малокровный; худощавый
вирсн'итны мыс.-луп. улизнуть
вис'мыны мыс. хар. пятиг. заболеть
вис'отны* схватки у беременной
витул'и пукс. б-коч. лев. береговой зуёк, кулик
витшыкас'ны б-коч. хаз. иванч. чаз. пел. юкс. икать
вишкыны* нюхать
вишыкас'ны чур. пукс. лев. шмыгать носом
вож мыс.-луп. хаз. оглобля
вок мыс. иванч. брат
вок* двоюродный брат
волочушка юкс. иванч. волокуша, возок сена
вол'отны коч. хаз. пел. юкс. иванч. очистить от коры
вол'отны* бить
ворга чур. пукс. пел. лев. чаз. просвет в лесу в виде тропы
ворогуша лев. ворогуш, ворогуш кай чур. воробей
вочотны чур. пукс. б-коч. хаз. лев. чаз. пел. юкс. иванч. нарядить кого-л.,
 украсить что-л.
вочотны наряжать; украшать; приодеть (КПРС)
вочочыны чур. пукс. б.-коч. хаз. иванч. кук. лев. чаз. пел. юкс.,
вочоччыны иванч. чаз. пел. возвр. прихорашиваться, наряжаться, наря-
 диться, разодеться, заниматься украшением чего-л.
вбз' свиязь (вид утки) (КПРС)
вбйдны* отказать, отогнать
вбктис' чур. брезгливый
вбктыны чур. брезгать, брезговать
вблалны мыс. чур. пукс. иванч. лев. чаз. обтесать (топором), тесать;
 строгать (ножом)
вбрдны чур. пукс. хар. б-коч. иванч. лев. пел. юкс. желать чего-л. кому-л.;
 предвещать, предсказывать, чаз. предсказывать
вбтлыны хар. мыс.-луп. выгонять, прогнать; удалять, выгнать; высе-
 лять, выселить
вбчотны понудит. заказать что-л. сделать (КПРС)
вбчны мыс.-луп. делать, сделать, изготовить
вугыр гаг мыс.-луп. дождевой червь
вузалны мыс.-луп. пел. иванч. перен. проболтаться; наговорить; нажа-
 ловаться
вурд лев. чаз. пел. выдра

- вутш:** **мэнам вутшыс эстён горшам пукалӧ*** мне обидно
выкны *пел.* зазнаваться, зазнаться, задаваться
выктыны* брезговать
выл'ид'д'о *юкс. пукс. чур. б.-коч. мыс. пятиг. хаз. иванч. лев. чаз. пел. юкс.* выскочка
выл'л'ыны *чур. пукс. лев. неодобрит. разг.* жадно есть
вэж силок, приспособление для ловли дичи (КПРС)
вэж* зелёный, не спелый
вэжалун* праздник
вэжйагӧд* морошка
вэжмыны купаться, выкупаться (КПРС)
вэжӧкас'ны * ревновать
вэжур *мыс.-луп. иванч. лев. чаз. юкс.* сыроежка, **вэжйур** *дан.* жёлтая сыроежка
вэкса* предвешение
вэксуйтны* предвещать
вэкышас'ны *кук.* скривить рот, сделать недовольную мину
вэлалны* понять
вэлмӧсӧн* ясно, чётко, как наяву
вэмдыны *пукс. кук. иванч. лев. чаз. пел. юкс.* доставать что-либо из чего-либо; **вэмдыны кол'и** лущить орехи, **вэмдыны лы** обглаживать кости
вэржиччыны *кук., вэршиччыны пел. юкс. б.-коч. чаз.* представиться, мерещиться, чудиться
вэрийа* неровный; **вэрийа кымӧррӧз ултын ?** под разными (неоднородными, неровными) облаками
вэршнӧй *чур. пукс. б.-коч.* всадник
вэсӧт *хар. чур. кук. иванч. лев. чаз. пел.* росчисть
вэснӧдел'нӧй: **вэснӧдел'нӧй пу** *чур. лев.* весенняя древесина, *кук.* очищенная от коры берёза
вэс'калны *мыс. хар. пятиг.* попасть
вэс'с'алны *хар. пятиг., вэс'йалны б.-коч. кук.* лениться
вэтл'анӧй *пятиг. чур. иванч., вэкл'анӧй лев. чаз. пел. юкс.* бодрый, энергичный
вэтлӧтны *мыс. чур. пукс. хазов. иванч. лев. чаз. пел. юкс.* 1. ходить;
2. курсировать (о транспорте)
вэтӧрӧс *пел. лев.* вереск
вэтӧс *хар. лев., чэран' вэтӧс чур. пукс.* паутина, сеть
вэтымын *мыс.-луп.* пятьдесят
вэшшуйтны *пятиг. юкс.* появиться, представиться (о привидении), привидеться

Г

гал: **гал морос** *б-коч. хаз. иванч. лев. юкс. чаз. пел.* нараспашку, с открытой грудью

гантайтны *мыс. б-коч.* путать, спутать (нити), *пятиг. перен.* говорить, *чур. пукс.* потерять что-либо

гантайччыны *мыс. чур. б-коч.* возвр. путаться, спутаться (о нитках)

гач *мыс.-луп.* штаны

гашкё *мыс.-луп.* наверное, может быть

гижёт* бумага

глад' *мыс. хар. чур. пукс. хаз. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан.* гладкий, ровный

глукумыны *мыс. хар. чур. пукс.* глухнуть, оглухнуть, потерять слух

гоб *чаз. б-коч. чур. пукс.* подосиновик

гобл'ог *пукс.* омут

гобналны* ковырять

гол'ки *б-коч. иванч. пел. юкс., гол'ок дан., гол'и хаз.* картошка **гол'и** *пукс.* шишечки картофеля

гол'киэз *мыс. пятиг. б-коч. иванч.* грузила, мерёжи

голобн'ича *б-коч., гёлыбн'ича мыс.* чердак

гёгин *баб чур. пукс. б-коч. лев. чаз., гёгин'-баба, гёгин' мыс. пел.* повитуха

гёйгароз *пятиг.* зверобой

гёгл'ан *пукс. лев. чаз.* луг на мысу

гёгёрвоны *мыс. луп.* понять, сообразить

гёгыл' *хар. б-коч. лев. хаз., гёгл'ан пел. юкс.* круг

гёл'а *мыс.-луп. иванч.* бедно

гёлёй *пукс. чур. хаз. иванч. лев. пел. чаз.* бедный, **гёл** *б-коч., гёл' мыс.-луп.* бедный

гён'гуж *лев.* дикая морковь

гёрд гриб *пел., гёрд йура гриб мыс. иванч., гриб лев. пукс.* красноголовик

гёрдягёд *пукс. пятиг. лев. чаз.* земляника

гёрёктыны *мыс.-луп. пятиг. б-коч. чур. пукс. иванч. лев. юкс. чаз. пел. однокр.* заржать

гёс'т'инчи *мыс.-луп. пел. юкс. дан.* гостинцы

гётыр *мыс.-луп. иванч.* жена

гётыр пу *мыс.-луп.* невеста

град *мыс.-луп.* огород

гручкыны* скрежетать зубами

грэтшкан *иванч., гэрчкан пел., д'эрчкан чур. пукс. лев. чаз.* коростель

- гу чур.** б-коч. овощная яма, *мыс. хар.* яма, **гуйама** *пятиг.* яма
гуалны хоронить, похоронить (КПРС)
губэн': губэн'ёдз с'ойёмёс' *чур. пукс.* всю траву до земли съели (о скоте)
гудок *мыс.-луп.* гармонь; **гудок: с'игудок** *пятиг. хаз.* дудка, гудок
(старинный музыкальный инструмент)
гудокас'ны *мыс.-луп.* играть на гармонии
гудралны *мыс. хар. пятиг. иванч.* мешать, помешать; месить, замесить
гудыртны *мыс. хар. пятиг. чаз. б-коч. лев. дан. пел. юкс. хаз. иванч.*
сбивать, бить, сбить
гудырччыны *мыс.-луп. хар. б-коч. иванч. возвр.* заниматься замешиванием (теста)
гул'к* глоток
гул'тым* звук в горле при глотании
гул'тымас'ны* глотать
гулыт* гулкий, звонкий
гума: кок гума *чур. б-коч. хаз., кок гум* *мыс.-луп. лев. пел. иванч.* пу-
товая кость
гумйас'ны* образовать полый стебель, поспеть; налиться (о хлебах)
гумэн'ича *пукс. чур. лев.* покос на высохшем озере
гундыртны *чур. лев. чаз. пел.* чем-то заниматься по дому, *коч. б-коч.*
шалить, баловаться
гуран* яма; топкое, зыбкое место
гыбдыны* баловаться
гидйас'ны* запутаться в снасти (напр., о рыбе)
гылыт* скользкий
гым *лев. чаз. пел. юкс. хаз. иванч.* гром, громовой
гымга морда, верша (КПРС)
гымгыны: гымгыны кэрку* *перен. одобрит.* построить хороший
дом
гылтны *чур. лев. чаз.* сито (например, с ягодами) двигать по кругу,
весь мусор соберётся в центре, *мыс. -луп.* подмести
гыёрс'алны *мыс. хар. б-коч. хаз. чаз. лев. дан., гёрс'алны* *иванч. пел.*
юкс., гырз'ыны *пукс. чур. лев.* индеветь, заиндеветь
гырд *мыс. пятиг. б-коч. чур. пукс. лев. чаз. пел. юкс. иванч.* запёкшаяся
кровь; кровоизлияние в глазу
гырдёс'мём *мыс.-луп. пятиг. б-коч. чур. пукс. лев. чаз. пел. юкс. иванч.*
налившийся кровью
гырдётны *мыс.-луп. пятиг. чур. б-коч. пел. иванч.* налиться кровью
(о глазах); краснеть, покраснеть
гыркпытшк *мыс.-луп.* внутренности

гыччас'ны* качаться на качелях

гышкӧптыны пукс. лев. зажав нитку ногтями разгладить, чтобы не было узлов, чур. пукс. снять одежду (резко, быстро), пукс. снять нитку с клубка

Д

данас'ны пукс. пятиг. б-коч. иванч. хаз. лев. чаз. пел. юкс. дан. наталкиваться, натолкнуться

дбрун'и юкс. лев. пел. чаз. хаз. иванч. навозный жук

джуджыт чур. пукс. б-коч. высокий; глубокий

джуджытин хаз. луп. чур. б-коч. высокое место

джум пукс. глубокое место в реке

джумдор иванч. чаз. пел. юкс. обрыв, крутой берег

дзал чур. пятиг. хар. мыс.-луп. б-коч. лев. чаз. юкс. хаз. иванч. тоненькая палочка, прутик

дзал'а мыс.-луп. пукс. хар. пятиг. чур. ягнёнок, козлёнок, **дзал'апиан** юкс. дан. хаз. иванч. мыс.-луп. лев. чаз. ягнёнок

дзаргыны* ? резко толкнуть

дзардӧ пел. светлеет

дзарыт хар. пятиг. хаз., **дзар йугыт** лев. чаз. юкс. дан. светло

дзикталны* спутать; завязать так, что не развяжешь

дзиктас'ны, дзикӧтас'ны пятиг. чур. б-коч. хаз. иванч. лев. пел. чаз. юкс. пукс. спутаться, запутаться (о нитках)

дзим-дзуг* всё в порядке

дзир хар. пятиг. чур. пукс. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан. только

дзирбарас'ны пукс. пятиг. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. хаз. иванч. озираться, оглядываться

дзойна гайн. пятиг. лев. иванч. синица

дзол'и* мелкая картошка

дзуг пукс. чур. хаз. лев. чаз. пел. юкс. свилеватый (о древесине)

дзугйа: дзугйа пэз'ин иванч. лев. чаз. самострел с сетью (для ловли птиц)

дзудзгӧчыны* ласково говорить (с ребёнком), поигрывать

дзуза-база* с просветами

дзул'имкай чур. лев. иволга, чечётка (птица)

дзул'л'а* ? очень сырой; **дзул'л'а ва** насквозь сырой; **дзул'л'а лоас** насквозь промокший будет

дзул'ок* ? горочка, пригорок

дзундзэл'* милый; маленький

дзуркби *пятиг. чаз.* огонь, добытый трением
дзурыт *хар. лев. дан. чаз. пел., дзуркыт* пукс. скрипучий
дзурыт: дзурыт ва* жёсткая вода
дзэз *чур.* пищуха (птица)
дзэзмём* маленький ростом
дзэзмыны* перестать расти
дзэскамны* ? быть недовольным
д'ивно *мыс.-луп. хар. пятиг.* много
д'ик *мыс. хар. пятиг. чур. пукс. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз. иванч.* головокружение
д'икаритны дурачиться, баловаться
д'икмыны пукс. *мыс. хар. пятиг. хаз. иванч. лев. чаз. пел. юкс.* обалдеть, обалдевать; одуреть, отупеть, перестать соображать; сойти с ума
д'икёй* дурак
дикёйас'ны *пятиг. пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз.* дурачиться, строить из себя дурака
д'ичайтны, гичайтны *коч. хаз. иванч. пел. лев., д'ичуйтны* *мыс. хар. пятиг. б-коч. чаз. юкс.* болеть (о голове)
дойка пукс. *пятиг. б-коч. чаз. пел. лев. юкс. дан. иванч.* прыщик, короста, болячка, фурункул, рана
дойс'алны *пятиг. пукс. чур. б-коч. иванч. чаз. лев. пел. юкс. дан.* покрываться болячками, запаршиветь
дом *гайн. дан. лев. пел. чаз. иванч. мыс. хар. пятиг. б-коч.* узда
домалны *гайн. дан. лев. пел. чаз. мыс. хар. пятиг. б-коч. иванч.* обуздать
дон* бусы
доршас'ны навёртываться, навернуться (о слезах) (КПРС)
дошлэй* наводящий порчу
дөвкны наброситься (о собаке и т. п.); замахнуться на кого-л. (КПРС)
дөжмалны *б-коч., дөжмас'ны* пукс. *лев. чаз. пел. хаз.* ласкать, пестовать; возиться, играть (с ребёнком)
дөмс'ыны *чур. пукс. мыс. хар. пятиг. б-к. чаз. пел.* ставить верши
дөрём *мыс.-луп.* рубашка
дөс *чур. пукс. лев. чаз. юкс. иванч.* всё
дрөббөк* подмёрзший; пугливый
дрөчитны *юкс. хар. пятиг. иванч. лев.* нежить, нянчить
дрөчиччис' *юкс. хар. пятиг. иванч.* нянька, пестунья
дубыт недосолённый (КПРС)
дузгырччыны пукс. *чур. б-коч. лев. пел. юкс. чаз. хаз. иванч.* насупиться, рассердиться
дукавудж *мыс.-луп.* валерьяна

дыгыт* ленивый

дызгыны *кос. пятиг. пукс. чур. б-коч. хаз. иванч. лев. чаз. пел. дан.*
мычать, промычать

дыныша мыс. *б-коч. пукс. чур. иванч. лев. чаз.* комлистый, с толстым
комлем

д'эб* мошка

дэбыт, д'эбыт* тёпленький (о жидкостях)

д'эжмалны *чур. б-коч. лев.* отграничить

д'эрт *мыс.-луп.* конечно

Ж

жавариха* клюква

жарётны *пукс. чур. б-коч. мыс. хар. пятиг. лев. дан. чаз. пел. юкс. хаз.*
иванч. затопить (печь)

жо* калина

жойагёд* ягоды калины

жотка *пукс. чур. чаз. пел., шотка б-коч. мыс. лев.* щётка (пучёк волос
над копытом лошади)

жугыл'ччыны *б-коч. пел. юкс.* состояние домашнего животного пе-
ред отёлом; *пятиг.* злиться; *хаз.* худеть, похудеть

жун'-ман' *коч. чаз.* то да сё

жун'ман'ас'ны *б-коч. чаз. пел.* бездельничать, но делать вид, что ра-
ботает

жыгйа занозистый (КПРС)

жэб *хар. пятиг. иванч.* слабосильный, хилый; старый, ветхий, *пукс.*
чур. лев. юкс. чаз. пел. хаз. старый, ветхий

жэвыл'ик* жиденский

жэвыл'тны *чур. пукс. лев., жавыл'тны б-коч. чаз. юкс.* жевать

жэгдыны *мыс. пятиг. лев. пел. хаз. иванч.* бить, ударять, *чур. пукс.*
б-коч. чаз. юкс. дан. бить головой

жэл'дыны *иванч.* расщепиться, треснуть, дать трещину

жэл'нөг чача* цветок шиповника

жэч* жёсть

З

з'айк *чур. пукс. иванч. лев.* много

звоз *пукс. чур. иванч. лев. чаз. пел., сарай звоз мыс. лев. чаз.* помост
для въезда на сеновал

зил'ны* стараться
зöрйалны *иванч.* смешивать с овсом
зудйа* слишком плотный (о хлебе)
зул'öтны *мыс. пукс. хаз. иванч. пел. юкс.* показывать, показать, указать
на что-л., ткнуть носом, *б-коч. иванч. чаз. пел.* бить, набить
зумыт* твёрдый; суровый (о характере)
зумыт: зумыт н'ан' *чур. пукс. лев. чаз.* плотный (хлеб); йагöдыс зу-
мыт ягоды плотные
зургис'ны *пятиг. б-коч. чаз. хаз. иванч.* протискиваться, проникнуть
куда-л., втыкаться, воткнуться
зывöктыны *пукс. б-коч. чаз. хаз. иванч.* нить, надоедать
зыкöтны: зыкöтны-с'ылыны *лев. пукс. чур. лев. чаз. пел. юкс.* громко,
хорошо петь, зыкöтны-йöктыны *б-коч.* хорошо танцевать
зынбус* салага
зырöтны *мыс. лев. чаз. пел. иванч.* нападать, напасть (о враге), набро-
ситься
з'эмл'анöй ладан *иванч.* валерьяновый корень
з'эмл'анка *б-коч. хаз. иванч. чаз. юкс.* земляника
з'эп *мыс. чур. лев. чаз.* карман
зэркйыны-чеччалны *мыс. б-коч. иванч. лев. чаз.* подпрыгивать
(напр., при тряской езде)
зэрна мач* дождевик

И

ин'кавöр *коч. хаз. иванч. б-коч. собир.* женщины, женская половина
истöг* спичка

Й

йандзим *мыс.-луп.* половые органы
йандзим* глухое место в лесу
йандзим* стыд
йандис'ны* стыдиться
йанöтны *мыс. б-коч. чаз. пел. юкс.* светить в лицо; шонди йанöтö
рожа да синнэз солнце светит в лицо
йанöтны* выделять цветом
йирмалны* начинать мёрзнуть
йитрика* с комками
йитрикön* клубами (о дыме, напр.)
йöз *мыс.-луп.* люди

йёй *мыс. хар. пятиг. иванч. дан.* глупец, дурак; глупый, бестолковый,
чаз. хар. пятиг. б-коч. дикий, дурной

йёйалны, йёйталны *мыс.-луп. хар. пятиг. иванч.* баловаться

йёймыны *мыс. хар. пятиг. б-коч. иванч.* глупеть; дичать, одичать
(о человеке); сходить с ума

йёлк *чур.* эхо

йёлс'алны *мыс. хар. чаз б-коч. хаз. иванч. лев. дан.* отелиться

йёндёд *пукс.* низменный сырой болотистый луг, **йёнод** *чур. лев.* поля-
на в лесу на сыром месте

йёр *мыс. хар. пятиг. пукс. чур.* огород

йёрдан загородка для скота, **йёрийан** изгородь, загон

йёрдан *пятиг.* прорубь

йуан* ячменный квас

йумз'отны* сделать сладким, подсластить

йумёл *чур. мыс. хар. пятиг. пукс. б-коч. иванч. дан. лев. чаз. пел. юкс.*
сладкий

йурвэжёр *мыс.-луп.* память, ум

йур чашка *мыс. пукс. чур. б-коч., йур чашки мыс.-луп. иванч. чаз. пел.*
юкс. лев. череп

йушка *мыс.-луп. хар. б-коч. дан. чаз. пел. юкс. иванч.* катушка для ни-
ток

йыздыны* чувствовать холод, мёрзнуть

йылны* расти

йэгыр *мыс. лев.* болотистый лес

йэжалны *коч. б-коч. хаз. иванч. лев. пел. юкс. чаз., йэжны пукс. чур.*

оттаивать, оттаять

йэнбобо *чур. пукс.* божья коровка

йэнкёбылка *хар. хаз. иванч. чур. пел. юкс. дан.* кузнечик

йэнбж небо (КПРС)

йэрдёт лужайка (КПРС)

йэрмол'иччыны *хар. пятиг. б-коч. иванч.* не сидеть спокойно, вер-
теться на месте

йэрэкн'ик *мыс. пятиг. пукс. чур. иванч. лев. чаз. пел. юкс.* еретик; зна-
харь, колдун

йэтшалны *пятиг. пукс. чур. лев. чаз. юкс., йэтшас'ны б.-коч. пел.* ле-
чить, вылечить, читая молитвы

йэтшалны* обделить, мало достаться; наговорить на пищу для боль-
ного

йэштём* спелый

йэштыны* поспеть, стать спелым

К

- кабан'итны*** давить
кагапийан *гайн. мыс.* ребёнок
кад *пукс.* болотистый качающийся берег озера, реки
каз' тенёта (КПРС)
каз'алны ставить тенёта (КПРС)
кал'абуч *чур. пукс. лев. чаз. пел.* кляп, кляпик (в ловушках)
кал'апа* маленький, щупленький
кал'ва *пятиг. дан., кал'л'а иванч.* последнее пиво, наиболее жидкий квас
калз'бм *пятиг. б-коч. чур. пукс. лев. чаз. пел. юкс. дан., калмбм хар. б-коч. пел. чаз. хаз. иванч.* застиранный
кал'кётны *лев. чаз. пел.* раздвигать (напр., шторы); отделить, отделить
кал'л'ыны *коч., пал'л'ыны пукс. чур. лев. чаз. пел.* врать, болтать, наболтать
камралны* ? хватать, брать
капусн'ик *чаз. мыс., капус'н'ик чаз. пел. юкс. дан. иванч. хаз.* огород
карта: *картаб пэтны мыс. хар. пукс. чур. б-коч. хаз. иванч. лев. пел. чаз. юкс. дан.* после женитьбы поселиться в доме невесты
карыша: *карыша рожа пукс. чур. хар. пятиг. лев. чаз. юкс. дан., ка-руш иванч. ругат.* противный человек
карэн'га* сплошная короста
катётны *мыс. пятиг. пукс. пел. чаз.* что-либо поднимать по воде вверх по течению
катны *мыс. пятиг. пукс. пел. чаз.* плыть против течения
квайтымын *мыс.-луп.* шестьдесят
квасёл'а *пел.* жидкий квас
кват'кун коростель (КПРС)
ки помис' *мыс.-луп.* рукодельный, ручной
кикар *лев. пел. юкс., т'икар чур. чаз. лев.* предплечье
кин'н'а* из-за: **сойыс кин'н'а** из-за сестры
кипзёл: **кагаыс кипзёл** *лев. чаз. пел. юкс.* подвижный (о ребёнке), *чур. пукс. иванч.* беспокойный
киритны *мыс. иванч. б-коч. чаз. пел. юкс.* вычеркнуть, вычёркивать (из списка), *хаз.* стереть (резинкой)
кичышкёт *мыс.-луп.* полотенце (любое)
коблалны* ? жадно пить, пить большими глотками
код'он* хорошо

код'а хар. пятиг. пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз. иванч. хороший; удобный

коди / код мыс.-луп. кто

кодколну пукс. чур. хар. пятиг. б-коч. хаз. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан. однажды, намеренно

кодн'уис' коч. намеренно, на днях, однажды

код'тёмас'ны* преддровые схватки (у животных)

кодыр мыс.-луп. когда

кор мыс.-луп. когда

козол' коч. иванч. весенние побеги на ели, **козул'**: **кызз козул' йон** пятиг. крепкий

койны чур. лев. чаз. б-коч. токовать (о тетеревах), пукс. гулять, развратничать, чур. пукс. много ходить; **койё** чур. пукс. б-коч. очень много (чего-либо или кого-либо)

кокальны* рыхлить, копать

койыны пукс. чур. мыс. хар. б-коч. лев. дан., **колгыны** пятиг. хаз. иванч. пел. чаз. юкс. лить (о сильном дожде)

кол'таалны мыс. иванч. связывать в снопы

комидз: лук комидз мыс.-луп. зелёный лук; перо лука

комол' пукс. чур. пятиг. лев. чаз. пел. юкс. иванч. ком крутого теста (для сочней)

комын мыс.-луп. тридцать

кон'ёр мыс.-луп. бедный

конгыны иванч. звенеть (об ударах обухом топора о крепкое дерево); громко мычать (о корове)

коноворот* буравчик

копалка пятиг. мотыга, тляпка

копэч пукс. чур. на зиму овощи складывают в кучу и засыпают толстым слоем земли

корог* глыба

кор-с'урё мыс.-луп. когда-либо

кортсётны чур. пукс. б-коч. иванч. лев. чаз. пел. юкс. жарить, поджарить (до образования корочки)

кортсас'ны лев. чур. пукс. чаз. пел. юкс. высохнуть, пересохнуть; подгореть

кос' мыс. бой, сражение; драка

кос'* пережат на реке, мель

кос'алны (му) мыс. лев. рыхлить землю

кос'ас'ём хаз. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан. драка

кос'ас'ан мыс. пукс. чур. юкс. лев. чаз. место драки

кос'ас'ис' *мыс. хар. пятиг. пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз. иванч. драчун*

кос'ас'ны *мыс. хар. пятиг. пукс. чур. б-коч. иванч. хаз. юкс. лев. чаз. пел. дан. драться, подражаться; драться, сражаться*

кос'кѳм *чур. пар (под озимые)*

кос'ны: кос'ны (н'итш) *пел. дан., кочны: кочны (н'итш) юкс. снимать мох*

кост *мыс. иванч. промежек (часть зарода между двумя стожарами)*

кот' *чур. мыс. иванч. ток; место, где токуют птицы*

котыр *мыс. гнездо (растений), гнездо, выводок (птиц)*

кочѳг *лев. чаз. пел., кочѳг пятиг. мыс. колики; кочѳг: кочѳг тойны пукс. чур. народный способ лечения*

кочкѳтны *пятиг. чаз. иванч., кочкальны пел. колоть (в боку)*

кѳбрѳг *мыс. чур. пукс. иванч., пѳгрѳб б-коч. хаз. лев. чаз. пел. юкс. дан. погреб*

кѳв'ѳрд'итны* *испражняться (в большом количестве)*

кавѳрд'итны* *испражняться (в большом количестве)*

кѳджа* *гора, пригорок*

кѳдз* *мелкая галька*

кѳдза* *мелкая галька*

кѳдзылс'алны *покрываться звѳздами, мерцать (о звѳздах) (КПРС)*

кѳза* *треножник (светец для лучения острой)*

кѳзйа *коч. иванч. лев. пел. чаз. юкс. хаз. ельник*

кѳй *мыс. уж, гадюка*

кѳкша* *кол, изготовленный из ствола маленького дерева с отвлѳтвлением на верхнем конце, втыкаемый в землю и используемый в качестве вешалки при очищении сети от мусора и для её сушки*

кѳлас: н'ин кѳлас *мыс. чур. пукс. б-коч. лев. пел. чаз. юкс. связка полосок лыка для плетения лаптей*

кѳлйалны *лев. мыс. чаз. избѳр. ходить*

колкн'итны* *резко вылить (напр., воду)*

кѳм *мыс.-луп. специальная обувь для надевания лыж*

кѳм *обувь (КПРС)*

кѳртмалны *пел. обмениваться товаром; взять в долг*

кѳсйыны *мыс.-луп. хотеть*

кѳскѳз *чур. пукс. мыс. б-коч. хаз. иванч. лев. очищенная от коры ель*

кѳслун* *пост*

кѳсперк* *тощий*

кѳчкоккс'алны* *начинать киснуть*

крѳмыстайтны* *быть привередливым, привередничать*

круг *мыс. пукс. чур. б-коч.* везде, всюду
ку *шкурка, мех; овчина (КПРС)*
куёлтны *чаз. пукс. б-коч. безл.* стать пасмурным
куалны* (напр., **куалны вёр**) *укрыть (укрыть снегом лес)*
куд *мыс. чаз. пел.* ящик
куд'эйар *ряженный на свадьбе (КПРС)*
куйлас *лев. чаз. пел. юкс.* лежбище (зверя)
куку бака* *берёзовая губка*
кул'бук *мыс.-луп. валуй*
кулк-палк *лев. хаз.* кубарем
кулк-палк* *изобр.что-либо быстро сделать*
култыртны *чаз. пукс. чур. лев. чаз. пел. юкс. иванч.* токовать
кундыны: **пел'л'эзёс кундис*** *уши заложило*
кунмалны* *мыть в щёлоке*
купйён* *на закорках*
курдалны* *недовольничать, быть недовольным*
куриччыны *мыс.-луп.* курить
курскыны* *кашлять*
куру* *прятки (игра)*
кут': кут' баба *пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. иванч.* так поды-
 вают наследку
кучкалны *бить, колотить, хлестать чем-л. (КПРС)*
кучкыны *ударить, стукнуть кого-либо (КПРС)*
кыз' *мыс.-луп.* двадцать
кызётны *пятиг. пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел.юкс. иванч. хаз.* кашлять
кызёччыны *пятиг. возвр.* кашлять, мучаться кашлем
кыйны* *бросить*
кылёт* *что-то жидкое, чем можно запить*
кыла-гора* *разговорчивый*
кылтёт *коч., кылыт пел.* быстрина (в реке)
кылтыт *пукс. пятиг. мыс. лев. чаз. пел. юкс.* вниз по течению
кымёр *мыс. хар. пятиг. чур. пукс. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз.*
 небо
кырдыны* *сделать выемку*
кырдём: кырдём пыж* *долблёный рыбацкий челнок*
кырётны *чур. б-коч.* сломать
кырсалны *мыс.-луп. груб.* гулять, развратничать
кырыл *мыс.-луп. пятиг. чур. лев. чаз. пел. юкс. иванч. пукс.* уклон,
 склон (возвышенности), **кырылаин** *мыс.-луп. юкс. иванч. чаз.* покатое
 место, склон горы

кыс *чур. мыс.-луп. иванч.* шкура из ноги лося
кыса *чур. мыс.-луп. иванч.* сделанный из шкуры ноги лося
кысйӧтны дать поручение кому-л.; просить кого-л. сделать что-л.
кыштыпӧлстиас'ны* разминуться
кэрсыны, кэрс'ыны* квохтать, кудахтать

Л

л'абан *лев.* лжец, лгун; *хаз.* пустозвон, пустомеля
лабута *мыс.-луп. пукс. б-коч. иванч. юкс. лев. чаз. пел. дан. перен.* мед-
лительный; неповоротливый человек
л'агӧт *хаз. дан. л'ӧгыт пятиг.* низина в поле
лаговка* маленький бочонок, у которого на вбитой крышке есть от-
верстие
ладзалны* протопиться
л'адзгайтны* протирать нечисто, небрежно
лаж: **лаж кэрс'ыны** *мыс.-луп. пукс. лев. дан. иванч., лажӧлччыны*
пел. сесть, присесть
лажйалны *пукс. б-коч. хаз. иванч. лев. чаз. пел.* ходить покачиваясь
лажмыт *мыс.* низкий; мелкий, неглубокий
л'акалны *мыс. хар. б-коч. пятиг. пукс. чур.* белить белой глиной
(напр., стены дома)
лакитны *лев.* лакировать, покрывать лаком
лапӧл: **мӧд лапӧл, талапӧл** *лев. чаз. пел. хаз. юкс. дан. иванч. мыс.*
хар. пятиг. пукс. б-коч. сторона, направление
лапйа *мыс.* шалаш
л'апыт *пятиг. пукс. чур. лев. чаз. пел. юкс. б-коч. мыс., лапыт хаз.*
низкий; мелкий, неглубокий
лапэс' *мыс.-луп., лапӧс': кок лапӧс'* *б-коч. пел. дан. иванч.* ступня,
стопа
л'арва *коч. лев.* зубоскал
лас: **пэчкан лас*** сиденье у прялки
лат' прут, подкладываемый под копну (чтобы удобнее было её везти)
латшкыт *чур. мыс. пятиг. лев. чаз. юкс. хаз. иванч. латшын'ик б-коч.*
пел. дан. коренастый
л'ач: **л'ач вамыны*** насквозь промокнуть
лачэг *кос.* росوماха
л'обӧтны* дрожать
логз'а *пукс. хар. пятиг. б-коч. лев. чаз. юкс. дан. иванч. лог юрс'иа*
пел. ругат. о женщине, девочке с неаккуратными волосами

- лола** лось
л'ол'л'ас'ны* спуститься, не держаться на резинке (о носках, штанах, чулках и т.п.)
ломз'ыны* протопиться
лоп лопасть (весла) (КПРС)
лоп* селезёнка
лоток пукс. мыс. хар. б-коч. хаз. лев. чаз. пел. юкс. дан. лодок (для катания с гор)
лошиччыны* широко рассестся
лөдöзалны* сделать изгородь путём подсечки деревьев
лөдсалны пукс. мыс.-луп. хар. пятиг. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз. иванч. добавить дров
лөз чача* василёк
лөзöт пукс. чаз. заграждение из хвойных веток по бокам силка
лөп чаз. юкс. иванч. род, пукс. чур. б-коч. иванч. лев. чаз. пел. дети, ребята
лөс'аммыны* поправиться
лөс'ыта мыс.-луп. иванч. хорошо, удобно
лөч мыс.-луп. силок, ловушка
л'уалны* ослизнуть, стать слизким (напр., о долго лежавшей квашеной капусте)
лузан мыс. лузан (охотничья одежда)
лыва хар. дан. лужа
лыва: лываыс абу пятиг. ума, разума нет
лыд'д'ыны мыс.-луп. читать, прочитатель
лыз' мыс.-луп. хар. лыжи
лын'н'авны* слоняться, отлынивать
лыс'өр: йон лыс'өра чур. пукс. б-коч. ширококостный; крепкого телосложения
лыс'им коч. хаз. б-коч., **лыс'өм** пукс. лев. чаз. юкс. дан. тело, телосложение
лытор* панок, грудная косточка ?
лыч пятиг. ботва картошки
лычкыны коч. хаз. дан. пить большими глотками
лышкыт мыс., **рышкыт** пукс. б-коч. хаз. лев. чаз. пел. юкс. щедрый, нежадный (о человеке)
лышкыта мыс. неплотно
л'эл'гыны* ворчать, повторять, болтать
л'эпэтки: л'эпэтки кынöм с'ималö очень кушать хочется

М

- матшалны, маджалны** *мыс.* отсидеть (ногу)
- майбыр** *мыс.* счастливый; *юкс.* используется в качестве прозвища одной женщины
- мал'амут** *коч.* низкорослый человек
- мал'амуш** *мыс.* *пукс.* *пятиг.* *лев.* *юкс.* *пел.* *дан.* *иванч.*, **мал'амош** *б-коч.* *лев.* *чаз.*, **бал'амош** *хаз.* пчела; **мал'анка** *чур.* *пукс.* *лев.* пчела
- маннб** *пукс.* *лев.* *юкс.* *чаз.* приятно, по душе
- матка** *мыс.-луп.* *иванч.* компас
- матшбтны*** жать (об обуви)
- мат'эрик** *пукс.* *пятиг.* *лев.* *чаз.* *пел.* возвышенность, покрытая хвойным лесом
- мачас'ны** *мыс.-луп.* играть в мяч
- мачитны** *мыс.-луп.* *юкс.* макать
- мидбблтны-с'ималны** *б-коч.* *иванч.*, **н'идзылтны** *лев.* *чаз.* *пел.* *юкс.* *дан.* *хаз.* о сильном голоде
- мидбблтны-уджалны** усердно работать (КПРС)
- мижйалны** *пукс.* *чур.* *лев.* медленно ходить, что-то высматривая
- мижуй** *иванч.* медлительный человек; *коч.* недалёкий человек; *пукс.* *лев.* близорукий человек
- мизгыр** *мыс.* *хар.* *лев.* *чаз.* *пел.* *юкс.* *дан.* *хаз.* *иванч.* угрюмый человек, *хар.* *пятиг.* *хаз.* нытик
- мизгырас'ны** *мыс.* *хар.* *пятиг.* *иванч.* *хаз.* *лев.* *чаз.* *пел.* *юкс.* сердиться, дуться; нить, хныкать
- митны** *чаз.* *иванч.*, **н'итны** *б-коч.* *лев.* *пел.* *дан.* *прост.* побить, намять бока
- мич** *лев.* *пукс.* *чур.* *чаз.* *пел.* *юкс.* *дан.* краска для окрашивания шерстяных ниток
- мич** *хар.* *пятиг.* *пукс.* *чур.* *лев.* *пел.* *юкс.* *хаз.* *иванч.* краса, красота
- мичлун** счастье, радость (КПРС)
- могдыны** *хар.* *пятиг.* *б-коч.* *хаз.* *иванч.* оказать помощь кому-либо в чём-л., *пукс.* *чур.* *иванч.* *лев.* *чаз.* *пел.* *юкс.* выручить, дать взаймы
- мол'га*** рукоятка весла с отверстием в верхней части (для удобства, а также использования в качестве багра)
- моршэн'** *хар.* *пятиг.* *пукс.* *б-коч.* *чур.* головной убор замужней женщины в виде кокошника
- мббббтм** *мыс.* *хар.* *пятиг.* *пукс.* *чур.* *лев.* *чаз.* *пел.* *юкс.* *дан.* *хаз.* *иванч.* отправленный (о ком-либо); отосланный (о чём-либо)
- мббббтны** *лев.* *чаз.* *пел.* *юкс.* *дан.* *хаз.* *иванч.* *пукс.* *чур.* отправить, отправлять кого-л.; послать, отослать, выслать, переслать что-л.

- мөдөччид, мөччид** хар. пятиг. пукс. чур. б-коч. в другой раз
мөдөччылны мыс. хар. пятиг. лев. чаз. пел. юкс. иванч. однокр. соб-
 раться в путь; отправиться в путь
мөдөччыны лев. чаз. пел. юкс. дан. иванч. собираться в путь; отправ-
 ляться в путь
мөсгөб пукс. чур. б-коч. белый гриб, коровяк
мут, мугыт пятиг. чур. ленивый
муздой: муздыйэз лэдзалны пятиг. вспороть живот (у животного)
мурамарас'ны лев. пятиг. медлить, не спешить, делать что-л. мед-
 ленно
мураш коч. хар. пятиг. хаз. иванч. юкс. дан. муравей
мурашөвн'ик пел. муравейник
мурйалны чаз. пукс. чур. б-коч. хар. пятиг. лев. пел. юкс. иванч.,
мырйалны хаз. быть яловой
муркөтны мыс. топтать сено (на стогу)
мурмарас'ны* говорить невнятно
мускыт коч. пукс. чур. б-коч. мыс. хар. пятиг. лев. чаз. юкс. пел. дан.
 хаз. иванч. сырой, влажный, отсыревший
мутовка лев. мыс. хар. иванч. чаз. пел. юкс. дан. мутовка (простая
 мельница с подливным колесом)
мутэй, мут'эй пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. хаз. иванч. мутовка
мый-н'набуд' чур. лев. пел. юкс. дан. иванч. что-нибудь
мынөтны мыс. хар. пятиг. б-коч. лев. иванч. освободить, освобождать
 кого-л.; смывать, смыть; стереть, пукс. чаз. пел. юкс. дан. смывать, смыть;
 стереть
мынны хар. пятиг. б-коч. лев. пел. дан. уходить, вырваться откуда-то;
 срываться, сорваться, соскользнуть; пукс. сходить, сойти (о краске)
мынс'ыны лев. хаз. освобождаться, освободиться, вырваться
мынтөм хар. пятиг. освобождённый; избавленный от чего-л.
мынтны хар. пятиг. освобождать, освободить что-либо; освобож-
 дать, освободить, избавить кого-л.
мырйагөд брусника (КПРС)
мырпон б-коч. морошка, мыс. костяника
мырыл пукс. чур. пень
мэд мыс. хар. пятиг. б-коч. лев. пел. чаз. юкс. дан. иванч. хаз. пукс. чур.
 пусть, пускай
мэдөк* пусть; **мэдөк оз пыр** пусть не заходит
мэжомка чур., **мэжонка** лев. гермафродит
мэжонной: мэжонной чэри* рыба с запахом (приготовленная особым
 образом)

мэст'итны, мэс'т'итны *мыс. пятиг. пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз. иванч.* найти место; положить на место

мэст'иччыны *мыс. пятиг. чур. пукс. лев. чаз. пел. юкс. дан. хаз. иванч.* размещаться, разместиться; помещаться, поместиться

Н

набл'удайтны *лев.* угощать, оказывая особое почтение
назыл'айтны *хар. пукс. чур. лев. чаз. пел. юкс. хаз. иванч., дёзыл'айтны*
дан. надоедать кому-л.

найдан *иванч.* находка; *хар. пятиг. пел. хаз.* внебрачный ребёнок; *хар. юкс.* найдёныш, подобранный детёныш (напр., шенок)

найдан *пукс. чур. лев. чаз. ругат.* о человеке, который живёт за чей-то счёт

н'ап *мыс. хар. пятиг. б-коч. пукс. чур. лев. пел. юкс. чаз. дан. хаз. иванч.* шиповник, ягоды шиповника

н'апйагёд *б-коч.* ягоды шиповника

напроч *хар. пукс. чур. хаз. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан.* очень, сильно, совсем

н'арас'ом *пятиг.* борьба, драка

н'арас'ис' *пятиг.* тот, кто любит бороться, мериться силами, драчун

н'арас'ны *пятиг.* бороться, мериться силами, драться

нарман *кос.* грабли

нарт'итны* дразнить

нартён *чур.* соединив две лампы и сделав что-то наподобие нарт

нач* совсем

начак *чур.* сильно, очень

начкыны *лев. мыс. хар. пятиг., начкылыны б-коч. лев. чаз. дан. иванч.*
перен. зарезать (о человеке)

н'ашн'итны *мыс. хар.* вырвать со злостью

н'ил'ны *хар. пятиг. пукс. чур. б-коч.* толочь

н'ил'скёптыны слезать, слезть (о коже) (КПРС)

н'ил'чыктыны делать что-л. небрежно, неумело (КПРС)

н'ин *мыс.-луп.* уже

н'ирыштны *лев. чаз.* снимать мох

нокот' *пукс. лев. лень, нокот': нокот' кутё чур. мыс. пятиг. лев. чаз. пел. дан. иванч.* жар у лошади, болезнь

нокот'ёс' *чаз. пел.* ленивый

нокот'с'алны *дан.* облениться, разлениться

ноп *мыс. пятиг. иванч. лев. чаз. пел.* мешок, котомка, заплечный мешок; **ноп б-коч.** удар кулаком по спине

нопкѳтны *иванч. чаз. пел. юкс.* ударять, хлопать по спине (чаще о кузове из бересты), бить по спине кого-л., **нопйалны** *пукс. чур. лев.* бить по спине кого-л.

норпас'ны быть в болезненном состоянии (КПРС)

н'оштѳмас'ны *хар. пятиг.* злиться, хмуриться

нѳлмѳм: нѳлмѳм ва *чур. лев. чаз.* чуть нагревшаяся вода

нѳрз'ѳм *пятиг. чур. пукс. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. хаз. иванч.* сливки

нѳрз'ыны *коч. пятиг. чур. пукс. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. хаз. иванч.* отстояться (о молоке)

н'удз *мыс. пятиг. пукс. иванч.* водоросль

нуж *хар. б-коч.* хилый, щуплый, **нужэн'ик** *хар. пятиг. б-коч. чур. пукс. лев. чаз. пел. юкс. хаз. иванч.,* **нужын'ик** *дан.* худой, хилый

н'уж, н'ужа *мыс. хар. пятиг. лев. чаз. пел. юкс. дан.* длина нити от кудели до веретена

нуж'эн'ик медлительный, ленивый (КПРС)

нужэнмыны, нужэнчыны *пятиг. пукс. чур. б-коч. лев.,* **нужѳчыны** *чаз. пел. юкс. дан. хаз. иванч.* худеть, похудеть, исхудать

н'уз' тихий, медлительный

нужгыны *пятиг. чур. пукс. б-коч. лев. чаз. пел. дан. хаз. иванч.,* **назгы-ны** *мыс. хар. чаз. юкс. дан.* гнусавить

н'ултйас'алны* покрыться плёнкой (о стоячей воде)

нумэр *лев. чур. пукс.* огород

н'урмол' *мыс. б-коч. коч. чаз. юкс. пел. хаз. иванч.* клюква

н'ылас пицевод (КПРС)

н'ылк отлогое (пологое место), ложбина; низина, затопляемая водой (КПРС)

н'ылкмѳса покатый, пологий (КПРС)

н'ылкничыны *лев. чаз.* никнуть, поникнуть

нылковѳй: нылковѳй ныл *лев.* старая дева

ныркны *отопк. чаз. юкс.* заставлять

нырѳт: таг нырѳт* высушенный после использования хмель

н'эжлас'ны *хар. пятиг.* нежиться, предаваться неге; капризничать, куситься

н'элнука *лев.* немного

н'эмин'а *коч. хар. пятиг. дан.* нужно, необходимо

О

од зелень (первая зелёная трава), всходы (КПРС)
 од'ор *чаз.* двухколёсная телега (для перевозки снопов)
 олмбччыны *мыс. хар. чаз. пел. юкс. хаз. иванч.* зажить (хорошо)
 ол' *мыс.-луп.* шукура оленя, лося
 омбн *чур. мыс. хар. пятиг. б-коч. пукс. лев. чаз. пел. юкс. иванч.* прямо, прямоком
 омбна *чур. лев. чаз. пел. юкс.* поперечный
 омбналны *мыс. хар. пятиг.* пройти поперёк, пересечь; помешать чему-л., *пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. иванч.* пройти поперёк, пересечь
 он'н'айура *лев. чаз. пел. юкс. иванч. пукс. чур., ан'н'айура дан., ун'н'айура мыс.-луп.* вниз головой
 он'н'ышны *чаз.* подставить ножку, дать подножку кому-л.; *хар. лев. пел. юкс. иванч.* (сильно) ударить кого-л. чем-л.
 ордалны *пятиг. лев. пел. юкс. чаз.* буйствовать, бушевать, буяннить; носиться сломя голову
 осокар *пел.* место, поросшее осокой
 ос'с'а *чаз.* сухой лишай (на коже тела)
 ос'с'а: ос'с'а йагбд рано созревшая ягода ?
 отаин *мыс. пятиг. пукс. чур. б-коч.* долина
 ош гриб *мыс.-луп.* боровик

Ӧ

ӧбл'эд' *пукс. ӧгбэд' иванч., ӧбид' б-коч. пятиг. ӧбл'ид' луп., ӧтбэд' чур. ӧдздӧтӧм пятиг. пукс. кук. иванч. чаз. пел. юкс. дан.* растопка (печи)
 ӧдздӧтны *пятиг. пукс. б.-коч. кук. иванч. чаз. пел. юкс. дан.* растапливать, растопить (печь)
 ӧжӧг *луп. хар. пятиг. б-коч. кук. иванч. пел. дан.* ожег (палка для помешивания дров в печи); с'ӧд ӧжӧг *чур.* неряха, топ ӧжӧг вэтлӧтӧ *чаз. юкс.* неряха
 ӧзын *хар.* место на берегу, куда выкатывают лес для сплава
 ӧм кал'ич *чур. лев.* челюсть
 ӧмкӧрталны *луп. хар. б-коч. кук. иванч. лев. пел. данил.* взнуздывать, *чур.* при отсутствии жвачки корове и овце завязывают лыко в рот и за уши
 ӧприч *хар. кук.* кроме
 ӧрдӧн *чур., ардын чаз. пел.* лошадь – тяжеловоз (ардынской породы)

өрд'а пукс. чур. толстый человек, **өрт'а** кук. лев. толстый человек; не-поворотливый человек

өтвыл* рядом

өтрөст'эл' хар. пятиг. б-коч. кук. иванч. лев. чаз. юкс. отросток (у дерева); ветка

өччид иванч. лев. чаз. пел. дан. однажды, один раз

өччидөн иванч. лев. чаз. пел. по одному разу; за один раз

өш, өшка чаз. б.-коч. пятиг. чур. пукс. луп. хар. иванч. лев. пел. юкс. кастрированный бык, дан. бык, **өшка** кук. чаз. кастрированный бык

өшымөс хар., пятиг., чурак., пукс., б-коч. колодец

П

пабэрэжка чур. пукс. хар. лев. покос вдоль берега реки

паграс лев. облако, туча

пакрас'ны наклоняться, нагибаться

палдөтны пукс. чур. б-коч. мыс. хар. пятиг. лев. чаз. пел., **палгөтны** юкс. расстелить

пайис'ны мыс.-луп. отметить где-л.

пайыны мыс.-луп. отметить

пач мыс.-луп. печь

пашина пашина (кожа из паховой части тела животного) (КПРС)

пи сын (КПРС)

пия с сыном, с детёнышем (о диких животных, о кошке, собаке) (КПРС)

пил'эм лев. ловушка, западня (напр., для зайцев)

пин'д'и чур. мыс. хар. пятиг. б-коч. лев. иванч. вместо; **пynd'и** мыс.-луп., **пин'д'и** чаз. пел. юкс. дан. вместо; из-за

пин'туйалны пукс. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. иванч. откусить, надкусить; надгрызть

пичирты-лэччыны чаз., **пидзыртны-лэччыны** лев., **пичкыртны-лэччыны** пукс. б-коч. течь тоненькой струйкой

п'йос'ик чаз. лев. пел. иванч. пёс, самец

пл'эш мыс.-луп. лоб

повитришшо чур. мыс. хар. пятиг. б-коч. напущенная болезнь

пожпыртны пукс. лев. дан. чаз. пел. юкс. иванч. хар. пятиг. чур. б-коч. процедить

полокала пукс., чаз. чур. б-коч. мыс. хар. пятиг. лев. чаз. пел. юкс. иванч. пугало

помалны мыс. кончать, кончить, окончить, закончить

- помтõм** *мыс.* бесконечный
- понйалны** *мыс.-луп.* обзывать кого-либо, зло ругать, сквернословить
- пон'н'ас'ны** *пукс. чур. б-коч. юкс. пел. лев., понйас'ны мыс. хар.,*
- пõн'н'ас'ны** *пятиг. чаз.* нехорошо отзываться (о ком-л.)
- понс'ис** *пеклаыб. мыс.* из-за чего-либо, по причине
- понтшак** *мыс.-луп.* поганка
- пороз** *чаз. пукс. чур. б-коч. иванч. чаз. пел. юкс.* бык-производитель
- пословнõй: пословнõй вõл** *чур. иванч.* послушная лошадь
- посн'иас'ны** *чаз. пел. юкс. лев.* отелиться
- пос'т'эл'а** *чур. чаз. пел. юкс. иванч.* подстилка (для скота)
- потшõс** *мыс. пятиг.* изгородь
- пõлс: керку пõлс** *пукс. чур.* чердак
- пõрт** *пукс. чаз.* пластмассовое ведёрко
- пõртмас'ны** *б-коч. лев. чаз. пел. юкс.* дурачиться, строить из себя дурака, *чаз.* меняться перед болезнью
- пõс' мыс.-луп.** тёплый, горячий; жаркий, жарко; пот
- пõс'õтны** *безл. мыс.-луп.* бросить в пот, прошибить (о поте)
- пуктис'õм** *мыс. хар. пятиг.* складчина; сеноуборка, **пуктис'ан** *мыс. хар. пятиг.* сенокос
- пуктис'ны** *мыс. хар. пятиг.* сложиться, устроить складчину; сенокосить
- пур*** место костра ?
- пурõтны** *чур. пукс. хар. пятиг. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. иванч. перен.* нажаловаться на кого-л.
- пустõшиччыны** *лев. чаз. иванч.* опустеть
- пытшпиа** *чур., пукс. хар. б-коч. лев. иванч. чаз. пел. юкс. дан.* беременная (о животных)
- пэвка*** певчая в церкви
- пэдзны** *мыс. пятиг.* мешать, мешаться; слоняться без дела, *пукс.* постоянно двигаться; не сидеть, стоять или лежать спокойно
- пэл'дõтны*** отломить
- пэл'и** *иванч., пелым. пятиг. б-коч. чаз. юкс.* пельмень
- пэл'и** *чур.* силки
- пэл'л'ан *** пельмень
- пэлыс', пэлыс'** пу рябина (КПРС)
- пэл'эда** *чур. лев.* стена из сучковатых ёлок и соломы
- пэрыллыны** *многокр. мыс. иванч.* добывать, выкапывать
- пэрыны** *мыс. иванч.* добывать, копать
- пэрт'т'ис'ны** *пукс. хар. лев. чаз. пел. иванч.* копошиться

пэрэдн'ик пукс. мыс.-луп. хар. пятиг. б-коч. лев. дан. чаз. пел. юкс. иванч. предбанник

пэсны пятиг. толочь, растолочь что-либо; бить, избивать, пукс. чур. лев. бить, избивать

Р

разгыны ударить (КПРС)

размунны разваливаться, расползаться (КПРС)

рамэн' лев. сырое место

рок каша (КПРС)

рөгöза пукс. хар. пятиг. б-коч. юкс. чаз. пел. непоседа, лев. неряха

рöмыс'ны пукс. чур. лев. жевать жвачку (о корове)

рузым пукс. чур. б-коч. пел. чаз. юкс. иванч., **рызым** лев. пелёнка

рушку мыс. живот, брюхо, пузо

рушкуа мыс. с брюхом, брюхатый, беременная

С

сад'* сила, трезвость

сапуйтны чаз. окучивать, окучить

сапуйччыны чаз. заниматься окучиванием, окучивать

саридз* южные земли; море

свал'* вместе; **свал' олны** вместе жить

с'из'ыл турун мыс.-луп. б-коч. иванч., **сиз'йур турун** пукс. чур. лев. юкс. чаз. пел. дан. клевер

с'ины (напр., с'ины бурё) желать (напр., желать всего доброго)

с'ирйöл чур. мыс. хар. пукс. б-коч. молозиво

с'ирён'ича чур. хар. пятиг. капли смолы на очищенных от коры со- снах

с'ичанка мыс. хар. пятиг. б-коч. листья капусты, измельчённые и по- соленные; заварная капуста

скёр мыс. злой, сердитый, раздражительный; злость, раздражитель- ность

скёра мыс. зло, сердито, раздражённо

скёт мыс. хар. лев. чаз. пел. юкс. скот

скути пятиг. портянки

славнöй мыс.-луп. хар. пятиг. пукс. чур. б-коч. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан. симпатичный

с'о мыс.-луп. сто

с'одны пукс. б-коч. чаз. пел. резко с силой ударить, долбануть
с'орд чур. б-коч. лев. чаз. юкс. иванч. место за чем-либо
сос'с'ыны мыс. отрицать, отпираться; скрывать, скрыть; утаить
соч хар. пукс. чур. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. иванч. двоюродная сестра
с'ом мыс.-луп. деньги
сёмын мыс.-луп. только
сёрны мыс.-луп. лгать, солгать, соврать, обмануть
сёрём мыс.-луп. ложь, враньё, обман
с'ёртёт пел. лев. отопк., **с'ёрти** пукс. чур. чаз. пел. юкс. в течение
сёрыштны мыс.-луп. приврать
сёсул'ка мыс. пел. дан. чаз. юкс. разжёванный хлеб с сахаром, завернутый марлей, который дают ребёнку вместо соски
сётны чур. пукс. б-коч. мыс. лев. чаз. пел. убежать резко, быстро; украть
став мыс. луп. весь, вся, всё
стопа чаз. пел. сруб
страждайтны мыс. хар. чаз. пел. лев. страдать
ст'эп чур. лев. чаз. пел. юкс. дан. круп (лошади)
с'урны хар. б-коч. чаз. пел. юкс. попасть
с'урс мыс.-луп. тысяча
с'ус' мыс.-луп. умный, толковый, смыслённый; шустрый
с'уса мыс.-луп. быстро; умно, толково
с'ус'мыны мыс.-луп. умнеть, поумнеть, стать смыслённым
сус'ыны чаз. иванч. обойтись, осемениться
сутшкыны мыс. хар. пукс. чур. б-коч. лев. пел. юкс. макать, макнуть; колоть, уколоть
с'эк хар. пукс. чур. б-коч. иванч. лев. пел. юкс. дан. самый
с'эрбктыны хар. хохотнуть, хихикнуть
с'эрбтны* красиво писать

Т

таитны таить, утаивать (КПРС)
таиччыны возвр. таиться (КПРС)
тайё мыс.-луп. этот, эта, это
такёдны успокаивать; убеждать (КПРС)
тани здесь (КПРС)
т'апайччыны лев., **т'апёччыны** пел. окучивать
т'ат'ка пеклаыбск. лев. отец
тачкис'ны чаз. лев. столкнуться

т'ин'н'а: бур т'ин'н'а бур *лев. чаз. пел. дан.*, **кин'н'а:** бур кин'н'а бур *иванч. сравнит. послелог* лучше всего

тойны *мыс.-луп. хар. пукс. чур. б-коч. иванч. лев. чаз. пел. юкс. дан.*
тоloch, растолочь

томан *чаз.* замок

торкс'ыны *мыс.-луп. пел. дан. лев. иванч.* путаться, *иванч.* погибнуть,
разрушиться

тотш* стук

тош *мыс.-луп.* подбородок (у мужчин)

турипу брусника (КПРС)

турипул клюква (КПРС)

т'ут'а *чаз. пукс. чур. лев. чаз. пел. юкс.* самка собаки

тшöг *пукс. чур. б-коч. лев. чаз.* жирный, упитанный

тшöг сало, жир (КПРС)

тыс'ин: **тыс'иннэза видз** *пукс.* луг с мелкими озёрами

тэл'эб: **н'ан' тэл'эб** *мыс.-луп.* лопатка

т'эркс'ыны *чур. лев. чаз.*, **кэркс'ыны** *юкс.* квохтать (о курице)

т'эш смех, смешной (КПРС)

У

уд'итны *мыс.-луп.* успеть

удтыс'ны *мыс.-луп.* нажаловаться

уз'мөтны *чур.*, **удзөтны** *лев. пел. юкс.* плохо кормить (о ребёнке)

ул'ака *чур.* скамеечка для сидения при доении

улöс *мыс.-луп. иванч.* стул

урковöй: **работаыс урковöй** *чур. б-коч. иванч. лев. чаз. пел.*, **руковöй:**
работаыс руковöй *юкс.* работа быстрая, начнёшь и быстро закончишь

уркөвöй *мыс.* норма

урök* сглаз

урöс'иччöм *чур. пукс. б-коч.*, **урöсмöм** *мыс. хар. прич.* на кого навели
порчу, сглаз

урсалöм *пятиг.* сглаз, порча

урсалны *пятиг. лев. пел.* сглазить

урсас'ны *пятиг.* портиться от сглаза

укот'т'о *чаз. лев. пел. юкс. дан.* падёж скота

утлом *пукс. лев.* быстро

Ч

- чача*** цветок, **лӧзчача** василёк
чимыртны чур. чаз. скрыть (напр., деньги); не всё сказать
чипсан нел. дудка (из стебля дягиля)
чипсыны чаз. нел. дудеть, играть (свистеть) на дудке, юкс. пиццать, щебетать (о птицах)
чипыжн'ик* что-то мелкое, напр., мелкий лес, мелкая рыба
чирк мыс.-луп. кузнечик
чирсны мыс.-луп. б-коч. отделять шелуху
чирӧм: йуаныс чирӧм кӧра* квас прокисший?
чой пукс. чур. чаз. нел. снежная горка для катанья на санках
чой сестра (КПРС)
чойа-вока брат и сестра (КПРС)
чокӧтны лев. чаз. перен. изобр. избить
чӧд мыс. хар. пятиг. пукс. чур. б-коч. черника
чӧдлас, чӧдлач мыс. пятиг. пукс. чур. голубика
чӧж мыс.-луп. во время чего-л., **война чӧж** во время войны
чӧж утка (КПРС)
чӧлтны чаз. мыс. нел. юкс. иванч. скирдовать; **чӧлтны кол'т'** чаз. хар. нел. снести яйцо, **чӧлтны суп** б-коч. чаз. нел. юкс. дан. иванч. наложить суп
чӧнӧр мышцы (КПРС)
чӧнӧра с мышцами (КПРС)
чӧс пукс. чаз. ловушка, западня (на лесную дичь)
чуткыс'ны мыс.-луп. ткнуться, вонзиться
чутӧс' пятнистый, покрытый пятнами (КПРС)
чутӧс'с'ыны покрыться пятнами грязи (КПРС)
чуш мыс.-луп. губа
чылыны пукс. подняться на задние ноги, опираясь передними на что-л.
чэрӧс чур. чулки, чулок
чэран'взтӧс хар. пукс. чур. б-коч. лев. чаз. паутина

Ш

- шабал': шабал' кӧч** чур. дикий, дурной
шаитны мыс. пукс. хар. пятиг., **шаййалны** пукс. лев. чаз. гореть сла-
бым огнём, дымиться
шакл'эй нел., **тшакл'эй** пукс. чаз. уклейка (рыба)
шамйа, тшамйа лесная кладовка (охотничья избушка на столбах для хранения продуктов) (КПРС)

шарйис'ны *чаз. юкс.* шарить, искать, рыться в чём-л.; *дан. лев.* изна-
силовать

шарэй; шарэй сов *б-коч. лев. чаз. нел. юкс.* крупная соль

шат'ин, шат'ина *шест.* тонкая жердь (КПРС)

шван'иччыны *пукс. чур. лев. чаз. юкс.* чваниться, зазнаваться

шл'упкыны *всхлипывать* (КПРС)

шодзалны *лев. нел.* пырнуть (ножом), изрезать чем-л., *б.-коч. лев.* ударить,
избить чем-л., **шодзны** *чаз. нел. чур. пукс.* продырявить; портить, испор-
тить (напр., капусту)

шойлы *лев. нел.* нарост, утолщение (напр., на месте перелома)

шойна *лев. чаз. нел. юкс.* могила; *чур. б-коч. лев. лев. чаз. нел.* кладби-
ще, могильник

шойнадор* *могильник*

шуд *счастье* (КПРС)

шуда *лев.* счастливый

шул'ётны *полоскать что-л.* (КПРС)

шыран *мыс.-луп.* ножницы

шыргун *бубенчик, бубенец* (КПРС)

шышыбар *мыс. перен.* детишки

шэмэла; шэмэла пэсны *б-коч. иванч. нел. чаз.* бездельничать; *лев.*
юкс. дан. баловаться

шэрба *мыс.-луп.* уха

шэрд'д'ыны *б-коч. пукс. чаз. юкс.* ходить зря, без дела

шэрийны *чаз. лев.* веять, провеять (напр., зерно на лотке)

Ы

ывла *улица, двор; природа* (КПРС)

ыж *овца* (КПРС)

ыждачны *мыс. чаз. нел. иванч.* отнекиваться, отказываться

ылёстёмас'ны *б-коч.* рыгать, отрыгивать

Э

эмбур* *имущество*

эскыны *верить, поверить; доверять кому-либо* (КПРС)

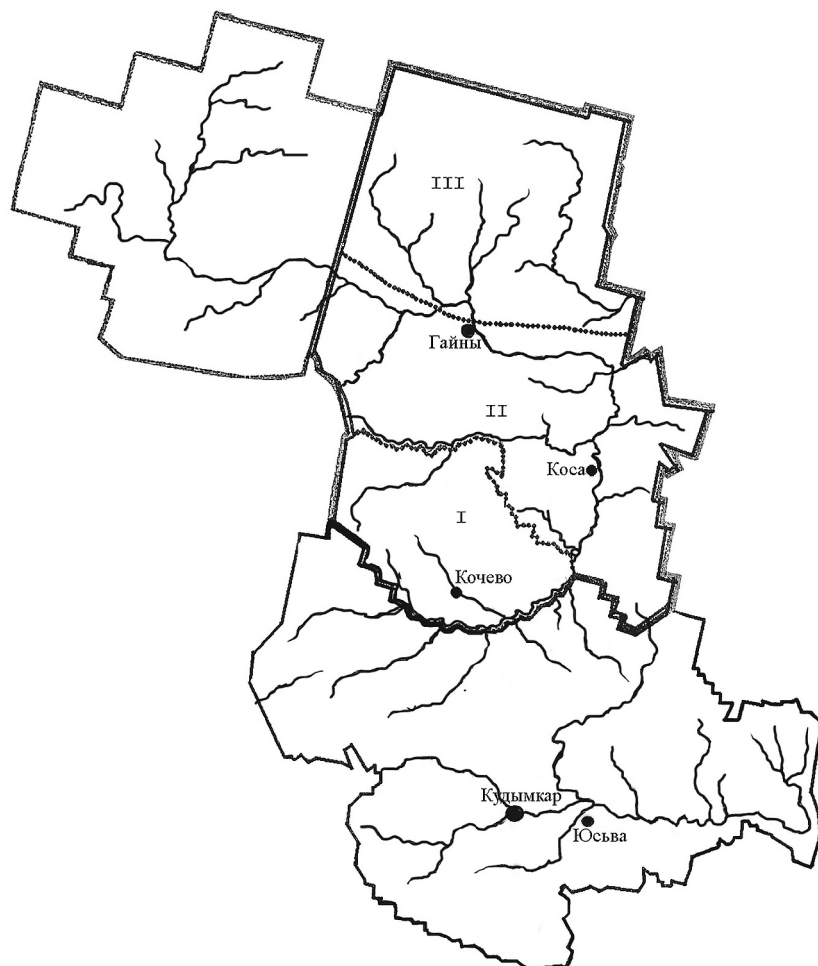
эс'кё *мыс.-луп. част.* то, бы

ПРИЛОЖЕНИЕ II

На картах представлено коми языковое пространство: очерчены границы коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов, верхнекамского и коми-язьвинского наречий. Римскими цифрами отмечены диалекты, их названия даны в сноске. Отдельной частью дается карта-схема Коми-Пермяцкого округа. На территории распространения северного наречия коми-пермяцкого языка цифрами обозначены говоры населённых пунктов – мест функционирования отдельных языковых явлений. Соответствующие нумерации названий говоров даны в сноске. Часть карт (№ 2, 3, 11, 16, 18, 23, 26, 31, 33, 36) отражает распространение языковых явлений, зафиксированных только на территории Коми-Пермяцкого округа.

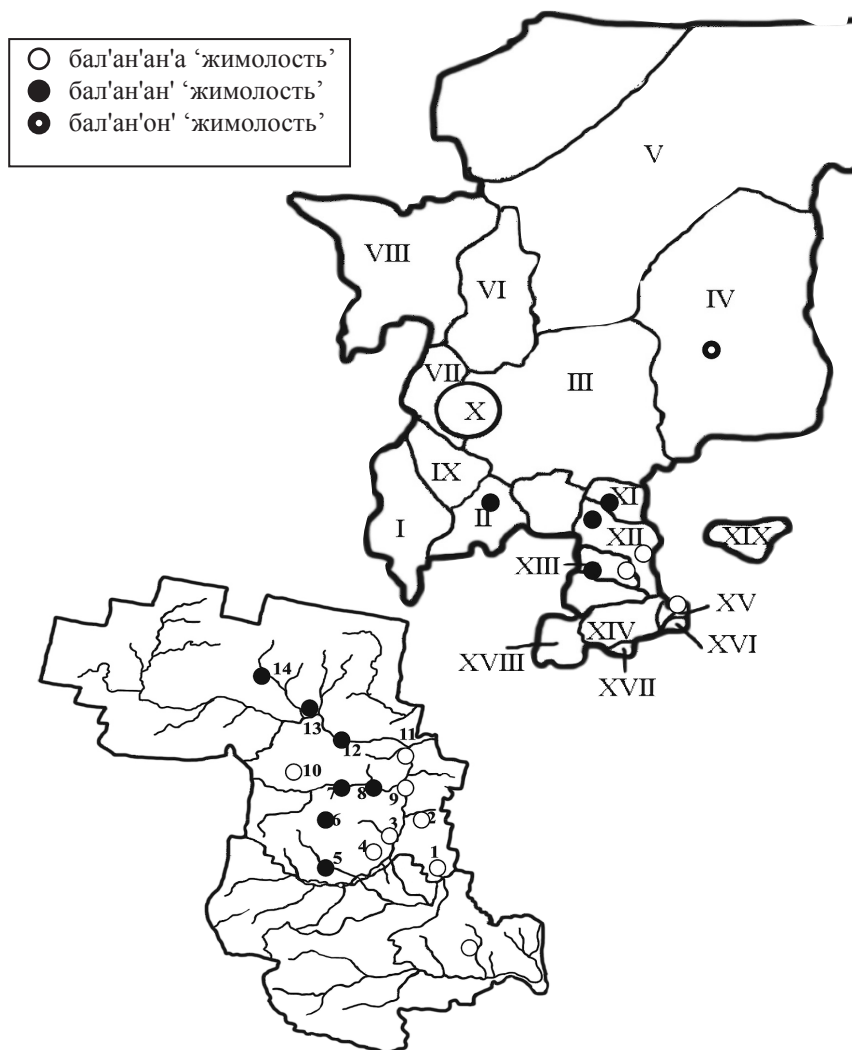
По характеру представленного материала имеются карты, отражающие собственно лексические особенности (например, карты № 1, 16, 30), и семантические различия (карты № 3, 6). Картографируемые явления передаются при помощи условных обозначений. Символика картографических знаков раскрывается в легенде.

**КАРТА «РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДИЛЕКТОВ
СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА»**

- I – кочёвский диалект
II – косинско-камский диалект
III – мысовско-лупьинский диалект
...— границы диалектов северного наречия

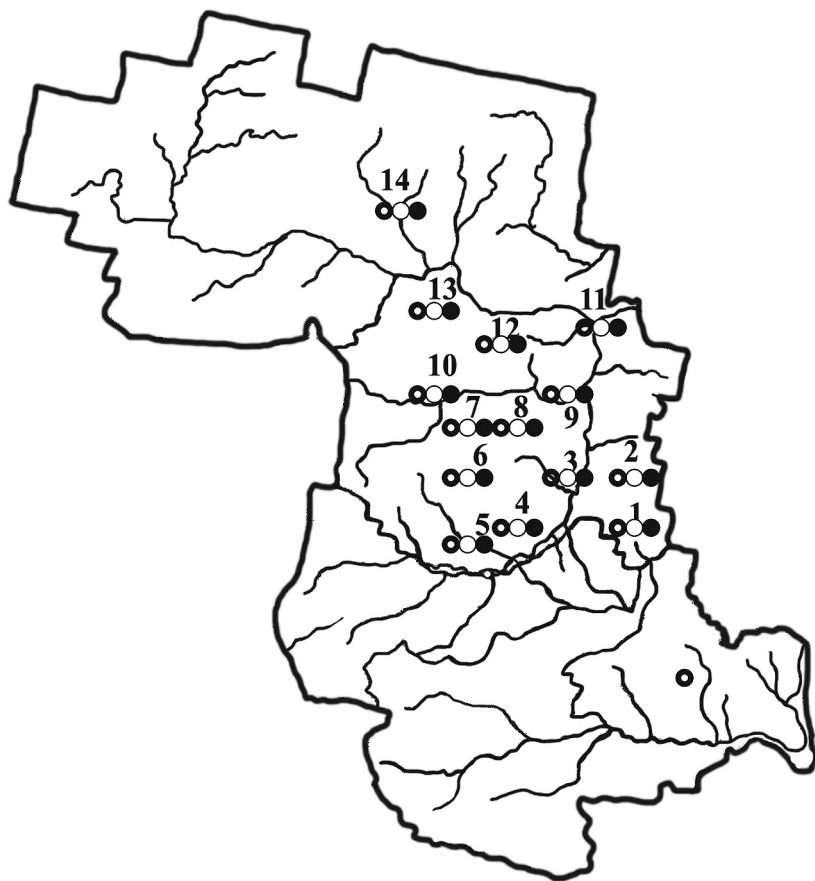
КАРТА № 1

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

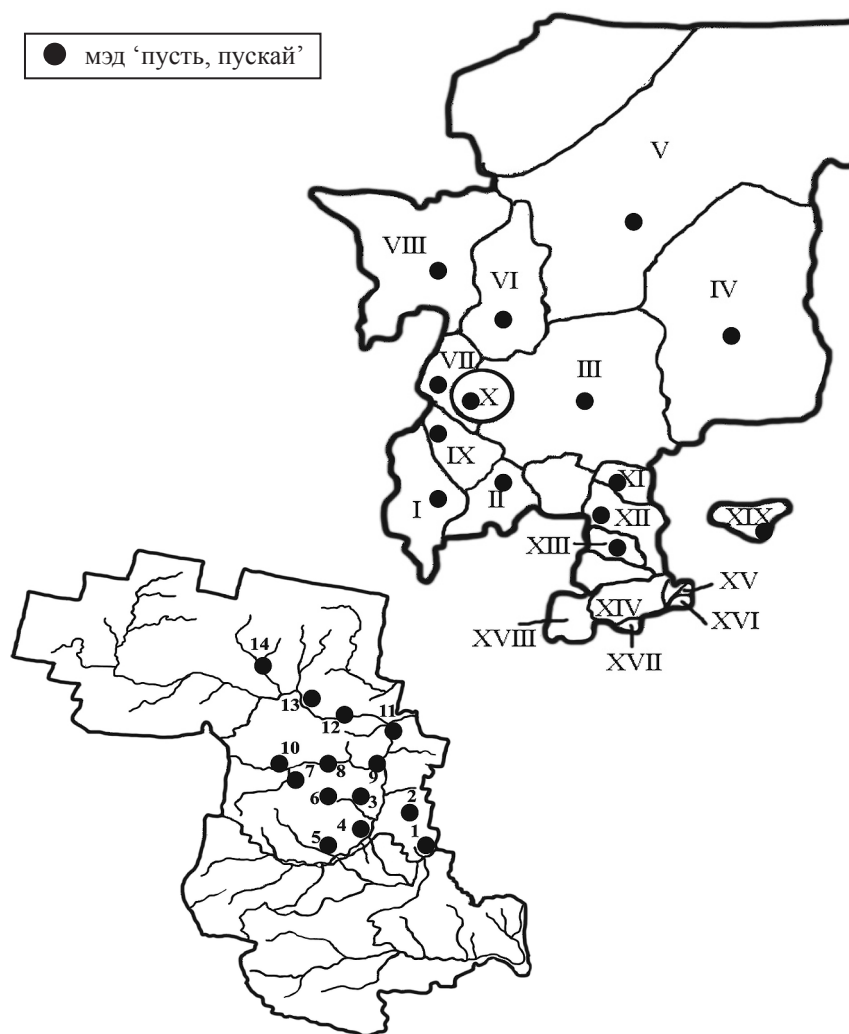
КАРТА № 2

○	вил'ин 'целина, новина'
●	мускыт 'сырой, влажный'
◐	н'ап 'шиповник, ягоды шиповника'

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

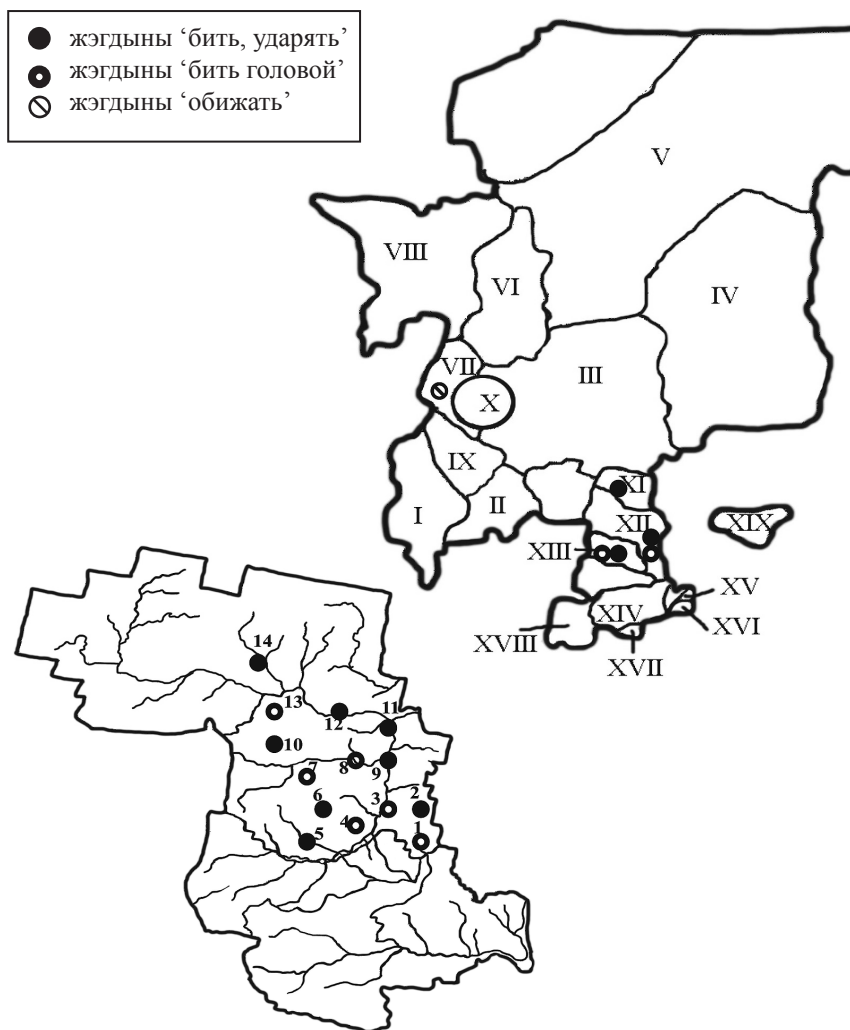
КАРТА № 4

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

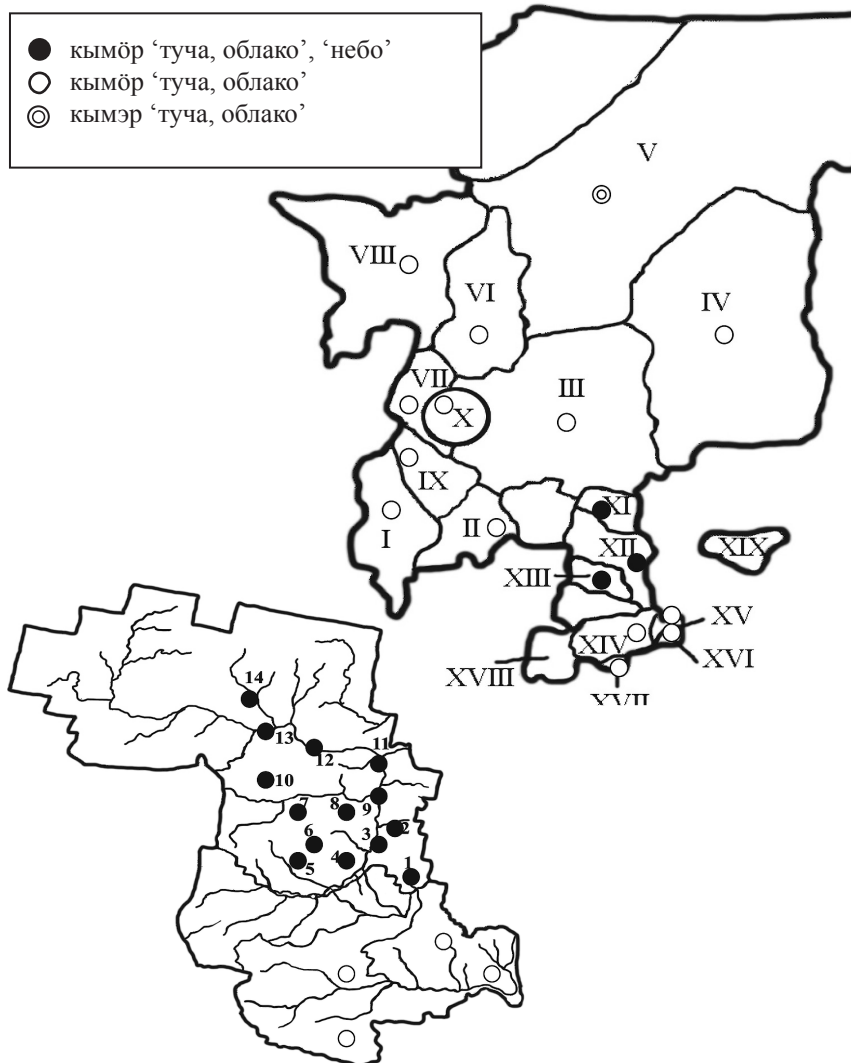
КАРТА № 5

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б.-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

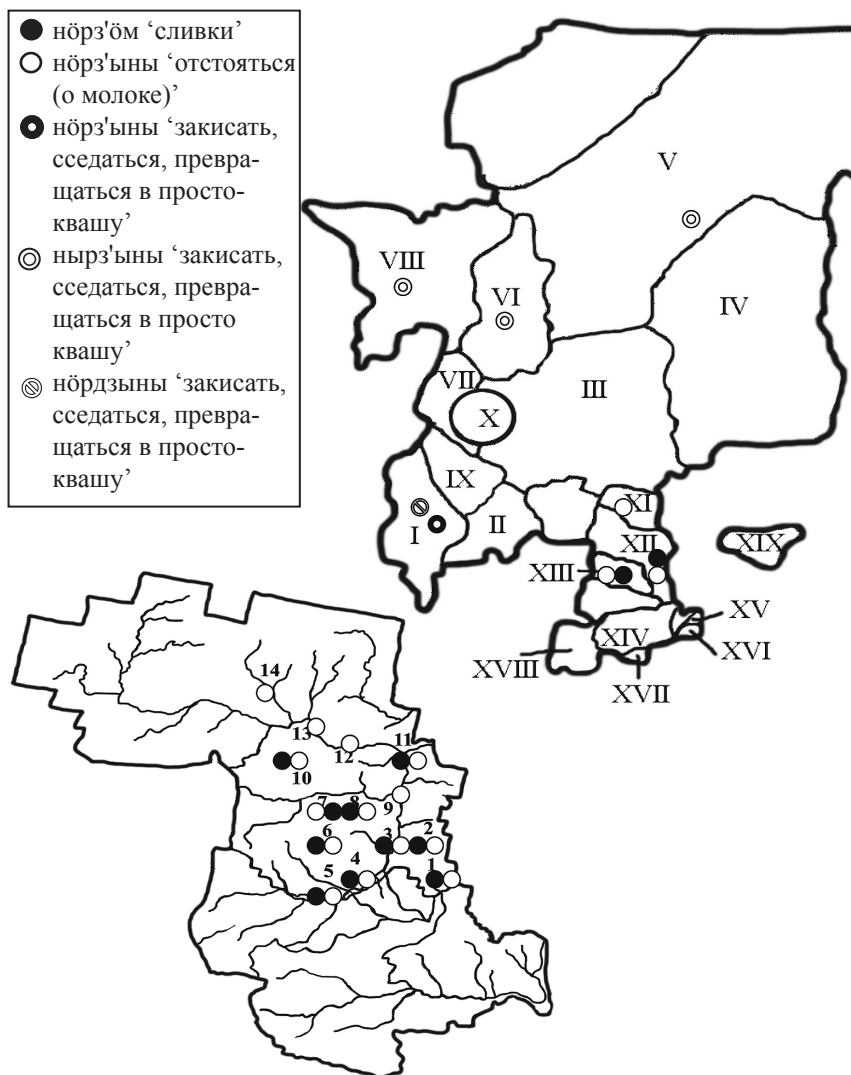
КАРТА № 6

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

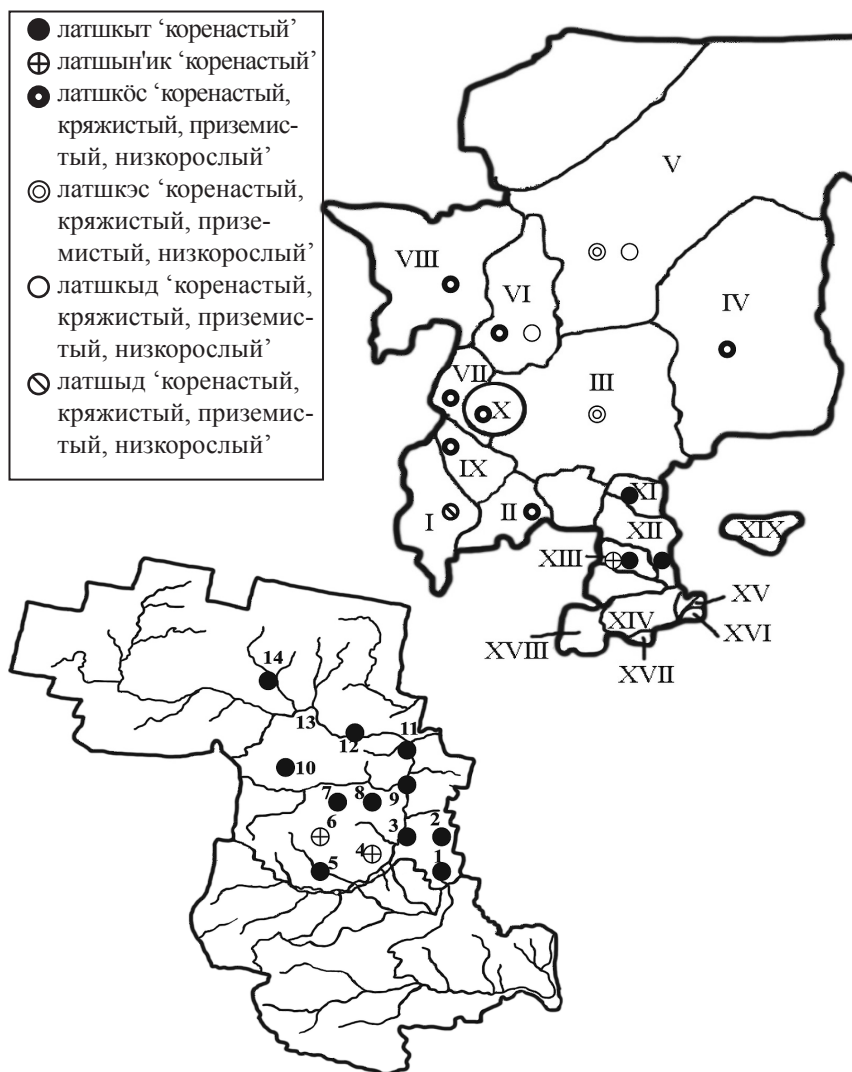
КАРТА № 7

Кomi-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

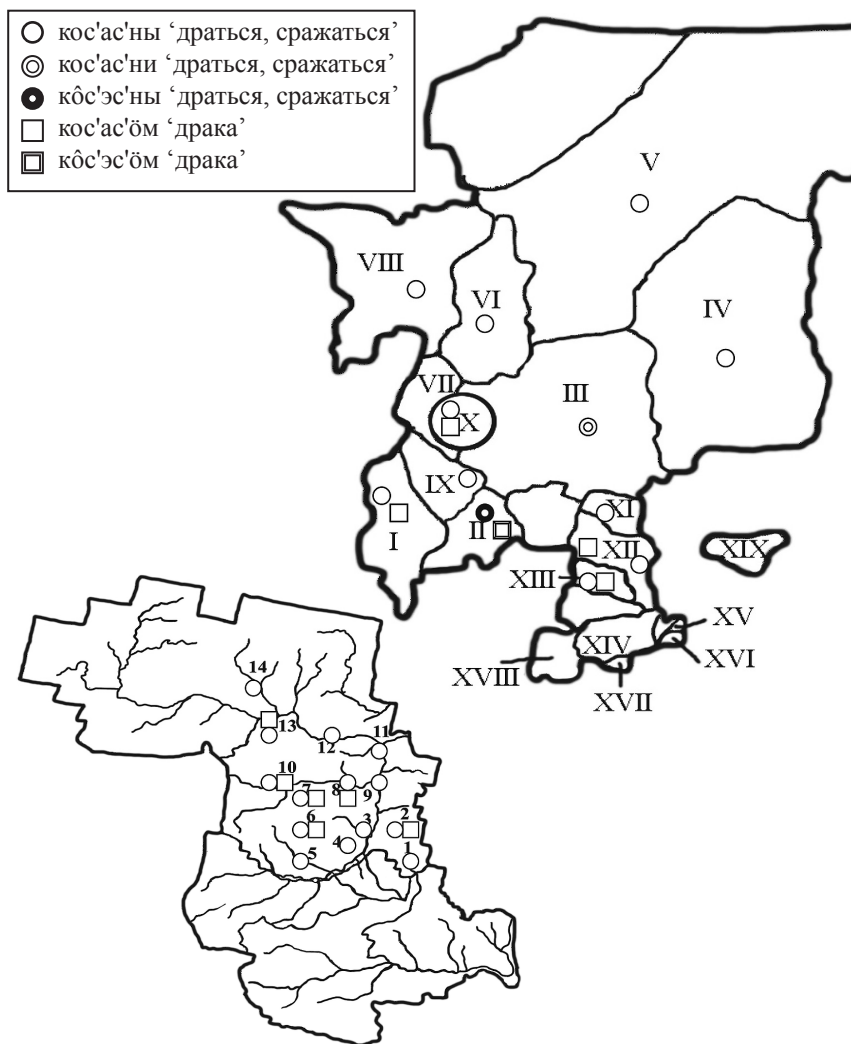
КАРТА № 8

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

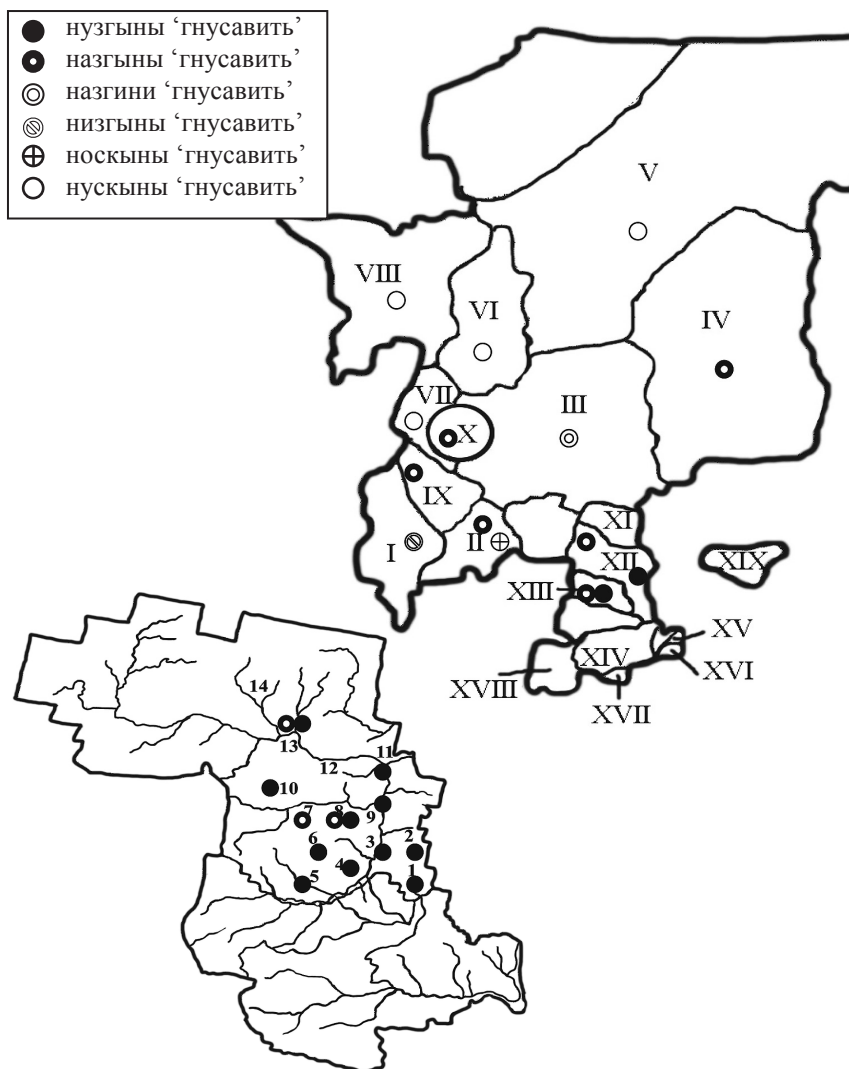
КАРТА № 9

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

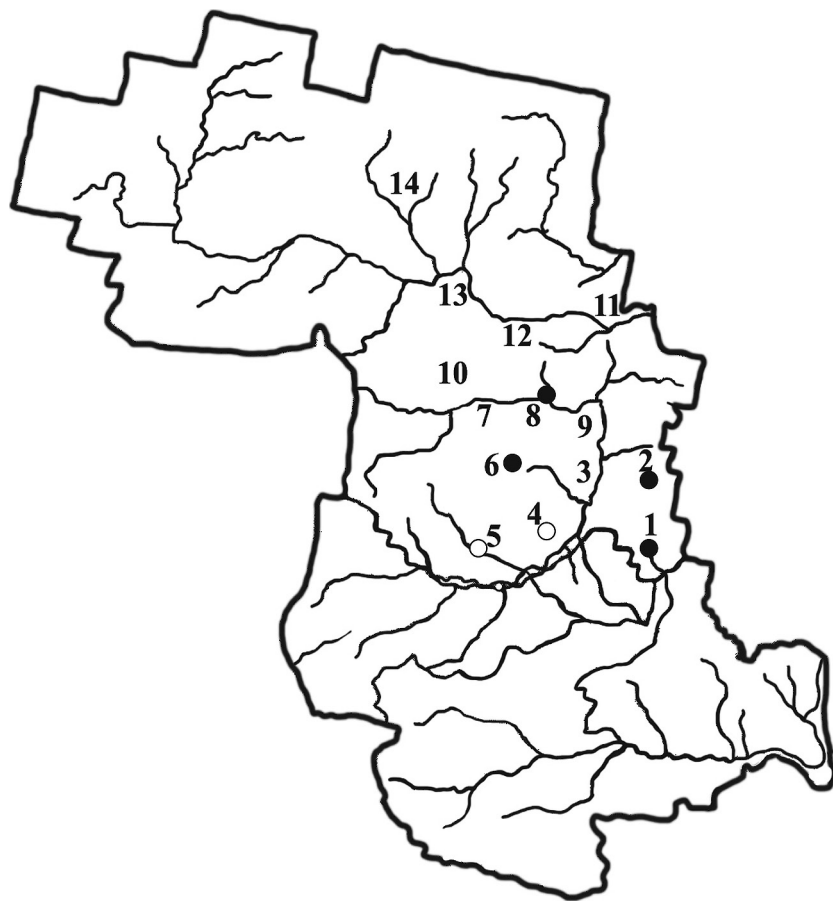
КАРТА № 10

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

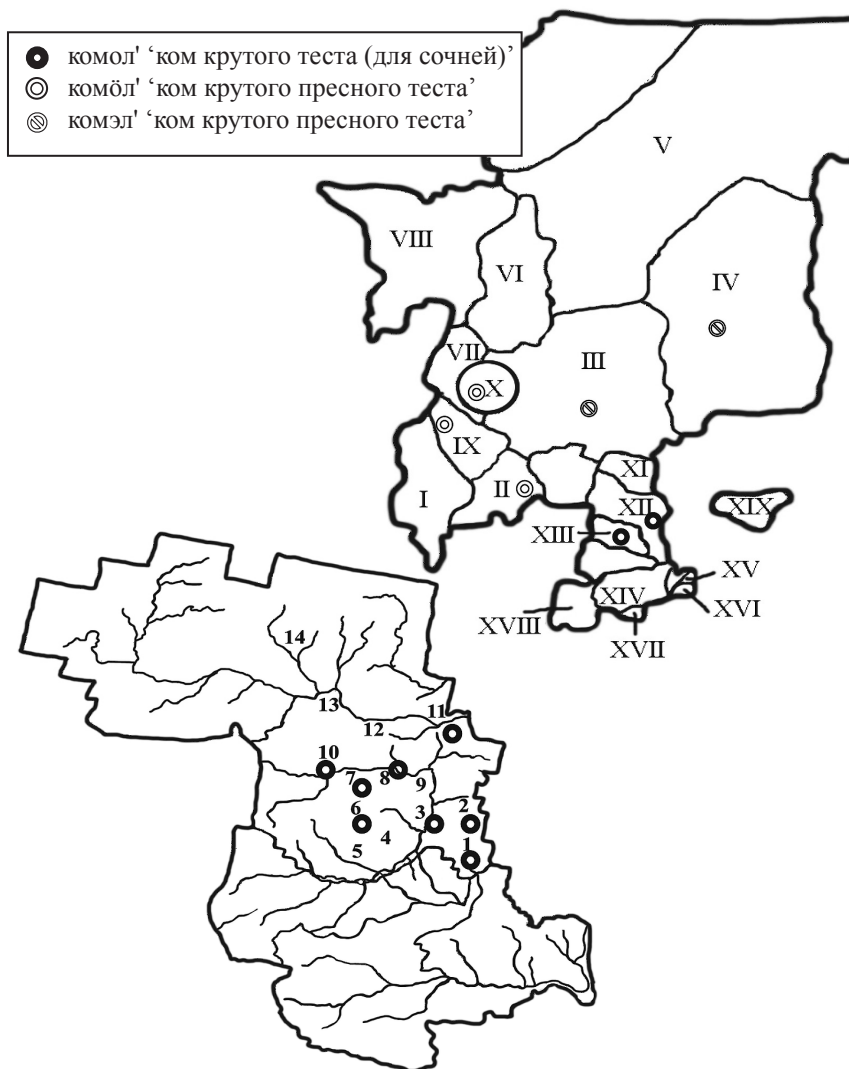
КАРТА № 11

- гундыртны 'чем-либо заниматься по дому'
- гундыртны 'баловаться'

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

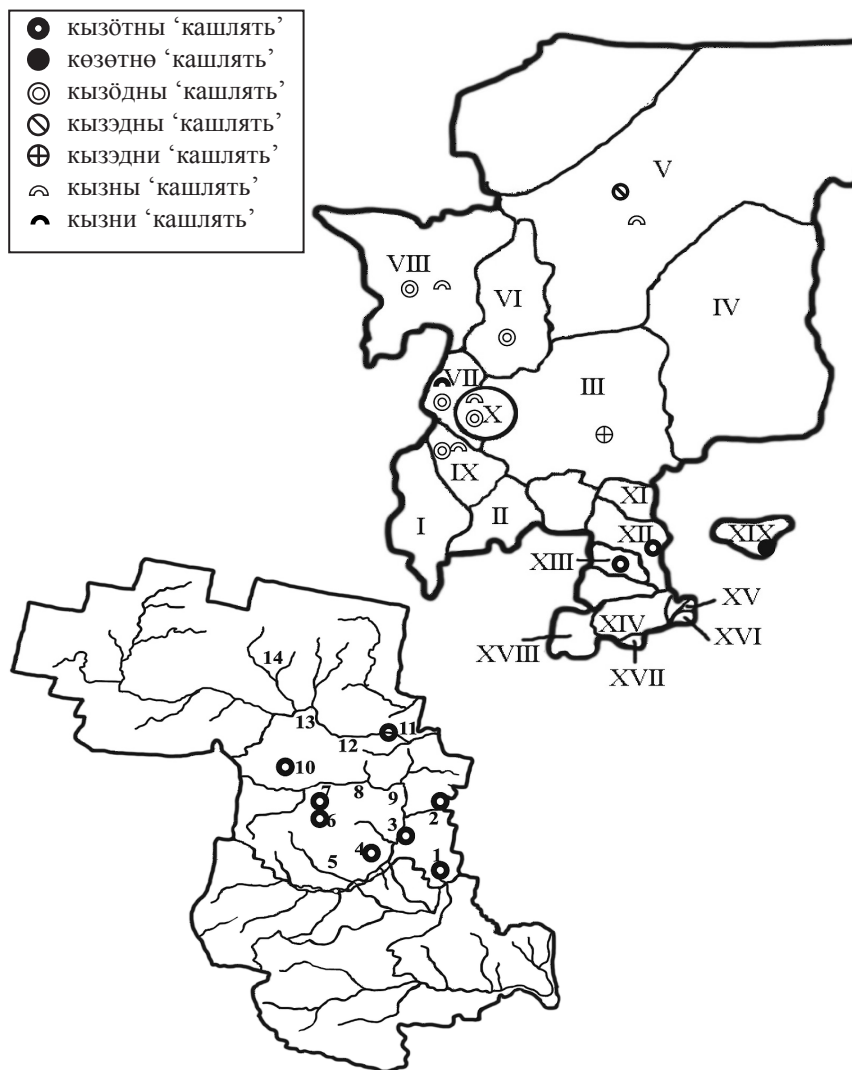
КАРТА № 12

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

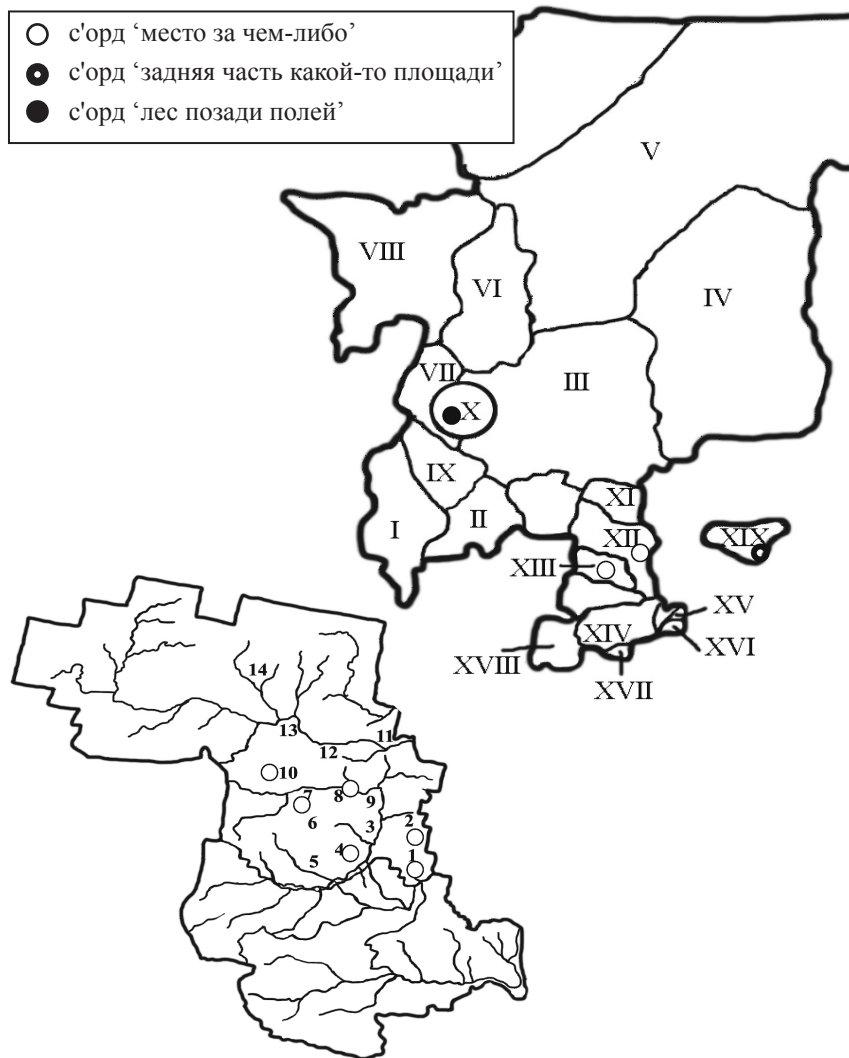
КАРТА № 13

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

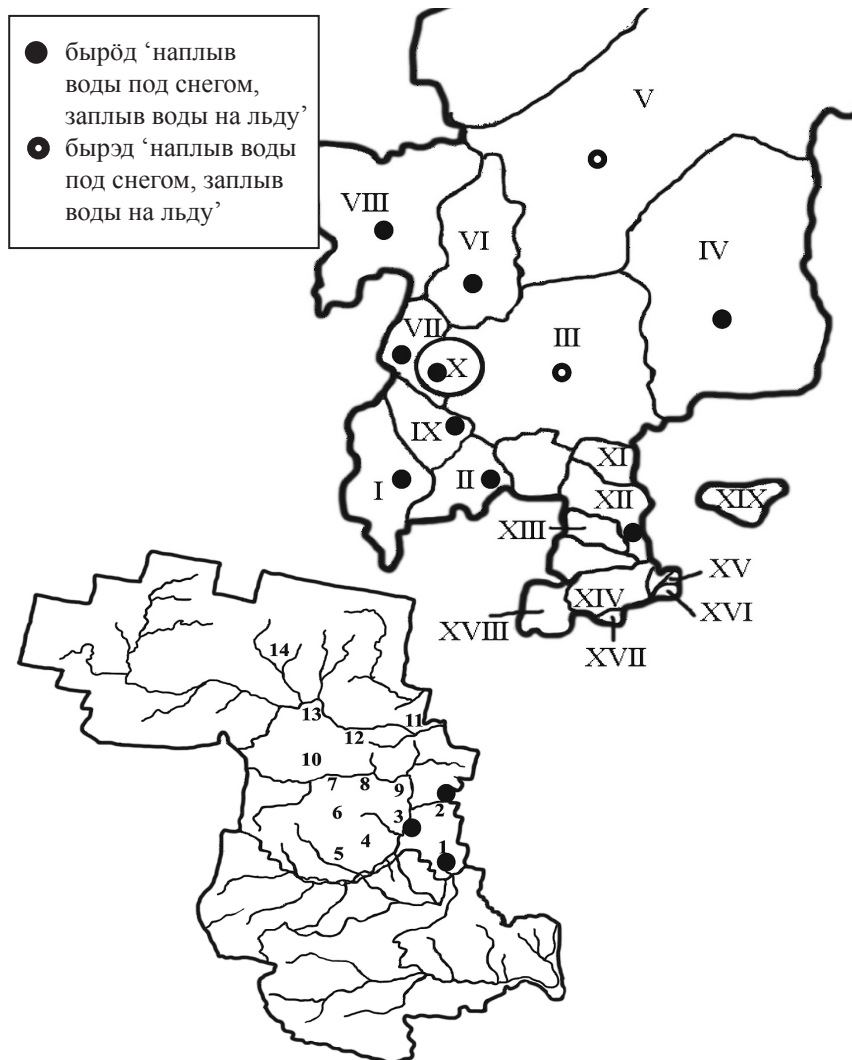
КАРТА № 14

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язвйинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

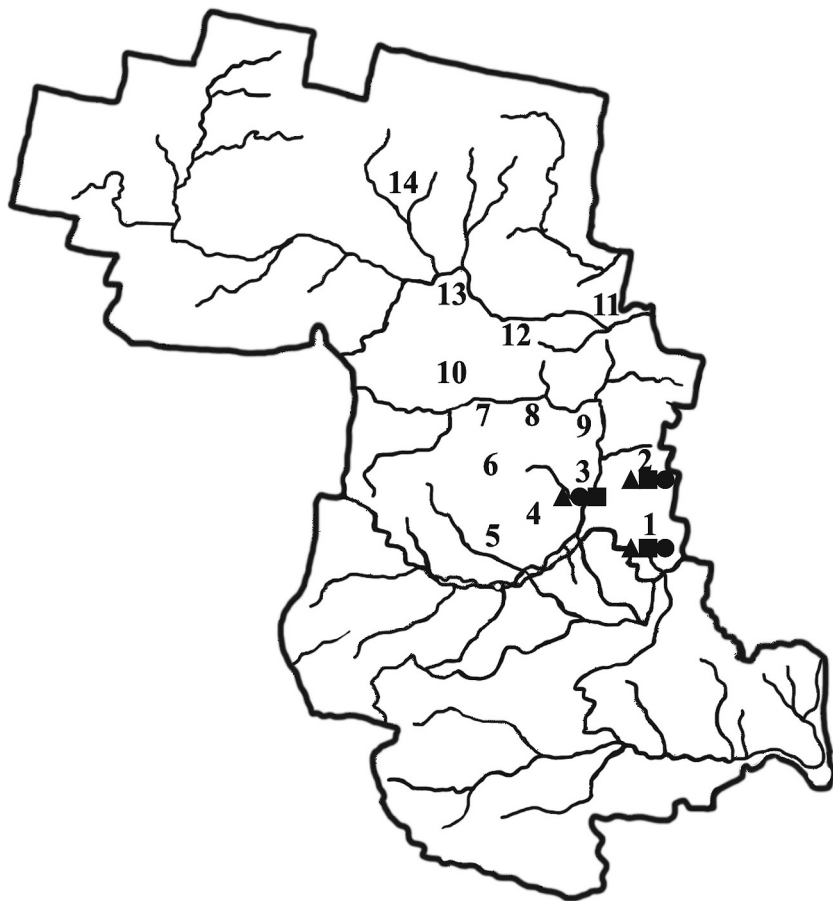
КАРТА № 15

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

КАРТА № 16

●	выл'л'ыны 'жадно есть'
■	нумэр 'огород'
▲	пабэрэжка 'место вдоль берега реки'

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

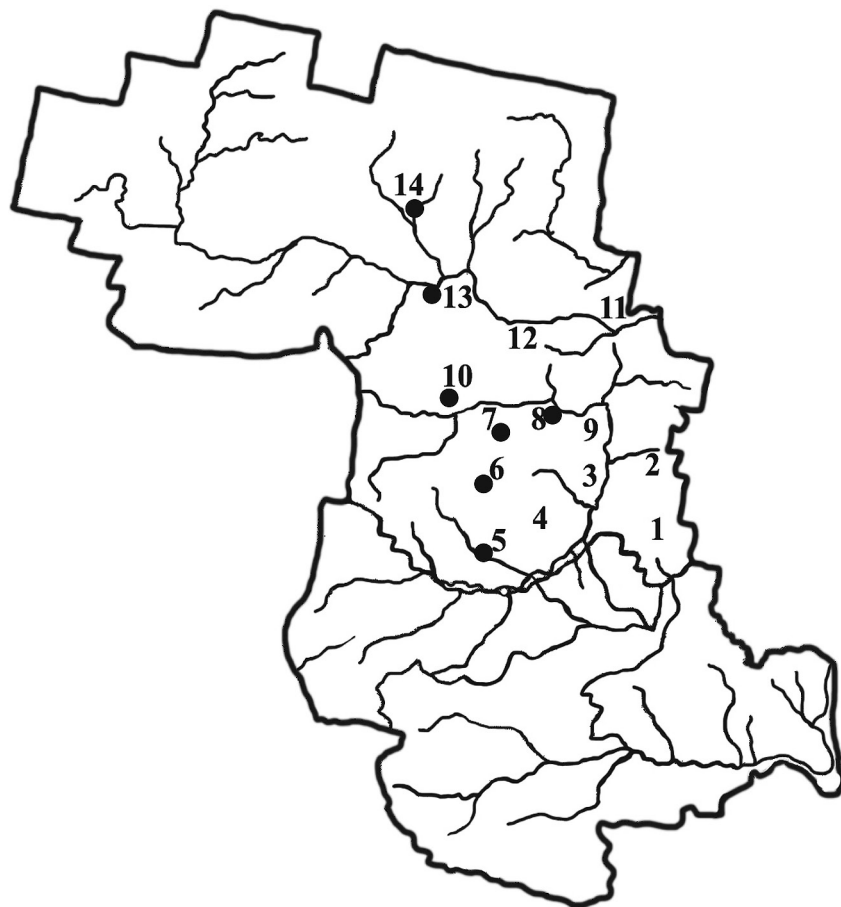
КАРТА № 17

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

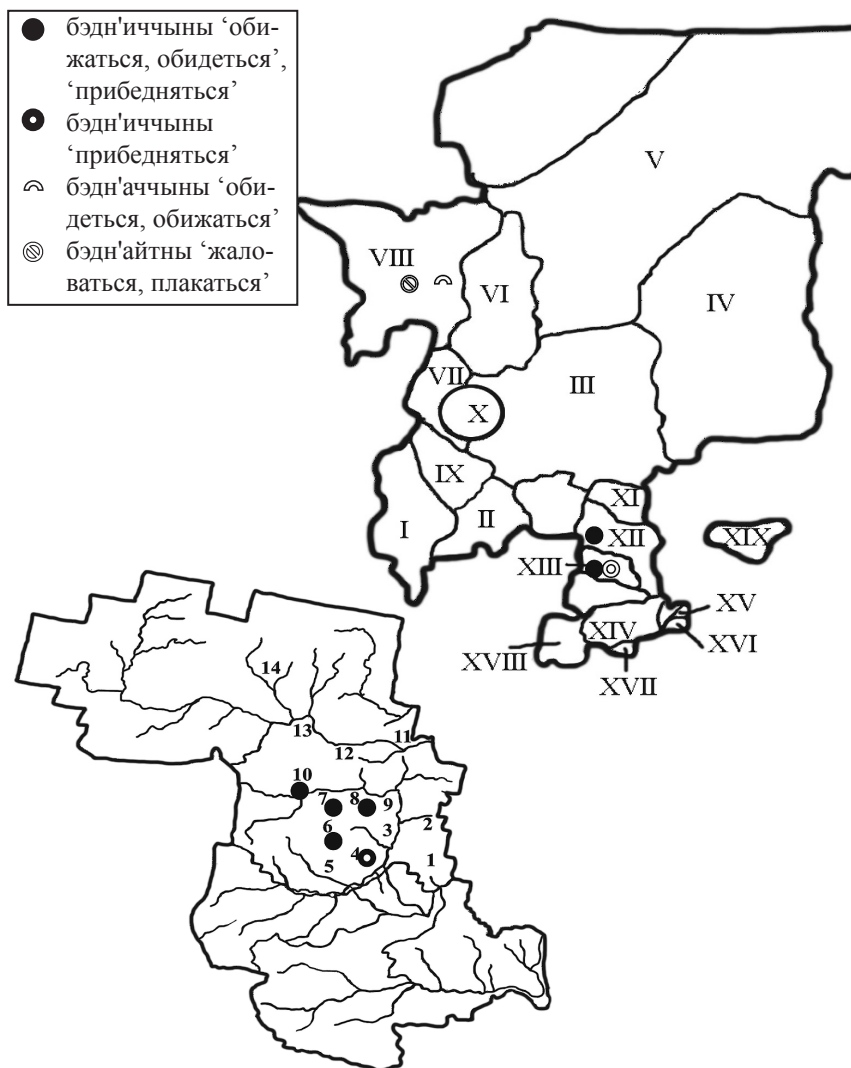
Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б.-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

КАРТА № 18

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

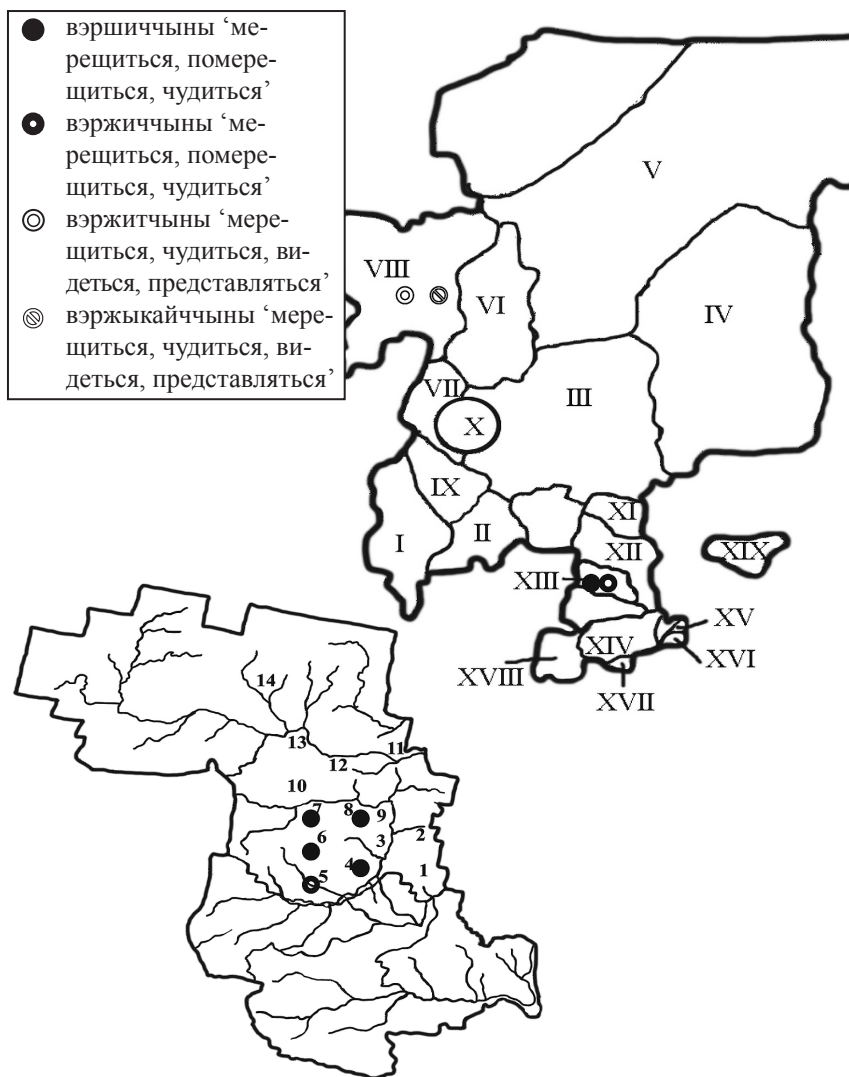
КАРТА № 19

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

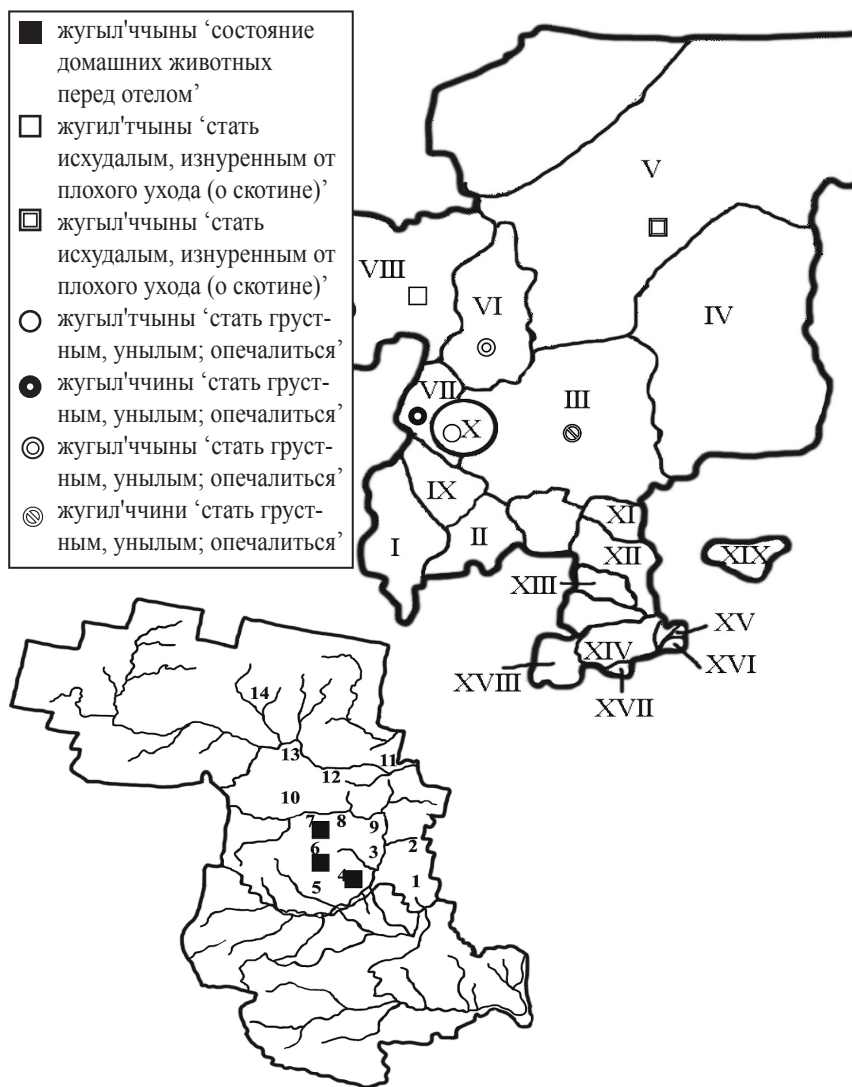
КАРТА № 20

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

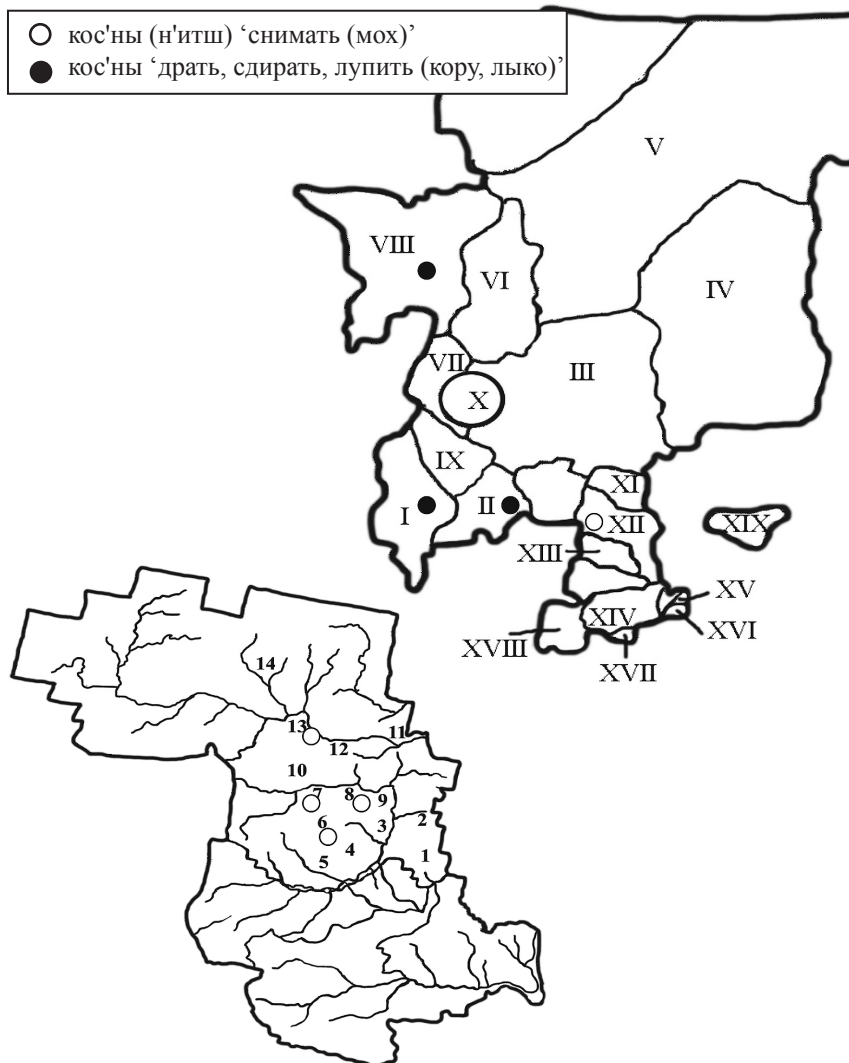
КАРТА № 21

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б.-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

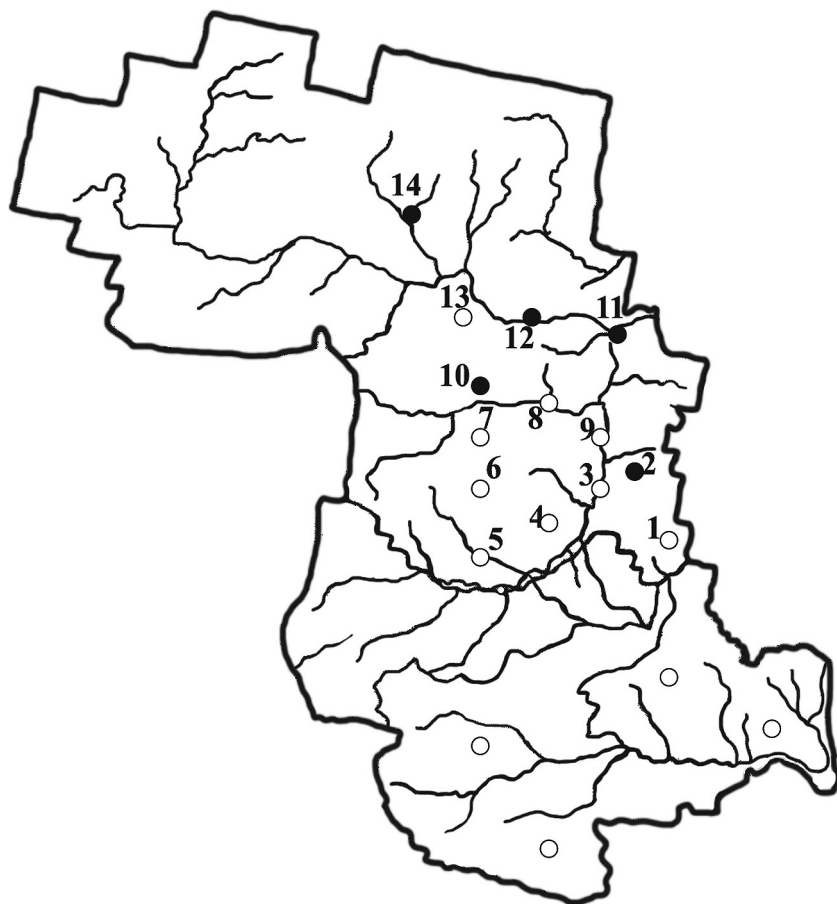
КАРТА № 22

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

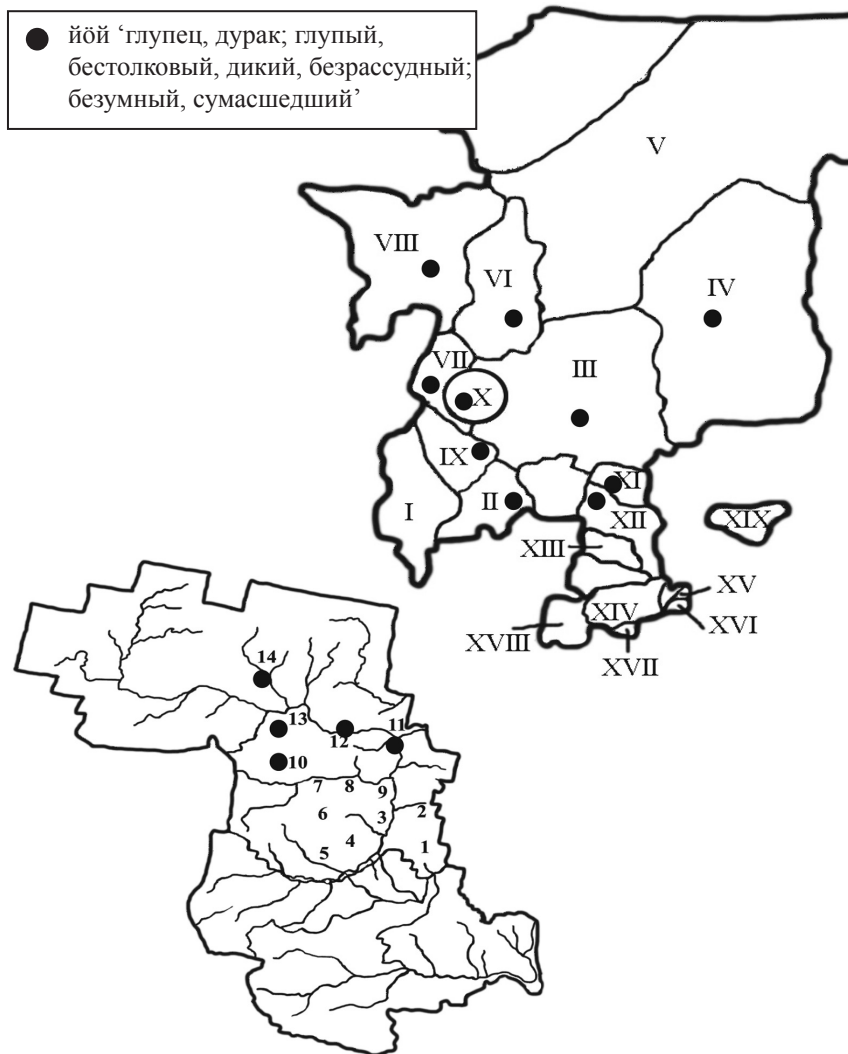
КАРТА № 23

- вил'дас 'обновленный квас'
 ● вил'дас 'пресная брага, употребляющаяся
 для подновления кваса'

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

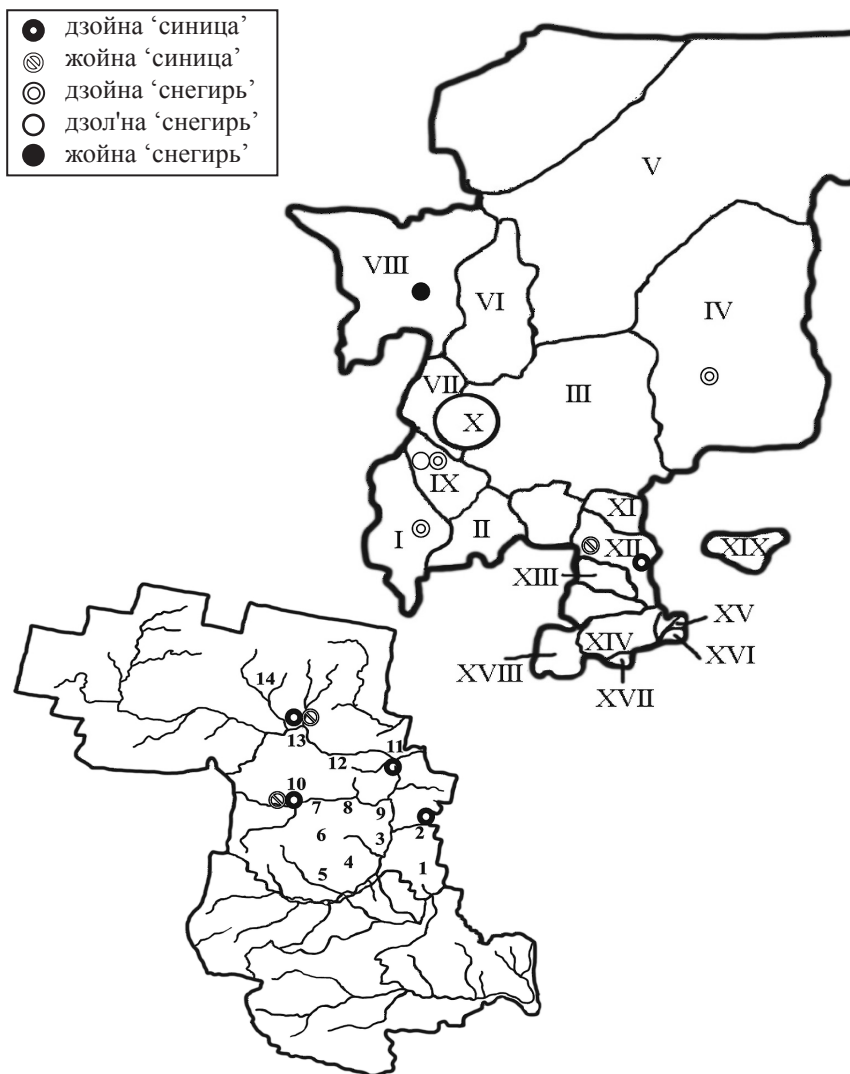
КАРТА № 24

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

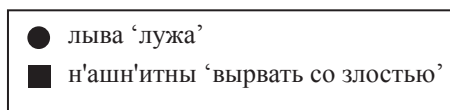
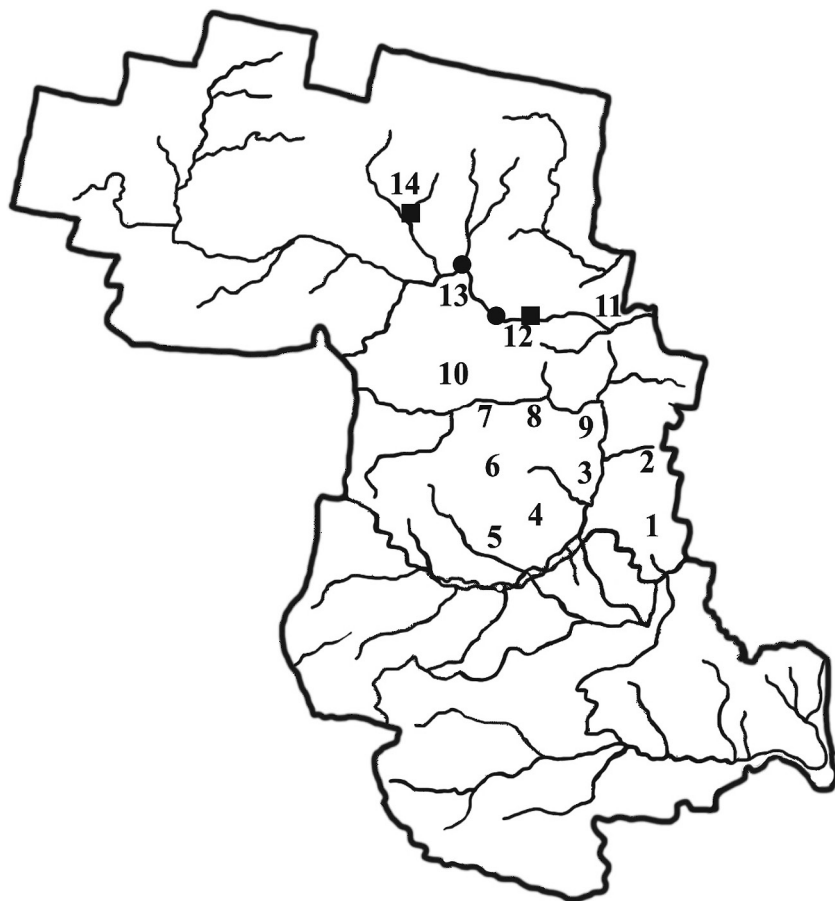
КАРТА № 25

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

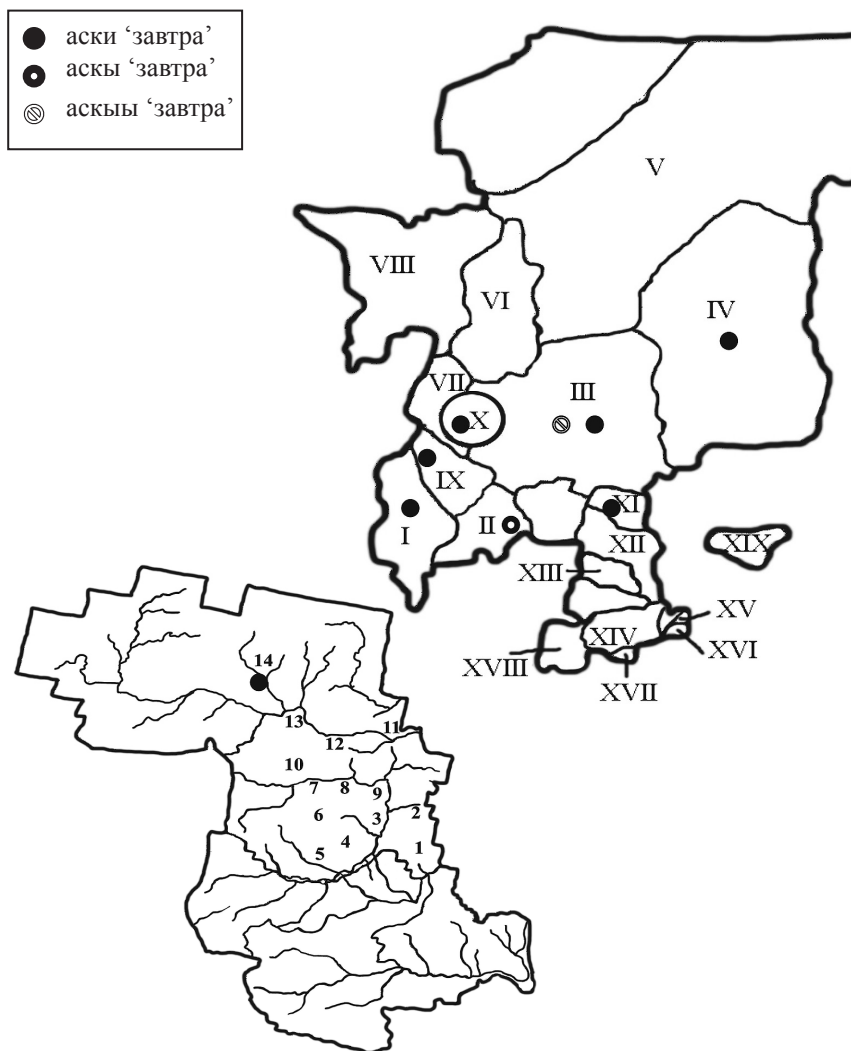
Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б.-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

КАРТА № 26

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

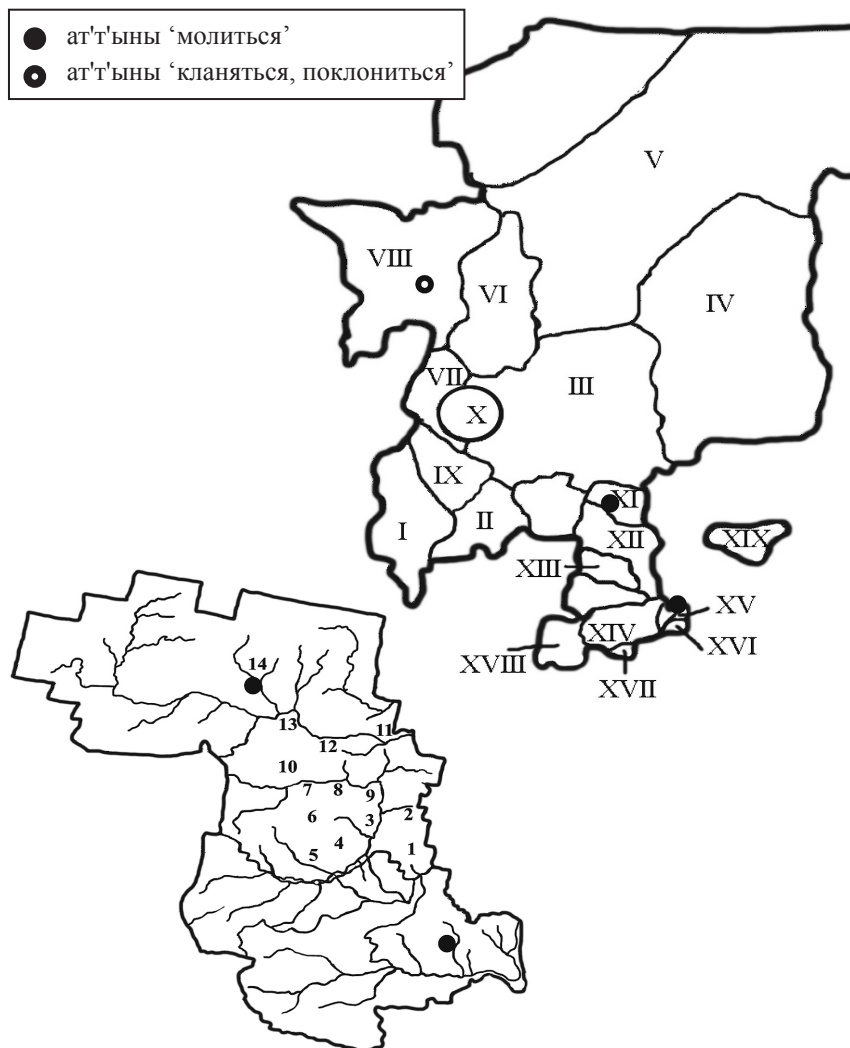
КАРТА № 27

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б.-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

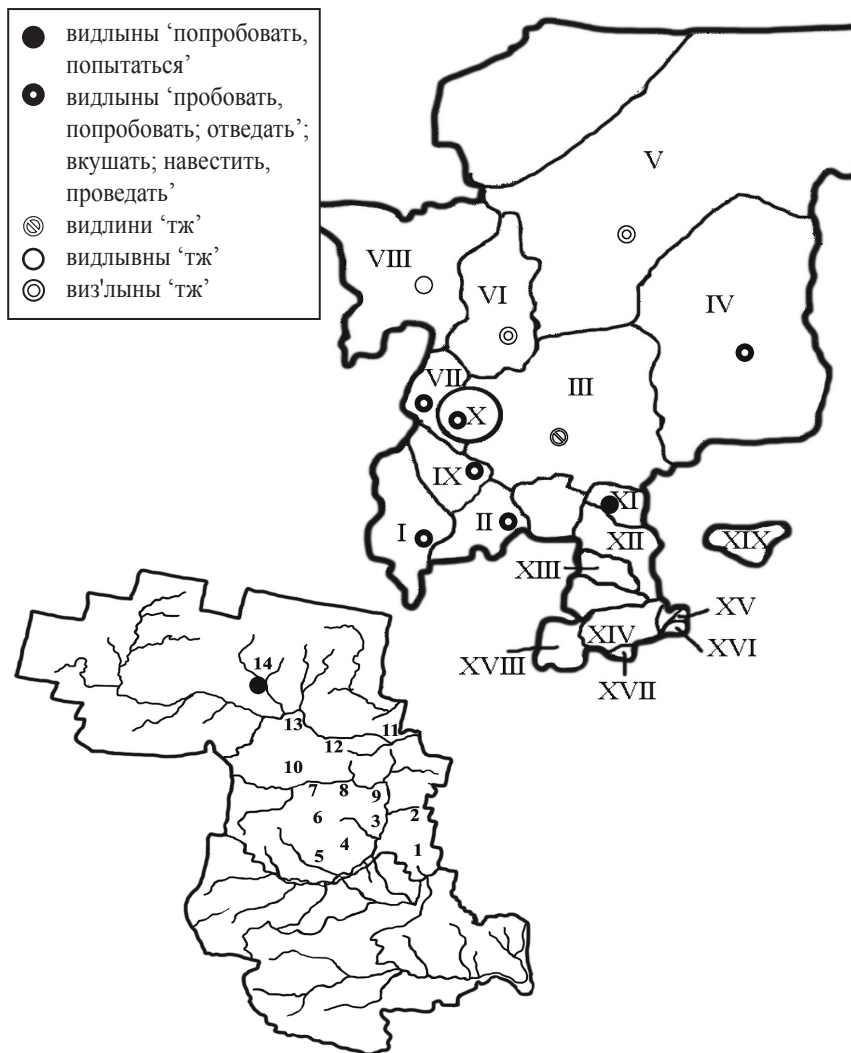
КАРТА № 28

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

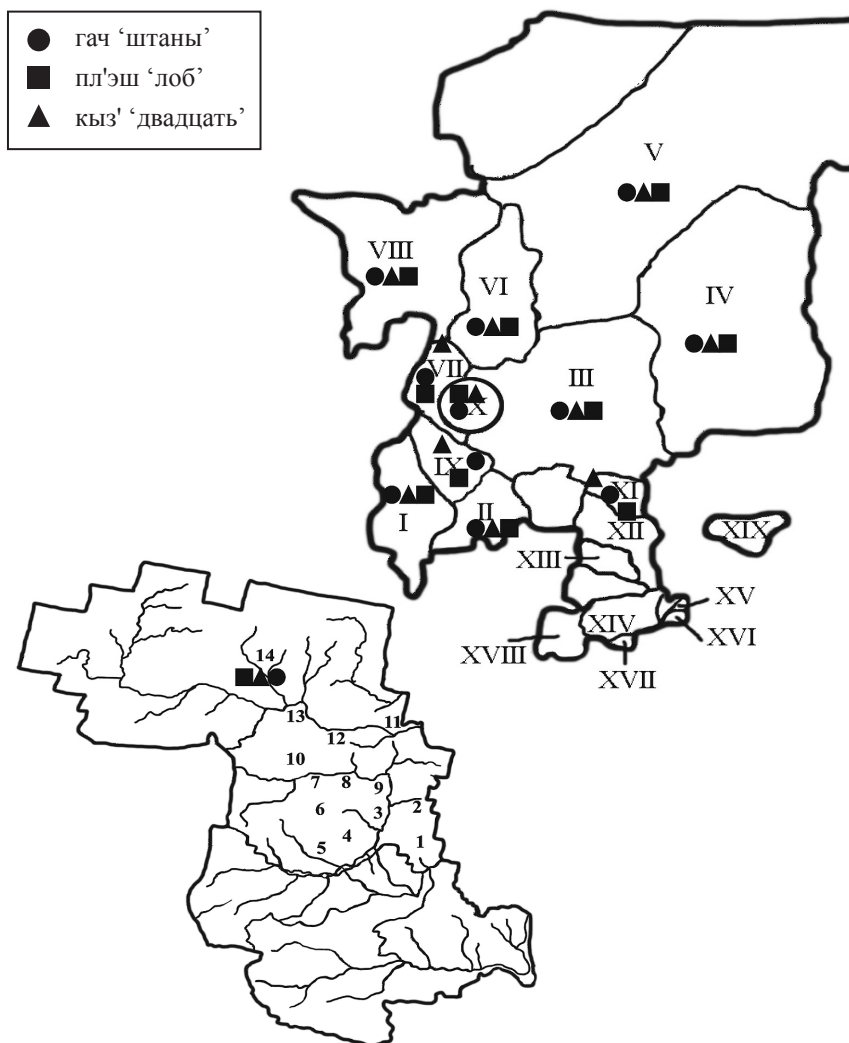
КАРТА № 29

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

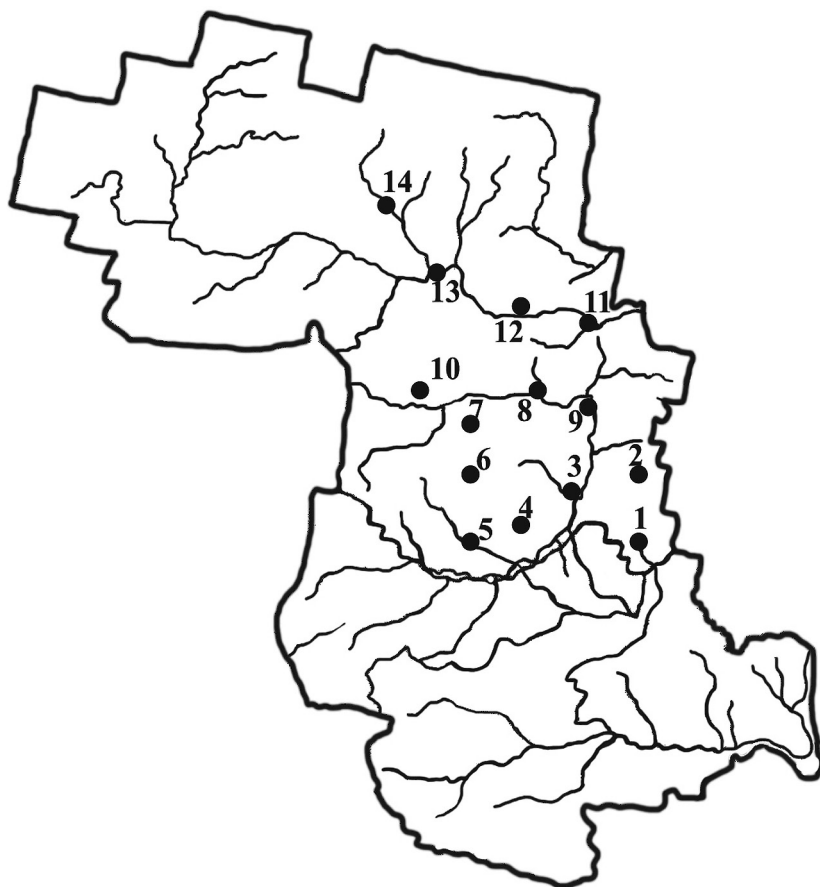
КАРТА № 30

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

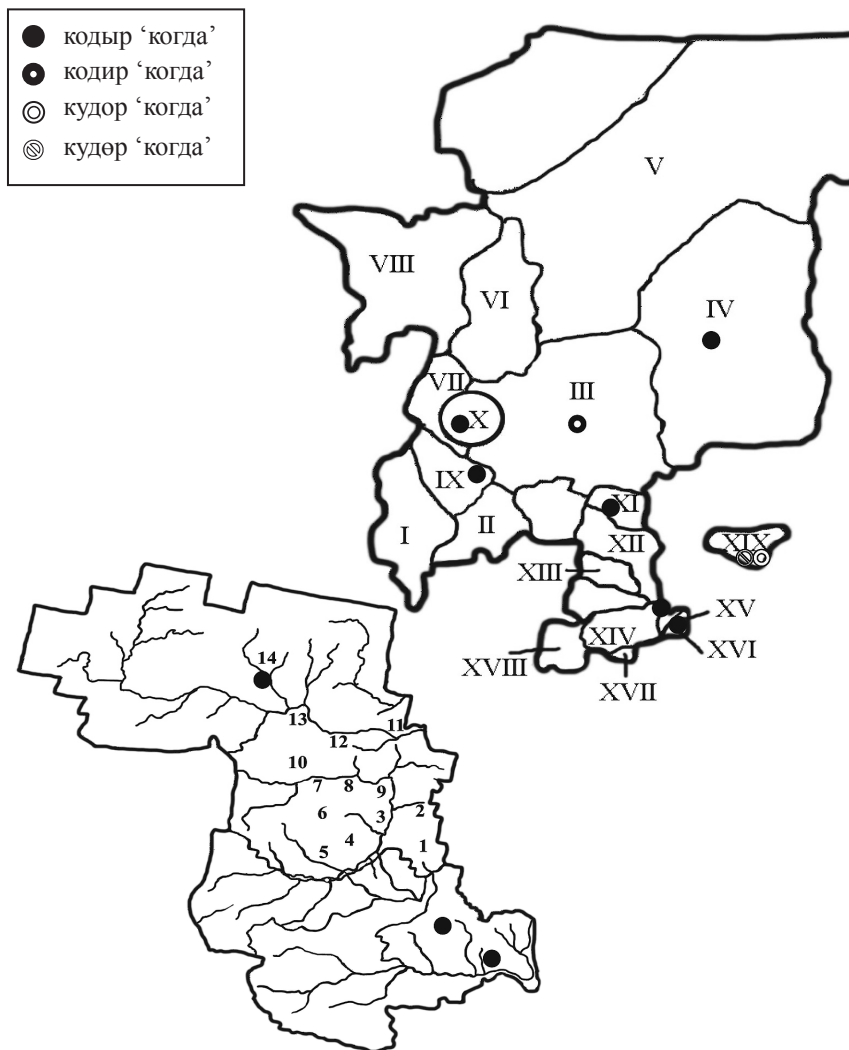
Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

КАРТА № 31

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

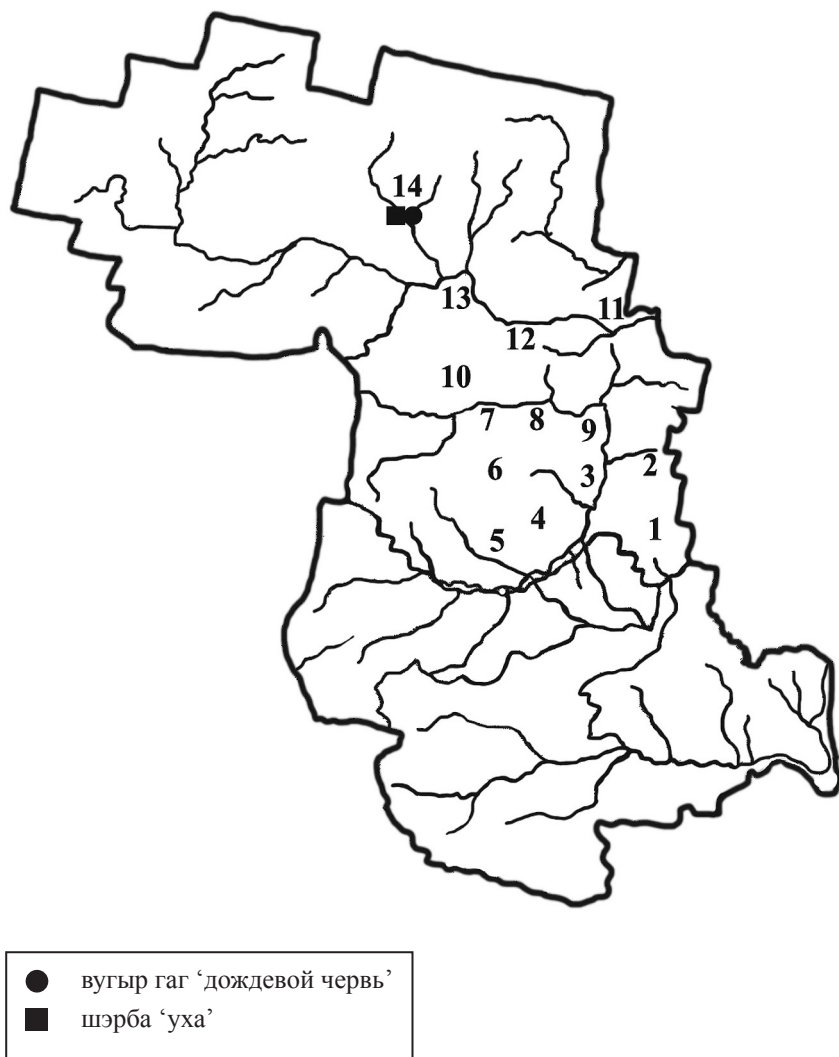
КАРТА № 32

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

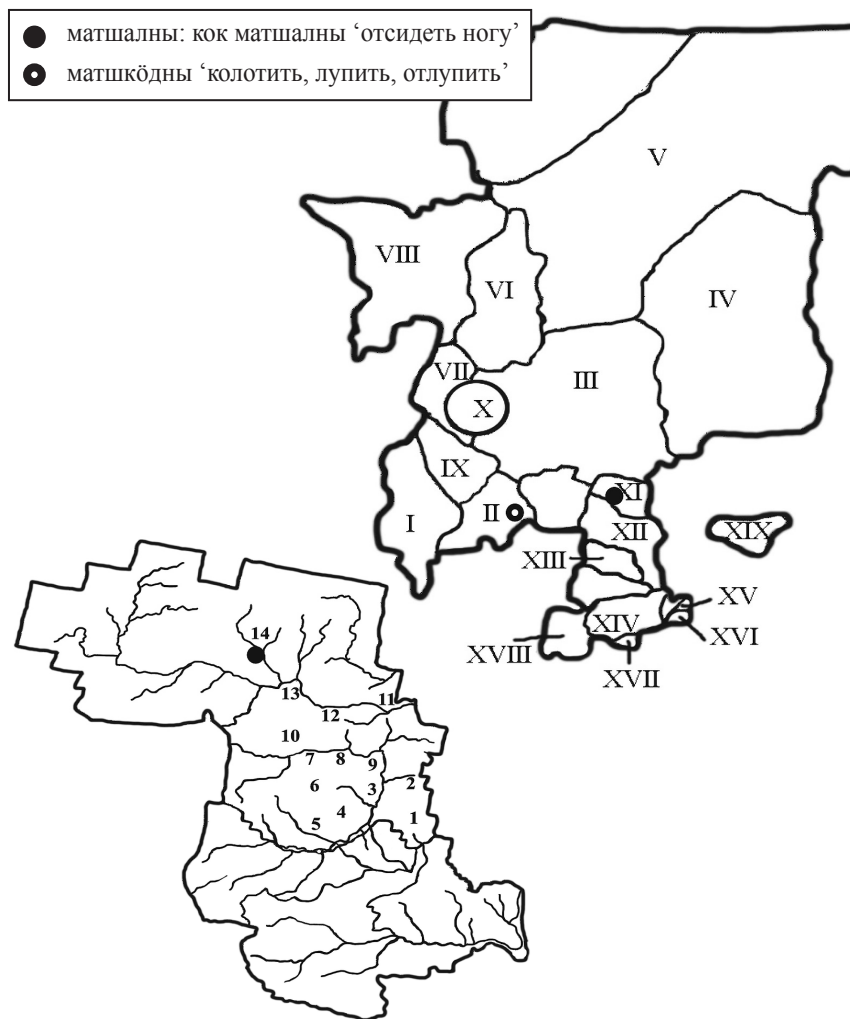
Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

КАРТА № 33

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

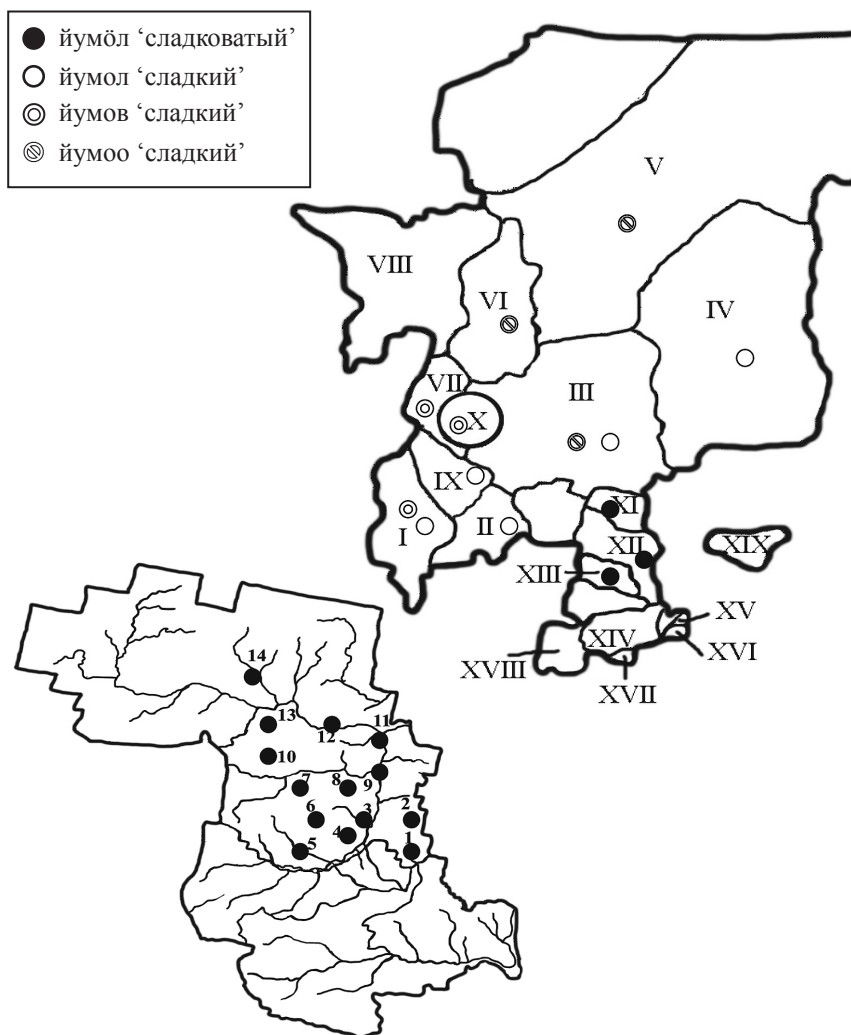
КАРТА № 34

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

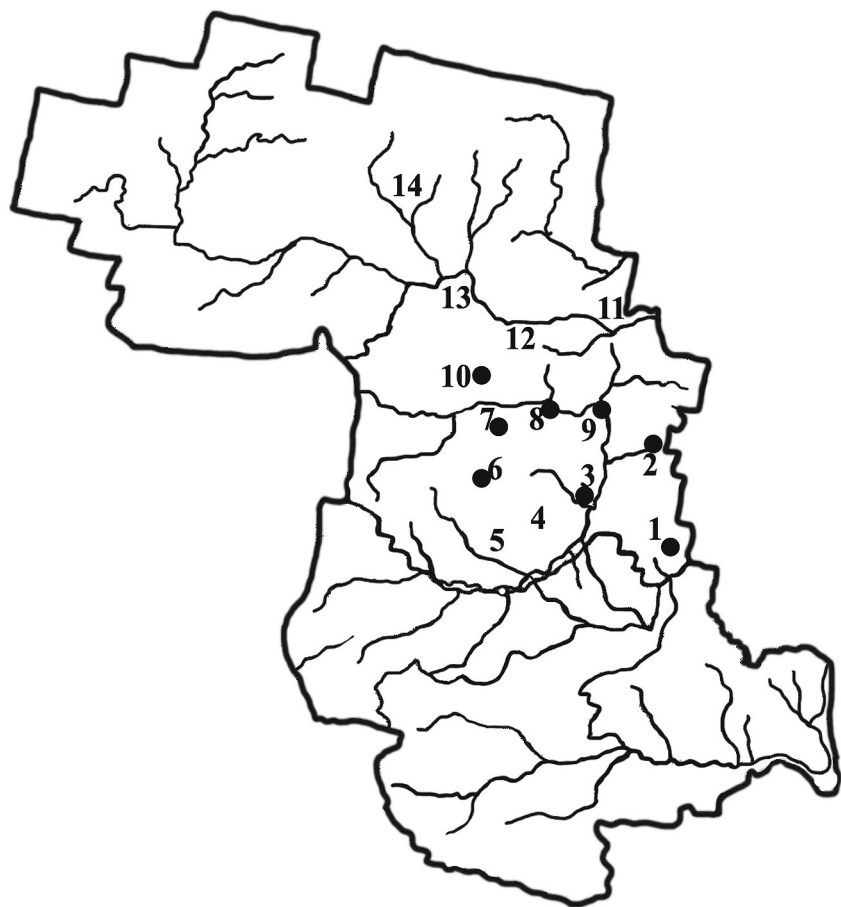
КАРТА № 35

Коми-зырянские диалекты: I – лл., II – вс., III – вв., IV – печ., V – иж., VI – вым., VII – нв., VIII – уд., IX – сс., X – скр.; **коми-пермяцкие диалекты:** XI – мыс.-луп., XII – кос.-кам., XIII – коч., XIV – к.-и., XV – н.-и., XVI – оньк., XVII – нерд.; XVIII – верхнекамское наречие, XIX – язьвинское наречие.

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

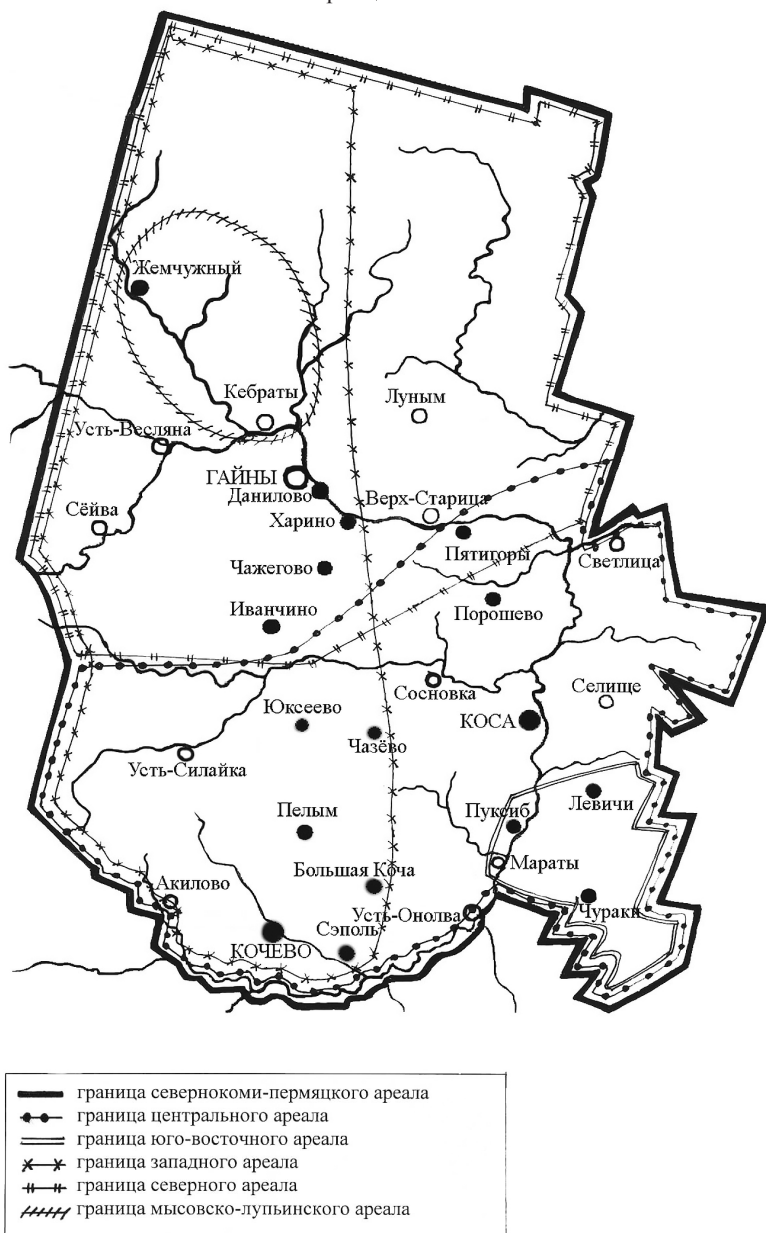
КАРТА № 36

● кипэзёл: кагаыс кипэзёл 'ребенок беспокойный'

Говоры северного наречия: 1 – чур., 2 – лев., 3 – пукс., 4 – б-коч., 5 – коч., 6 – пел., 7 – юкс., 8 – чаз., 9 – кос., 10 – иванч., 11 – пятиг., 12 – хар., 13 – дан., 14 – мыс.-луп.

Карта «Распространение ареалов северного наречия
коми-пермяцкого языка»

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
История изучения диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка	3
Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе	10
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА	19
Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка с точки зрения происхождения	21
Исконная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка	21
Заемствованная лексика в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка	32
Современные процессы в лексике северного наречия коми-пермяцкого языка	45
ГЛАВА 2. ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА (АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ)	49
Некоторые вопросы теории ареальной лингвистики	49
Севернокоми-пермяцкий ареал.	56
Центральный ареал (или южный)	67
Юго-восточный ареал	72
Западный ареал	76
Северный ареал.	82
Мысовско-лупьинский ареал.	86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	104
СОКРАЩЕНИЯ	109
БИБЛИОГРАФИЯ	111
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Материалы к диалектному словарю северного наречия коми-пермяцкого языка	124
ПРИЛОЖЕНИЕ II	156

ISBN 978-5-906394-24-8

Научное издание

Федосеева Елена Николаевна

**ЛЕКСИКА СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА**

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Подписано в печать 26.10.2015.
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 12,25. Тираж 300. Заказ № 68.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.